

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1 9 6 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2

1967

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Генрик Яблоньский</i> (ПНР). Влияние социалистической революции в России на характер второй Польской республики	3
<i>В. И. Злыднев</i> . Октябрьская революция и литературный процесс в Болгарии	12
<i>М. М. Фрейденберг</i> . Торговля далматинского города в XIII—XIV вв.	24
<i>Т. М. Судник, С. М. Толстая, В. Н. Топоров</i> . К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза	38
<i>Е. В. Чешко</i> . Система падежного синтаксиса старославянского языка	46

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Л. Титова</i> . О новых формах театральной жизни Чехословакии	56
<i>Л. С. Кишкин</i> . О чем напомнила старая фотография	62
<i>И. Д. Очак</i> . Автобиография югославского коммуниста Владимира Чопича	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>М. А. Бирман</i> . Основные направления в исследовании новой и новейшей истории Болгарии в болгарской историографии (1918—1944 гг.)	69
<i>А. И. Митряев, С. И. Сидельников</i> . Первый сборник по славянской историографии	75
<i>Н. Буссе, П. Цанев</i> . Марксистско-ленинская книга през периода на фашистката диктатура	77
<i>Г. П. Поченко</i> . Библиографии о Январском восстании 1863 года в Польше	78
<i>Р. П. Гришина, Г. Пенчев</i> . Нелегалните печатници на партията	80
<i>Г. Л. Ари, Н. Тодоров</i> . Филки Етерия и българите	82
<i>Ю. К. Безунов</i> . Новый труд болгарских ученых	84

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. К. Горский.</i> Опыт первого обобщения	85
<i>Э. А. Григорян.</i> Книга об армяно-болгарских литературных связях	88
<i>И. Н. Лозинский.</i> Первое украинское исследование о гениальном чешском са- тирике	91
<i>Л. Э. Калнынь.</i> «Sorbischer Sprachatlas»	93
<i>Г. Нецименко.</i> «Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur».	97

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1966 г. (продолжение)	98
Содержание иностранных журналов	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. А. Хренов.</i> В Международном комитете славистов	108
<i>В. А. Дьяков.</i> Международный симпозиум по истории революционных связей между народами СССР и Польши.	110
<i>Э. Тарвел.</i> Девятая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	112
<i>Э. Григорян.</i> Совещание по топонимике	114
<i>Н. М. Пашаева.</i> Славистика в фондах Государственной публичной историчес- кой библиотеки	116
<i>В. Л. Веренич, Л. Н. Смирнов.</i> Защита диссертаций	119

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Ю. В. Бромлей.</i> К 1050-летию со дня смерти Климента Охридского	120
<i>В. В. Зеленин.</i> Симпозиум, посвященный Первой сессии АВНОЮ	121
<i>Б. Н. Путилов.</i> На конгрессе югославских фольклористов	122
<i>С. А. Никитин.</i> <u>Академик Михаил Димитров</u>	125
<i>И. И. Костюшко.</i> <u>В. К. Яцунский</u>	126
<i>Ф. Г. Зуев, А. Я. Манусевич.</i> <u>Памяти П. В. Галенко</u>	126

ГЕНРИК ЯБЛОНЬСКИЙ

Министр просвещения
и высшего образования ПНР

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ НА ХАРАКТЕР ВТОРОЙ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вопрос о решающей роли Великой Октябрьской социалистической революции в восстановлении независимости Польши в 1918 г. хорошо уже освещен в работах как польских, так и советских ученых. Значительно слабее разработана другая важная тема, связанная, впрочем, с предыдущей, а именно: повлияла ли революция на внутренние политические и общественные отношения в новом польском государстве, и если повлияла, то как?

В краткой статье, естественно, нельзя осветить этот вопрос во всем его объеме. Здесь хотелось бы обратить внимание на некоторые его аспекты, представляющие определенный интерес.

Чтобы уяснить себе соотношение социальных сил в Польше в конце первой мировой войны, следует напомнить, что вследствие политики оккупантов и, прежде всего, вывоза рабочих на принудительные работы в Германию польский пролетариат был очень ослаблен. Городское население сильно сократилось, рабочих было мало и лишь немногие из них имели работу; общие условия борьбы поэтому были необычайно трудными¹. Несмотря на это, под влиянием революционных событий в России уже в 1917 г. усиливается борьба в различных формах, главным образом стачечная. Если в 1916 г. в Варшаве состоялось 15 стачек, то в 1917 г. их было уже 27. После Октябрьской революции стачки значительно участились и в 1918 г. их число достигло 42². Обострение стачечной борьбы наблюдается и в провинции. Эти цифры заставляют задуматься над причинами подъема боевого духа пролетариата. Ответ на этот вопрос будет облегчен, если мы ближе присмотримся к размаху стачечного движения и требованиям, выдвигаемым рабочими. Как правило, стачки 1916 и 1917 гг. преследовали цель добиться повышения заработной платы на отдельных предприятиях или группах предприятий. В 1918 г. (хотя исходные моменты большинства выступлений рабочих были подобны прежним) стачки приобретают боевой и все более революционный характер: они сопровождаются демонстрациями и акциями солидарности, перерастают в политические.

Уже 18 января 1918 г. варшавский представитель проавстрийского Главного национального комитета В. Висковский сообщал, что «по Вар-

¹ Подробнее см. Г. Яблоньский. Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 годов. М., 1963.

² T. S z t u r m d e S z t r e m. Walka o płace zarobkowe. Warszawa, 1922, s. 15.

шаве ходят разные тревожные слухи, не превратится ли нынешнее стачечное движение во всеобщую революцию. Эти опасения преувеличены, и, по меньшей мере, преждевременны.

Не следует, однако, закрывать глаза на тот факт, что стачечное движение коммунальных рабочих не будучи прологом к революции является все же первой серьезной проверкой сил»³.

Последующие месяцы 1918 г. характеризовались не только нарастанием активности трудящихся города, но одновременно и усилением антипомещичьих настроений в польской деревне⁴. Об этом свидетельствуют и многочисленные донесения оккупационных властей. В рапортах министерства внутренних дел, подчиненного созданному оккупантами и действующему под их надзором Регентскому совету Королевства Польского, все чаще повторяются сообщения о «большевистской агитации» среди крестьянства. Осенью 1918 г., когда в центральных державах усилились революционные настроения, польские имущие классы начала охватывать паника.

Изменения в настроениях народных масс, происходившие главным образом под влиянием Октябрьской революции, становления и упрочения Советской власти в России, а также осознание этих изменений буржуазией имели разнообразные последствия. Политические организации буржуазии во главе с Национальным польским комитетом прежде всего из-за ненависти к тем социальным изменениям, какие породила и могла породить революция, самым тесным образом связывают свою деятельность с интервенционистскими планами Антанты и становятся наиболее усердными союзниками и «подопечными» западных держав. Одновременно польская буржуазия понимала необходимость ряда уступок народным массам своей страны и даже самые заклятые враги демократии видели единственное спасение в помощи со стороны небуржуазных реформистских группировок. Но это ничуть не означало, что буржуазная демократия, как ее постулировали ППС-правица или левые крестьянские группы, а тем более провозглашаемые ими лозунги о широких социальных правах и аграрной реформе были по вкусу реакционным имущим классам. Однако в обстановке приближающегося поражения Центральных держав имущие классы не видят иного выхода, как, хотя бы временно, отказаться от своих прежних планов и согласиться на то, что они считали меньшим злом по сравнению с социальной революцией. Поэтому в страхе перед теми силами, которые породила в Польше Октябрьская революция, буржуазия вынуждена была изменить свои взгляды на возможное устройство возрождающегося польского государства.

Посмотрим как обстояло дело в 1917 г., когда польская буржуазия еще не предвидела ни победы пролетарской революции в России, ни тем более последствий, которые будет иметь русский пример для Польши. Тог-

³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, стр. 247.

⁴ 29 октября 1918 г. в меморандуме представительства проантантовского парижского Национального польского комитета в Берне говорилось: «...вот уже несколько месяцев замечается, что в Королевстве крестьянин прежде всего возгордился, стал неискренним с духовенством и землевладельцами, что он смотрит косо на все помещичье, и в головах широких народных масс зарождается какая-то скрытая, но совершенно новая агрессивная и разрушительная мысль, четко еще хотя и неоформившаяся. Если в деревнях большевистская агитация только начала заражать народные массы, то в городах и поселках эта эпидемия уже охватила рабочие массы. Агитация здесь, а особенно в таких крупных промышленных очагах, как Лодзь, Ченстохова, Домбровский бассейн, должна была вестись до сих пор тайно и осторожно, так как там концентрировались немецкие власти, их исполнительные органы и армия». См. «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I. Warszawa, 1957, s. 380—381.

да польская буржуазия с большим беспокойством следила за ростом активности народных масс города и деревни и одновременно подготавливала свой будущий аппарат власти на территории, где по мере изменения военной обстановки и ослабления позиции Германии увеличивались возможности для ее собственных действий. Даже в последние месяцы войны реальные полномочия Регентского совета и его кабинета министров были очень скромными, а самостоятельность их сильно ограниченной. И все же, принимая во внимание последующий ход событий, нельзя умалять значения организации отдельными министерствами, подчиненными Регентскому совету, сети их местных органов, которые были готовы в случае поражения оккупантов взять всю власть в свои руки. Впрочем, уже сам факт осуществления Регентским советом власти в области образования, а частично и правосудия, приучал население страны к существованию польских учреждений. Не меньшее значение имело и наличие городского самоуправления с зарождающимися полицейскими органами, где господствовала буржуазия. И, наконец, еще один существенный момент: Регентский совет имел свое военное министерство, правда, оно функционировало под названием комиссии и не имело власти над вооруженными силами, но все же эти вооруженные силы, так называемые «Польнише Вермахт», — существовали. Они не были велики. Ими командовал немецкий генерал-губернатор Безелер, однако в случае краха оккупации их действительным начальником стал бы Регентский совет.

Тогда же было решено разработать проект устройства польского государства, провозглашенного 5 ноября 1916 г. Этим занялось уже первое «государственное» учреждение, созданное оккупантами, — Временный государственный совет, который поручил специальной комиссии разработать проект конституции.

Проект, подготовленный комиссией, убедительно показывает, каким было бы польское государство, если бы у тех, кто хотел создать его под немецким патронатом, имелась полная свобода действий в реализации своих планов. Следовало бы напомнить, что в разработке этого проекта принимали участие представители различных политических направлений, от ППС-правиды до консерваторов, а также юристы, считавшиеся тогда самыми крупными научными авторитетами.

Авторы проекта исходили из предпосылки, что польский народ «политически неподготовлен». В связи с этим имелось в виду создать «конституционно-монархическое государство» с большими правами королевской власти. Предполагалось, что законодательную власть будет осуществлять король совместно с сеймом. Сейм должен был состоять из двух палат: сената и палаты депутатов. Члены палаты депутатов избирались путем тайного, прямого, равного и пропорционального голосования граждан мужского пола, достигших 25 лет. Предусматривая ограничение избирательных прав мужчин, проект вместе с тем исключал участие женщин в выборах депутатов сейма⁵. Еще более реакционным был способ образова-

⁵ Характерно, что женские организации, начиная борьбу с этими антидемократическими проектами, ссылались на развивающееся во всем мире демократическое движение и на непосредственно прогрессивные лозунги, провозглашаемые революционной Россией. Это особенно заметно в выступлениях созданного в сентябре 1917 г. Исполнительного комитета Съезда женщин. Так, например, 14 января 1918 г. в декларации Исполнительного комитета, представленной председателю совета министров, говорилось: «Мирные переговоры в Бресте-Литовском поставили на повестку дня заседания вопрос о праве наций на самоопределение на основе референдума. В референдуме необходимо участие всех граждан польского государства, в связи с этим мы требуем предоставить женщинам право голоса наравне с мужчинами». Цит. по: D. W a r z y k o w s k a - W i e r c i o c h o w a. Z dziejów kobiety wiejskiej. Warszawa, 1961, s. 168.

ния сената. Лишь половина сенаторов должна была избираться различными общественными организациями, причем помещикам отводилось 25% мест. Народные массы не могли иметь какого-либо влияния на сенат⁶.

Сказанное о проекте дает достаточно ясное представление о его общей тенденции и о характере всей конституции. А если еще добавить, что законодательные полномочия созданного таким образом сената были бы очень широкими, то нетрудно дать общую оценку государственному строю Польши, который хотели установить буржуазно-помещичьи круги. Впрочем, высказывание генерального референта комиссии проф. Ю. Бузека не оставляло никаких сомнений относительно направления проекта. По его объяснению, значительное влияние сената должно было продолжаться до тех пор, пока «народ политически настолько созреет, что станет возможным парламентское правление».

Вполне возможно, что в ходе последующих дискуссий этот проект мог быть изменен; например, в сторону уменьшения влияния помещиков и усиления влияния городской буржуазии, но существенных изменений ожидать не следовало, ибо даже монархический принцип сам по себе не вызвал серьезных возражений; монархию одобрял и представитель ППС-правиды В. Куновский⁷.

Такие проекты в 1917 г. не были чем-то неожиданным. Имущие классы чувствовали себя достаточно сильными и вместе с тем в связи с общим слабым экономическим развитием и сильными пережитками феодализма были настолько отсталыми, что не проявляли ни малейшего желания пойти слишком далеко в отношении государственного устройства страны.

В момент краха оккупации положение существенно изменилось. Регентский совет образует кабинет Свежиньского, состоящий из крупнейших деятелей ведущей буржуазной партии национал-демократов (эндэков). Последний подготавливает положение о выборах в сейм по всем правилам буржуазной демократии, а в своем известном воззвании изо всех сил старается заигрывать с народными массами, обещая им полное участие в управлении страной.

Однако события развивались таким образом, что у власти уже не могли удержаться ни правительство Свежиньского, ни сам Регентский совет. Сначала в Люблине образовалось правительство И. Дашиньского, лидера галицийских социалистов, потом вернулся Ю. Пилсудский, и Регентский совет передал ему власть. И, наконец, Пилсудский, уже как глава государства формирует так называемое народное правительство во главе с социалистом Е. Морачевским.

⁶ Численный состав сената устанавливался в размере $\frac{2}{3}$ личного состава палаты депутатов. Кроме помещиков, 25% мест предоставлялось органам сельского самоуправления, около 20% — органам городского самоуправления, около 15% — владельцам крупных промышленных предприятий, около 3% — владельцам крупных торговых заведений, около 12% — высшим учебным заведениям и научным учреждениям.

Вторая половина сената должна была состоять из достигших совершеннолетия членов королевской фамилии, варшавского архиепископа, католических и православных епископов, $\frac{2}{3}$ которых назначались пожизненно королем; затем, из представителей евангелического духовенства, президента Верховного суда, президента Верховного административного трибунала, председателя высшего в стране научного общества; 14 сенаторов, назначаемых королем сроком на 10 лет из кандидатов, выдвинутых объединениями крупных и мелких землевладельцев (4), промышленников (3), торговцев (3), рабочих (3), ученых (1). Кроме того, король мог назначить в сенат по своему усмотрению законоведов и представителей науки и искусства. A. G w i ł d ź. *Burżuazjno-obszarnicza konstytucja z 1921 roku w praktyce*. Warszawa, 1956, s. 47—48.

⁷ Не является при этом существенным спорный вопрос, занял ли он такую позицию с согласия партийного руководства или без согласия.

Правые социалисты и представители крестьянских группировок были включены в правительство главным образом с целью противодействовать революционным силам. Ибо левые рабочие партии уже в первые дни ноября, еще до образования люблинского правительства начали создавать по русскому образцу собственные органы власти — Советы рабочих депутатов.

В сущности сфера действия этих Советов ограничивалась территорией Королевства Польского и некоторых соседних с ней повятов Галиции. И хотя в Галиции и на территории, отошедшей после разделов к Пруссии, возникли организации, носившие подобные же названия, характер их был иным, да и влияние значительно меньшим, что объясняется прежде всего отсутствием там таких партий, как СДКПиЛ и ППС-левица.

Однако, учитывая все это, не следует забывать, что движение за создание Советов рабочих депутатов имело большой размах, а быстро создававшаяся сеть Советов свидетельствовала о том, что сама идея Советов на той территории, которая, благодаря существованию революционных пролетарских партий больше всего подвергалась влиянию русской революции, нашла исключительно благоприятную почву. В 100 городах и поселках Королевства были созданы Советы рабочих депутатов. В 37 городах (из 51 с населением более 10 тыс. жителей в каждом) возникли Советы. В некоторых местностях Советы создавали и рабочие фольварков.

Такое широкое распространение Советов не могло не повлиять на развитие всей политической ситуации в Королевстве в первые же недели независимости. Советы представляли интересы рабочего класса, выдвигали его экономические требования, пытались содействовать восстановлению промышленного производства. Они могли в определенный момент стать политическим противовесом для других образующихся властей нового польского государства.

Это заставляло более благоразумные круги буржуазии, понимавшие необходимость маневрирования, идти на уступки. Возникновение за короткое время такого внушительного количества Советов подтвердило опасения буржуазии относительно революционных настроений масс. Конечно, буржуазия хотела как можно скорее разгромить Советы, и в середине 1919 г., как только она достаточно окрепла, сделала это. Но в первый период независимости она все же вынуждена была считаться с теми настроениями, выразителями которых были Советы. Отсюда и отказ от своих первоначальных планов государственного устройства и согласие на передачу власти ППС и антиреволюционным крестьянским партиям. Сам лидер национальных демократов Р. Дмовский признавал позднее, что создававшееся польское государство должно было принять «защитный цвет»⁸.

Можно полагать, что мнение Пилсудского точно передает близкий к нему генерал Яцина, когда в своих воспоминаниях пишет, что глава государства «... считал спасением для страны привить обществу социализм, чтобы избавиться от коммунистической заразы, точно так же, как во время

⁸ Во всей довоенной польской историографии этот вопрос не являлся спорным. Даже бывший регент, варшавский архиепископ А. Каковский заявлял позднее, что Пилсудский «... событиями был вынужден сформировать социалистическое правительство, единственно возможное в тогдашний революционный период». Не колеблясь, он утверждал, что правительство Морачевского «оказало Польше огромную услугу, застраховав ее от коммунистической пропаганды», и даже, что «...это правительство в тогдашнее время было для Польши спасительным. Кабинет Свежиньского привел бы Польшу к анархии» («Niepodległość», t. XV). Конечно, реакционный экс-регент был противником демократии даже в ее буржуазном понимании и еще большим противником каких-либо уступок рабочему классу, но понимал, что в определенной мере эти уступки являются для имущих классов «необходимым злом».

эпидемии впрыскивают профилактическую сыворотку, которая временно вызывает повышение температуры и боли, но спасает организм от заразы»⁹.

Впрочем, как только буржуазия почувствовала себя уверенней, она свергла правительство Морачевского, и уже 16 января 1919 г. к власти открыто буржуазное правительство Падеревского.

Таким образом, полностью отдавая себе отчет в том, что такое буржуазная демократия, а тем более та, которую в сильно урезанной форме ввели в Польше, следует отметить, что она была все же шагом вперед по сравнению с реакционными планами буржуазии. От этих планов буржуазия вынуждена была отказаться под нажимом народных масс, вдохновленных на борьбу русской революцией. В еще большей степени это видно на примере так называемых социальных завоеваний рабочего класса.

Торжественные декларации Дашиньского и Морачевского обещали широкое социальное законодательство и участие рабочего класса в управлении страной. Однако совершенно ясно, что реализация этих деклараций зависела, прежде всего, от силы давления, оказываемого пролетариатом, и от того, в какой степени с ним вынуждено было считаться правительство.

Премьер-министр люблинского правительства И. Дашиньский заявил 10 ноября, что «рабочий не может оставаться жертвой капиталистической эксплуатации. Шахты, железные дороги, лесные массивы и крупные промышленные предприятия должны стать собственностью нации. Повсеместно следует ввести восьмичасовой рабочий день, и правительство разрабатывает уже соответствующий проект закона. Рабочие должны быть допущены к участию в управлении промышленными предприятиями и к контролю над ними. Рабочий класс сам должен позаботиться о том, чтобы со временем взять в свои руки полное управление промышленностью»¹⁰. Такие и подобные прогрессивные законы должен был принять будущий сейм.

Менее категоричным уже был в своих заявлениях Морачевский, но и он провозглашал необходимость предоставления рабочему классу широких социальных прав, передачи земли крестьянам и национализации многих отраслей хозяйства.

Все это должно было звучать для широких трудящихся масс как воззвание о реализации их собственных требований. Но не все трудящиеся понимали, что постоянные ссылки на сейм как единственно правомочный законодательный орган, по существу, исключали возможность реализации всего комплекса обещаемых экономических и социальных реформ. Их осуществление в огромной мере зависело от нажима народных масс.

В городе, где уже за несколько месяцев до освобождения от оккупации отмечается усиление борьбы, рабочий класс продолжал свои наступательные действия с возрастающей силой. Об этом свидетельствует хотя бы количество стачек, их размах и сочетание с другими формами борьбы. Из 42 стачек, состоявшихся в 1918 г. в Варшаве, на ноябрь и декабрь приходилось 14. Темпы стачечного движения не ослабевали и в последующие месяцы; в первом квартале 1919 г. в столице было организовано 22 стачки¹¹. Упомянутые стачки были всего лишь частью организованных выступлений польского пролетариата, особенно на территории Королевства, где руководящей силой освободительной борьбы являлись СДКПиЛ и ППС-левица, объединившиеся в декабре 1918 г. в Коммунистическую

⁹ J. J a c u n a. 1918—1928 w wolnej Polsce. Warszawa, 1927, s. 13.

¹⁰ Archiwum Zakładu historii partii, sygn. 296/I, tecz. 1.

¹¹ T. S z t u r m d e S z t r e m. Ibid., s. 15.

рабочую партию Польши. Прежде всего благодаря этим партиям и возникли Советы рабочих депутатов.

Советы просуществовали недолго: в середине 1919 г. они были разогнаны. Тем не менее, они оказали большое влияние на деятельность правительства Морачевского, а после его падения и на политику правого правительства Падеревского.

Не следует забывать, что именно Советы рабочих депутатов с самого начала своего существования выдвигали конкретные требования по улучшению условий жизни и труда рабочих, а некоторые из них, как, например, введение восьмичасового рабочего дня, стремились осуществить. Люблинское правительство, как и правительство Морачевского, обещая социальные реформы, лишь повторяли некоторые из рабочих требований¹². Нажим Советов заставлял частично претворять в жизнь эти требования.

Этим-то и объясняется, что при общей тенденции откладывать решение Вопросов до будущего сейма польское правительство вынуждено было издать 23 ноября 1918 г. декрет о восьмичасовом рабочем дне. За ним последовали другие декреты: об учреждении и деятельности инспекции по труду (7 декабря 1918 г.), о государственных учреждениях трудового посредничества (27 января 1919 г.), о страховании в случае болезни (2 января 1919 г.), о регулировании конфликтов между работодателями и сельскохозяйственными работниками (28 марта 1919 г.). Декретом от 8 февраля 1919 г. ликвидировались ограничения свободы объединения в профсоюзы на территории, ранее входившей в состав России¹³.

Конечно, между кабинетами Морачевского и Падеревского в этом отношении существовало различие. Если для первого были характерны так называемые «социальные законы», реформистское понимание социалистических преобразований общества, то для второго — реформы были лишь необходимым маневром в борьбе с рабочим движением. Однако в тот период это различие не имело существенного значения¹⁴. И та и другая позиция приводили к одной и той же цели и к одинаковым результатам. Поэтому и наблюдается такое единодушие в оценке социальной политики первых польских правительств со стороны различных авторов, мнения которых по другим вопросам существенно расходятся. Проиллюстрируем это положение хотя бы несколькими примерами.

Автор брошюры «Социальное законодательство в период правления Падеревского в Польше», изданной в 1927 г., человек левых убеждений, констатировал: «Польская республика возникла в революционный момент истории, когда капиталистический строй, свергнутый на Востоке, сильно пошатнулся и на Западе. Прогрессивные законы в области социального законодательства оказались в то время лишь уступками, которыми имущие классы Польши хотели оккупить сохранение своего классового господства. Позднее польская буржуазия начала отступать, отказываться от этих своих уступок»¹⁵. Было ли это только мнение коммунистической пропаганды?

¹² Cp. Z. S z c z y g i e l s k i, A. T y m i e n i e c k a. Z dziejów Rad delegatów robotniczych w Polsce. Warszawa, 1960; Z. R y b i c k i. O organizacji i działalności Rad delegatów robotniczych i chłopskich w Polsce 1918—1919 roku. — «Czasopismo prawno-historyczne», 1954, t. VI/2, s. 50 и след.

¹³ Эти декреты использовались так же, как оружие пропаганды. Так, например, во время борьбы за Верхнюю Силезию указывалось, что польское социальное законодательство даже учитывает интересы рабочих, чем соответствующее немецкое законодательство. См. «Ubezpieczenie społeczne robotników w Niemczech i w Polsce». Wyd. sp. wyd. Karola Miarki w Mikołowie, 1920.

¹⁴ Под нажимом Советов рабочих депутатов правительство Падеревского согласилось даже заплатить рабочим за 7 февраля, день, в который они бастовали, несмотря на то, что забастовка эта носила явно политический характер и проходила под лозунгом свержения правительства. См. «Protokół 37 posiedzenia Rady Ministrów z dn. 27 lutego 1919 r.» — Archiwum Zakładu historii partii, zespół 293.

¹⁵ H. J u r k o w s k i. Ustawodawstwo społeczne pod rządami Paderewskiego w Polsce. Warszawa, 1927, s. 16.

В своих воспоминаниях, изданных в 1936 г. в иной обстановке, Г. Крагельская и М. Кирстова, много лет работавшие инспекторами по труду, писали: «В Польше было более, чем где-либо поводов для решительного вступления на путь расширения социальной политики и трудового законодательства. Русская революция была в непосредственном соседстве с Польшей и, сегодня, пожалуй, это можно открыто признать, — сыграла величайшую роль в образовании польского государства. Тем больше было поводов у правительств, которые не шли по пути переворота и социальной перестройки, окружить самой заботливой опекой революционные массы, восхищенные русской революцией и в значительном числе непосредственно в ней участвовавшие, тем больше было основания для того, чтобы создать этим массам более сносные условия жизни по сравнению с жизнью в России во время заварухи, прекращающейся гражданской войны»¹⁶.

И это не только частное мнение упомянутых авторов. В официальном издании министерства труда и социального обеспечения¹⁷ содержатся заслуживающие внимания утверждения: «В спешке изданные декреты конца 1918 и начала 1919 гг. можно было бы упрекнуть в поверхностности, несовершенстве формы, недостаточном учете ситуации того времени — необходимо, однако, признать, что они имели громадное значение для первоначальной консолидации польского государства, защищая его одновременно от поглощения „федеративным“ водоворотом русской революции»¹⁸.

В другом официальном издании говорилось, что социальная политика первых польских правительств была «исторической необходимостью: она отвела бурный освободительный поток первого периода в более или менее спокойное русло государственной жизни»¹⁹.

Первая конституция нового польского государства была принята лишь в 1921 г. и, следовательно, ее рассмотрение выходит за рамки данной статьи. Необходимо, однако, отметить, что она была менее демократичной по сравнению с декларациями первых польских правительств. При всем этом она имела многие демократические черты. Несмотря на то, что прошло немало времени, несмотря на польско-советскую войну, после которой буржуазия почувствовала себя значительно окрепшей, по-прежнему оставался страх перед народными массами. Правда, правые социальные силы стремились изменить конституцию, сделать ее более реакционной: многие положения о социальных правах рабочего класса нарушались или обходились. Но даже те формальные уступки, на которые вынуждена была пойти буржуазия в 1921 г., — еще одно свидетельство того влияния, какое оказывали силы, вызванные к жизни в результате Октябрьской революции, на формирование возрождающейся польской государственности. В 1926 г. эта урезанная буржуазная демократия пала. В последующие годы положение народных масс постоянно ухудшалось, а в 1939 г. Польша опять потеряла свою независимость. Она вновь обрела ее в 1944 г., когда под ударами Советской Армии гитлеровские захватчики вынуждены были отступить с польских земель. Итак, польский народ вторично стал независимым благодаря силам, рожденным Октябрьской революцией.

Новое, дружественное Советскому Союзу Польское государство вступило на путь революционных преобразований и с этого времени, постоянно укрепляясь, стало неразрывным звеном социалистического лагеря.

¹⁶ H. Kraheńska, M. Kirsztowa, S. Wolski. *Ze wspomnień inspektoracy pracy*. Warszawa, 1936, s. 40.

¹⁷ «Dziesięć lat polityki społecznej Państwa Polskiego. 1918—1928». Warszawa, 1928. Об официальном характере этого издания свидетельствует, в частности, тот факт, что фамилия составителя М. Борнштейн-Лыховской значилась не на титульном листе, а в специальной ссылке, в которой говорилось, что материал составлен на основании официальных данных.

¹⁸ *Ibid.*, s. 8.

¹⁹ «Polityka społeczna Państwa Polskiego. 1918—1935». Warszawa, 1935, s. 27—28.

В. И. ЗЛЫДНЕВ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В БОЛГАРИИ

Идеи Октябрьской социалистической революции нашли широкий и многосторонний отклик в Болгарии. Они содействовали подъему национальной революционной мысли, глубоко волновали прогрессивную общественность и воздействовали на культурную жизнь страны. Все это составило одну из славных страниц в истории советско-болгарских отношений.

Глубокое воздействие революционных идей на общественно-политическую жизнь страны повлекло за собой существенные изменения в культурной и литературной жизни Болгарии.

Начало 20-х годов явилось важным этапом в творчестве крупнейших болгарских писателей и в развитии всей национальной литературы. Главные изменения состояли в повышении общественной и гражданской активности писателей общедемократического направления, в бурном подъеме пролетарской и революционной литературы, а несколько позднее — и в сплочении всех демократических сил в борьбе против реакции и фашизма. Первопричиной изменения характера литературного процесса были огромные перемены в общественно-политической жизни страны, которые воздействовали на общественное сознание и творческую практику писателей. Немалую роль здесь играли и идеи Октябрьской социалистической революции. Они были, как свидетельствуют многие болгарские поэты и прозаики, источником творческого вдохновения, важным стимулом художественного развития. Вот почему для исследователя болгарской литературы проблема Октябрьской революции и развития литературы приобретает важное теоретическое, методологическое и историко-литературное значение. В теоретическом аспекте представляется весьма важным уяснить роль передовых революционных идей в творческой практике отдельных художников слова и в судьбах литературных течений, методологически следует разграничить внешние факторы, воздействующие на национальную литературу, и внутренние процессы, а в историко-литературном плане — выявить рождение новых идей, тем, обогащение жанров и художественных принципов, раскрыть поступательное движение в самом литературном процессе.

Проблема Октябрьской революции и болгарской литературы не раз ставились болгарскими критиками и литературоведами в специальных статьях. К числу таких наиболее значительных работ следует отнести статьи Г. Цанева¹, В. Велчева² и Ц. Минкова³, появившиеся в 1957 г.

¹ См., например, Г. Цанев. Октомврийската революция и българската литература. В кн. «По пътя на реализма». София, 1960, стр. 133—147.

² В. Велчев. Великата Октомврийска социалистическа революция в изображението на българските поети. В кн. «40 години от Великата Октомврийска социалистическа революция». София, 1957, стр. 444—480.

³ Ц. Минков. Българската литература и Октомврийската революция. — «Език и литература», София, 1957, № 5, стр. 348—361.

Другие материалы — воспоминания, отклики, наблюдения, опубликованные в болгарской периодической печати, дополняют общую картину общественно-политической жизни тех лет.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе имеющихся данных, а также привлекая новый материал, вскрыть те изменения, которые произошли в самом литературном процессе Болгарии под влиянием идей социалистической революции и советской литературы, показать их плодотворность для творчества писателей и определить важнейшие моменты развития самой темы революции в литературе.

К концу первой мировой войны идейно-художественное размежевание сил в литературе проявилось с особой определенностью. В лагере писателей-реалистов общедемократического направления угасли искусственно разжигавшиеся в военные годы националистические тенденции. На первый план выступила критика общественных и моральных устоев буржуазного общества (Г. Стаматов, А. Страшимиров, Елин Пелин). Творческий кризис переживала группа символистов, а наиболее талантливые ее представители — Х. Ясенов, Г. Милев, Л. Стоянов — искали новые пути в литературе. Распирялась и набирала новые силы группа пролетарских писателей (Д. Полянов, Х. Смирненский, К. Кюлявков). Каждое из этих литературных течений по-своему воспринимало новую историческую обстановку. В первом номере журнала «Борба» за 1919 г. критик-коммунист Г. Бакалов писал: «Если литература является отражением жизни, — а она, бесспорно, такова, — мы имеем право надеяться на лучшие времена для нашей литературы, так как наступает пора революционного подъема народных масс»⁴. Вскоре после этого, действительно, широко развернулось творчество болгарских революционных писателей. Возрос интерес к политическим событиям и со стороны писателей-реалистов. Одним из частных проявлений нового самосознания писателей может служить высказывание Елина Пелина, относящееся к 1922 году: «Я уважаю, — говорил он, — коммунизм как идеал обновления человечества и человека. Я преклоняюсь перед черными, потрескавшимися от труда руками, перед подлинными вдохновленными борцами за правду, обновление»⁵. Такие идеи, несомненно, могли родиться у писателя-демократа лишь в момент революционного подъема. Впоследствии они не стали его убеждениями, но приведенное высказывание выражает настроение, овладевшее широким кругом болгарских литераторов в начале 20-х годов.

Мы не располагаем свидетельствами, которые бы позволяли говорить о том, что писатели старшего поколения, стоявшие на общедемократических позициях, приняли Октябрьскую революцию. То, что происходило в России, им было непонятно. Но весьма примечательно другое: ни один из крупных писателей-реалистов не выступил против этих событий, а появившиеся в стране белоземляки были довольно сдержанно встречены демократической литературной общественностью⁶.

Более восприимчивой к знаменательным событиям в России оказалась литературная молодежь, которая была на фронте, которая сама пережила все лишения и страдания болгарских солдат в тяжелой изнурительной войне. Поэт-символист Л. Стоянов увидел в революции силу, способную положить конец войне⁷. Вскоре после войны в творчестве Л. Стоя-

⁴ Г. Бакалов. Избрани произведения, т. 1. София, 1963, стр. 308.

⁵ Елин Пелин. Събрани съчинения, т. 10. София, 1959, стр. 129—130.

⁶ И. Шишманов. Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1930, стр. 166, 171.

⁷ См. Г. Найденова. В творческата лаборатория на писателя Людмил Стоянов. В кн. «Людмил Стоянов. Изследвания и статии за творчеството му». София, 1961, стр. 201.

нова появляются произведения в стихах и прозе (рассказы «Отмщение Рафаила Давидова», «Чайльд Гарольд», «Хатидже»), в которых писатель осуждает войну и стремится разрешить, по его выражению, «психологическую проблему смерти». Пройдет еще некоторое время — и он станет внимательно приглядываться к новым социальным процессам в Советской России. Многие ему будут внутренне импонировать. В 1923 г. появляется статья Л. Стоянова «Путеводная звезда. О неоромантизме»⁸. И хотя в ней высказано слишком абстрактное представление о русской революции, — важно отметить такую особенность — болгарский писатель не только симпатизирует тому, что происходит в России, но и ждет от нее новых идей в искусстве. Вскоре вслед за этим появляются и новые мотивы в стихах поэта. Теперь он ждет, «как светлого чуда, день последней борьбы» («Отрицатель»), с болью пишет о тяжелой участи своего народа и мечтает, чтобы тот «расправил плечи, сломал окаменелость» и замахнулся своим «гигантским кулаком» («Бедность»). В 1923 г. Л. Стоянов, совсем недавно осуждавший всякую войну и борьбу, пишет рассказ «Конец Луковистской советской республики», в котором выражает свои симпатии к тем, кто идет войной на властителей буржуазного мира. А один из героев рассказа с воодушевлением говорил «о новой жизни, о России», где земля принадлежит всем, где имеет право есть тот, кто работает. Эти факты творческой биографии писателя неопровержимо свидетельствуют о том, что после первой мировой войны в его взглядах, творчестве произошли важные изменения, которые были связаны с разносторонним влиянием на него идей Октября.

Не менее интересен и другой пример из жизни начинавшего в то время поэта Ламара (Лалю Маринова). Вот что он рассказывает в своих воспоминаниях о времени начала Октябрьской революции: «Мы, болгары, узнали об Октябрьской революции, когда находились в блиндажах „южного фронта“... И мы, писатели, с душевным трепетом следили тогда за наступлением Красной Армии, радовались ее победам. Утверждение революции в поэзии мы постигали через Блока, Есенина и Маяковского... И для нас, писателей, Октябрьская революция была не только наступлением свободы и экономического преобразования, а эпохой духовного возмужания. Она влила новые чувства и создала новые эмоции в нашей поэзии»⁹.

Разумеется, процесс восприятия идей и их воплощение в художественной практике акт не одновременный, а большей частью мучительный и длительный. В данном случае нам хотелось бы обратить внимание на другую сторону. Уже в первые годы после Октябрьской революции ее идеи воспринимаются не только через политическую литературу, через знакомство с самими событиями, но и благодаря советской художественной литературе. Здесь происходит как бы слияние двух потоков, идущих из Советской России, — идеологического и художественного. Сливаясь воедино, они оказывают сильное воздействие на молодую творческую интеллигенцию, на художников слова — поэтов и прозаиков.

Творческая биография Ламара подтверждает это: приобщение поэта к революционным идеям не сразу сказалось на его художественной практике. На первом этапе молодого поэта захватывала стихия протеста, народного волнения, особенно сильно проявившаяся в среде солдатских масс. И лишь к 1920 г. относится более глубокое восприятие социальных и культурных преобразований. В «Заметках об Октябрьской революции» Ламар писал: «Я поверил в Октябрьскую революцию, когда Ленин заговорил о культурном развитии общества, в разгар самой революции...

⁸ «Хиперион». София, 1923, № 1.

⁹ «Литературен фронт», София, 1 XI 1956.

Это было в 1920 году...»¹⁰. Но и тогда еще поэт не смог выразить в печати своего отношения к происходившим событиям в России. Первая статья Ламара в защиту Советского Союза и Ленина появилась лишь в 1924 г. в журнале Гео Милева «Пламя». Ранние стихи поэта 1920—1922 гг. — это дань традициям символистов и первые проявления экспрессионизма у Ламара. В первом сборнике его стихотворений «Арена» (1922) мотивы протеста против всех царей и императоров облечены в экспрессионистскую форму. Бунт против «изящной поэзии» выливался порой в самоцельное экспериментаторство в области языка, стиля. С большей определенностью социальный протест нашел выражение во втором сборнике Ламара «Железные иконы» (1927) и в его антивоенной поэме «Мирные — немилые годы» (1928). Большую роль в идейно-художественном развитии поэта сыграла его близость с Г. Милевым и Х. Ясеновым, его активное участие в издании революционного журнала «Пламя» (1924—1925). На этом этапе ощутимо и воздействие на Ламара поэзии Блока, Маяковского, Есенина. Три разных и непохожих друг на друга поэта были близки Ламару стихией борьбы, силой, обращенной на крушение старого мира. Но чтобы приобщиться к этой литературе, Ламару нужно было начать с восприятия идей Октябрьской революции. Без этого невозможно была бы и последующая эволюция идеологических и эстетических взглядов поэта.

Из приведенных примеров не следует, однако, делать заключения, что лишь пребывание писателей на фронте способствовало активному восприятию новых революционных идей. Не меньшую роль здесь оказывала сама историческая обстановка, сложившаяся в Болгарии в первые годы после мировой войны. Г. Белев в своих воспоминаниях описывает демонстрацию, участницей которой — и среди них болгарские писатели — выражали «свое сочувствие, свою солидарность с рабочими Советской России»¹¹. Недавний почитатель эстетства, модернизма, Г. Белев в первые годы после войны стал иначе смотреть на многие явления жизни и искусства. Как справедливо отмечает Р. Ликова «Октябрьская революция окрылила писателя, его симпатии стали на стороне тесных социалистов»¹². Эволюция же в творческом методе Г. Белева проходила медленнее. В 1923 г. он издает сборник рассказов «Тайное страдание», в которых отдает дань традициям болгарского символизма. В следующем сборнике прозаика «Фильм и каменный уголь» (1933) в центре внимания оказывается сельская и городская беднота, на первый план выступает социальный конфликт. В истории болгарской литературы новый сборник писателя занимает скромное место. Однако для творческой биографии Г. Белева это первый крупный шаг к реалистическому искусству. Он стал возможным благодаря сближению писателя с болгарскими коммунистами и антифашистами еще в середине 20-х годов.

Одним из первых поэтов, кто откликнулся на знаменательные события в России, был Христо Ясенов. Еще в ноябре 1917 г. он делает наброски стихотворения «Петроград», которое стало известно болгарским читателям в 1920 году. В этом стихотворении у молодого поэта, еще не порвавшего с символизмом, зазвучали новые мотивы. Он восхищался подвигом пролетарского Петрограда, восторженно приветствовал исторические события и видел в них начало новой эпохи и для болгарских тружеников:

¹⁰ Л а м а р. Бележки за Октомврийската революция. — «Литературна мисъл», 1957, № 3, стр. 105.

¹¹ Г. Б е л е в. Ура, революция в Русия. — «Литературен фронт», 3 X 1957.

¹² Р. Л и к о в а. Българската белетристика между двете войни 1918—1944. София, 1965, стр. 311.

Твои сыны встают, бессмертный Петроград,
идут они в бой с ордой бесчеловечной.
Здесь каждый сын твой — наш погибший брат,
могилы воинов — наш символ правды вечной.

(Перев. Л. Белова)

Стихотворение «Петроград» явилось важным моментом в творческом развитии Х. Ясенова — в его переходе на позиции революционного искусства. Выражением новых идейных позиций писателя стала и его активная деятельность в журнале «Червен смях», где он печатал сатирические фельетоны, заметки против болгарской реакции, в защиту молодого советского государства и большевиков. В том же журнале в 1919 г. Ясенов публикует стихотворение «За гранитною оградой» — произведение, выражающее отношение автора к подъему революционного движения в Болгарии: «Я хочу грозы и бури, я хочу чтоб изливались небеса дождем свинцовым, всежигающим огнем... чтоб дворцы пылали! Чудо есть и в пламени земном!».

В стихотворении «Под новый год» Х. Ясенов снова мечтает, чтобы 1920 год прозвучал призывом к последней битве «по всем горизонтам и странам». И сам он с этого момента целиком отдается революционной деятельности. Поэту не суждено было в полной мере выразить свои новые чувства и настроения: в мае 1925 г. он погиб в борьбе с фашизмом.

В третью годовщину социалистической революции другой поэт, также в прошлом символист, Э. Попдимитров создает поэму «Россия» (опубликована в 1921 г.), в которой преклоняется перед подвигом пробудившегося русского народа («Я воспеваю землю великую, героев суровых, Россию — стальную стихию»). Как и для Х. Ясенова, обращение Попдимитрова к теме русской революции знаменовало важный шаг в его творчестве, в его эволюции от символизма к поэзии больших социальных конфликтов. В образной и стилиевой структуре поэмы еще сильно чувствуется традиционная символика, хотя здесь она приобретает уже иное содержание — революционный смысл. Болгарские критики не без оснований отмечали влияние на болгарского поэта А. Белого — автора поэмы «Христос воскрес», А. Блока — автора «Двенадцати». Всех их роднит характер утверждения «святости» Октябрьской революции через образ Иисуса Христа, представление о революционерах, руководителей революции как об «апостолах бледных», а также преклонение перед неудержимой стихией. Особенно чувствуется эта близость в концовке поэмы. Ведь и у болгарского поэта, как у А. Блока, всю поэму венчает образ Христа: «Из мрака выходит в огненной рубашке Иисус!».

Небольшая поэма Э. Попдимитрова «Россия» в отдельных своих частях отвлеченна, образы-символы порой носят слишком общий характер, но автору нельзя отказать в искренности его волнений, в стремлении «восславить» поднимающуюся Русь. Поэт воспринимает героическое прошлое русского народа как подготовительный этап к сегодняшней революции, имевший огромное значение для разных народов и для самой Болгарии. Знаменательны в этом отношении строки введения:

Ты ярко горюшь, поднимаясь все выше,
Живым многоцветьем в степях,
И в трудный час
Рук миллионы
Сквозь ночь простираются в ржавых цепях
К тебе, огромное сердце,
Борьбой закаленное,
Пролившее кровь за нас!...

(Перев. П. Семьмина)

В следующем году Э. Попдимитров пишет поэму «Болгарский народ». Она как бы продолжает ту же тему борьбы народных масс, решенную уже на основе национального опыта. Истоки сегодняшнего подъема в Болгарии поэт видит в знаменитом движении богомилов еще в средние века. Вместе с тем между событиями в России и Болгарии он ощущает прямую связь и зависимость: «Погледай: от север гъмжи към Мизия весел рояк племена»; или: «В потайни и пусти места ти бродиш без вяра, без фар. И зъзнеш, загледан в ношта към Северни странен пожар». В конце поэмы высказано утверждение: «Сотрясаются вековые устои, нарастает рокот грядущей грозы... В воздухе носится острое дыхание будущих бурь!».

Эти поэмы Э. Попдимитрова знаменовали начало нового этапа в творческом пути поэта, этапа, связанного с социальной гражданской лирикой, с революционно-романтической болгарской поэзией начала 20-х годов. Не случайно в названных поэмах Попдимитрова, как и в его сборниках стихотворений «Свободные стихи» (1921), «Знамена» (1922), «Корабли» (1923), мы находим много общего с образной системой крупнейшего революционного поэта той эпохи — Христо Смирненского.

В последующие годы творчество Э. Попдимитрова было осложнено воздействием на него противоречивых тенденций, однако, он уже навсегда распрощался с символизмом и в новых произведениях стремился выразить передовые гуманистические идеалы в реалистических стихотворениях и поэмах. Вершиной его художественного творчества явилась сатирическая поэма «В стране роз» (1939), а его гражданские и патриотические позиции характеризуются сближением поэта с болгарскими писателями-коммунистами в конце 30-х и начале 40-х годов.

Из всех болгарских писателей первой половины 20-х годов, пришедших в революционную литературу через преодоление модернизма и эстетства, одной из самых оригинальных личностей был Гео Милев. У него нет стихотворений, посвященных Октябрьской революции, но отношение к ней ощущается в литературно-критических и публицистических статьях писателя, в его переводах, а также в его прославленной антифашистской поэме «Сентябрь». Поэт, начинавший свой путь в русле символизма, испытавший в самом конце войны воздействие немецкого экспрессионизма, он хотел перенести этот опыт на болгарскую литературу. Позиции писателя нашли выражение в редактируемом им журнале «Везни» (1919—1922). Однако революционная ситуация в Болгарии, исторические события в России, а также появление в Болгарии первых произведений советской литературы об Октябрьской революции, — все это разрушало прежние общественно-политические и эстетические взгляды Гео Милева. Болгарский поэт включился в активное антифашистское движение, бичевал национальную реакцию в журнале «Пламяк», а затем прославил вооруженное восстание народа в сентябре 1923 г. в поэме «Сентябрь» (1925). Эта героико-романтическая поэма Милева, возникшая на национальной почве, отличается глубоким новаторством, укрупненной масштабностью, которая могла проявиться лишь в результате освоения опыта русской революции.

Итак, общая тенденция, характерная для целой группы писателей, сводится к тому, что ряд молодых писателей, выступавших еще до войны, а также в первые годы после войны в русле символизма, эстетства, испытывал огромное воздействие политических и социальных идей Октябрьской революции. И в результате этого происходят существенные перемены во всем литературном течении — ускоряется процесс распада болгарского символизма. На эту сторону уже обращали внимание литературоведы. В обобщенном плане эта мысль хорошо выражена и в неопуб-

ликованной статье К. Кюлявкова «Октябрьская революция и мой творческий путь». Вот, что пишет он о том времени, когда сам вступал в литературу: «Во время первой империалистической войны и за несколько лет до нее Болгария была залита символистскими произведениями — переводами западных и русских авторов, — которые оказывали огромное влияние на развитие болгарской литературы, и особенно болгарской поэзии тех лет. Это влияние претерпели почти все молодые поэты той эпохи... Октябрьская революция первой пробила дверь этого замкнутого круга, где реалисты были неожиданными и нежеланными гостями. Поэты начали освобождаться от этого влияния...»¹³.

Роль революционной ситуации в стране отразилась на литературе не только в распаде символизма, не только в переходе талантливых художников слова на позиции революционного искусства, но и в его существенном обогащении темой национальной борьбы, идеями пролетарского интернационализма, образами революционеров. Теперь же не только стали богаче изобразительные средства в поэзии (революционная символика, экспрессия выражения, ритмика движения и порыва), но и изменился характер ее содержания. Поэты стали чаще обращаться к изображению борьбы народных масс, к важнейшим проблемам национальной истории, к выражению своих революционных симпатий к русским пролетариям. В связи с этим изменялся и основной образ в поэзии — герой революционной борьбы, связанный уже с интересами трудового народа.

Другую линию развития болгарской литературы с начала 20-х годов представляет творчество писателей пролетарского лагеря. О силе и степени развития этого литературного течения свидетельствует появление ряда новых революционных изданий болгарских коммунистов, которые стали основной трибуной пролетарских писателей. К их числу относятся журналы «Борба» (1919—1920) и «Нов път» (1923—1925), «Червен смях» (1919—1923) и «Младеж» (1921—1923). Кроме того, пролетарские критики и писатели систематически выступали в партийных изданиях коммунистов — газете «Работнически вестник» и журнале «Ново време».

Писатели-коммунисты использовали разные жанры — от публицистических статей, очерков и фельетонов до стихотворений, поэм и коротких рассказов; решали разные проблемы — от социальных и экономических — до вопросов культуры и литературы.

Самым крупным представителем пролетарской литературы Болгарии начала 20-х годов был Христо Смирненский. В его стихах и публицистических статьях, печатавшихся в журнале «Червен смях», большое место заняла тема Октябрьской революции. Стихи поэта о Советской России, о революционной Москве, о победном шествии Красной Армии («Северное сияние», «Три года», «Москва», «Северный Спартак», «Русский Прометей», «Красные эскадроны» и др.) относятся к числу лучших художественных произведений Х. Смирненского и знаменуют вершину в развитии болгарской революционной поэзии тех лет. Поэту удалось найти новые художественные средства, чтобы передать живую динамику времени революционной борьбы пролетариев не только в Советской России, но и в Германии, и в Болгарии. Ведущим мотивом становится мотив стремительного движения, порыва в будущее, которое рождается уже сейчас. Определяя ведущую тенденцию лучших произведений поэта, Г. Бакалов еще в 1923 г. писал: «Восторг, опьянение борьбой, жажда подвига и самопожертвования, бунт и движение, движение, движение — вот содержание поэзии Смир-

¹³ Рукопись статьи хранится в Центральном Государственном историческом архиве в Софии, ф. 525, оп. 1.

ненского. А форма ее — феерия огнеструйных образов и картин»¹⁴. К этому следовало бы добавить, что динамика отнюдь не носит в данном случае самоцельный характер, что за этим порывом стоят образы героев — носителей социалистических идей. Используя лучшие достижения болгарской поэзии, посвященной национально-освободительной борьбе (в частности, «Эпопею забытых» И. Вазова), Х. Смирненский прокладывал в литературе новые пути — пути социалистического реализма. А романтические формы обобщения, к которым прибегает поэт, выступают как одно из проявлений социалистического реализма на его раннем этапе. Так, тема Октября и Советской России становится одним из важных факторов формирования нового метода в болгарской литературе.

В этом же русле развивалось и послевоенное творчество Д. Полянова — поэта, публициста и редактора революционных журналов. Еще в 1918 г. он приветствует Октябрьскую революцию. В ней поэт видит осуществление мечты миллионов пролетариев, начало создания нового мира. Отсюда рождается исторический оптимизм, чувство уверенности и пролетарского интернационализма. В стихотворении «Мы идем» он пишет: «Из крови и дыма, сквозь ужас мы идем возрожденными, преодолевая скорбь о павших товарищах... Новый мир строят уже титаны-творцы»¹⁵. Русскую революцию поэт воспевае как весну человечества, как огромную силу, сокрушающую мир капиталистического общества. Это составляет основное содержание таких стихотворений Д. Полянова, как «Красная весна», «Звезды революции», «Красный вихорь», «Советская Россия» (1920 и 1921 гг.). Сегодня мы чувствуем явную риторичность этих произведений поэта. Его мысль не всегда воплощается в полноценных художественных образах. И все же следует сказать, что в момент появления эти стихи имели большой общественный резонанс, они отвечали духу времени и утверждали передовые идеи. Не случайно к журналам, в которых сотрудничали Д. Полянов и Х. Смирненский, тяготели многие молодые поэты и прозаики, увлеченные волной революционного движения. В результате общих усилий укреплялся фронт революционных писателей, а пролетарская литература обогащалась новыми идеями, художественными средствами и стиливыми направлениями.

Со второй половины 20-х годов тема Октябрьской революции не занимает уже большого места в болгарской литературе. Некоторые литературоведы склонны объяснять такое положение усилившейся в стране реакцией, а затем и наступившим фашистским режимом, жестокими условиями цензуры.

Однако революционная литература не замирала, а выступления писателей-коммунистов и антифашистов против реакционного режима еще более усилились. Появились и новые издания журналов и газет, в которых ключом била революционная мысль, отстаивались принципы социалистического искусства и литературы. К числу таких изданий относятся журналы — «Наковалня», «Звезда», еженедельники «Ведрина», «РЛФ», «Штит», «Кормило».

В новых исторических условиях тема Октябрьской революции трансформируется и несколько видоизменяется. Наряду с традиционными произведениями, представляющими прямое обращение к событиям Октября и создаваемым главным образом в дни празднования годовщин, в литературе возникает тема Советского Союза — жизни нового государства с совсем необычными доселе социальными, экономическими и культурными отношениями. Широкий интерес вызывали очерки писателей,

¹⁴ Г. Б а к а л о в. Избрани произведения, т. 2. София, 1963, стр. 25.

¹⁵ Д. П о л я н о в. Събрани съчинения, т. 1. София, 1960, стр. 143—144.

общественных и культурных деятелей, которые посещали Советский Союз. Репортаж и очерк, расширившие границы национальной прозы, возможности ее жанров, приобретают теперь особое значение. Этим новым потоком увлечены такие писатели и общественные деятели, как А. Карима (выступавшая со своими публикациями об СССР еще в конце 20-х годов), П. Напетов, Х. Стойков, Г. Бакалов.

По полноте охвата материалов, по художественным достоинствам из всей очерковой литературы выгодно выделяются две книги писателя-коммуниста Марко Марчевского — «Восемь лет в Советском Союзе» (1934) и «Утро над полями. Репортажный роман» (1935). Прежде чем они увидели свет, автору пришлось выдержать напряженную борьбу против официальной цензуры, которая всячески препятствовала появлению этих книг, а затем, наконец, разрешила их, но со значительными сокращениями и изменениями. В 1945 г. оба произведения М. Марчевского были объединены в одну книгу под названием «Советские люди». Очеркам присущ элемент беллетризации, некоторого художественного домысла, и в то же время они сохраняют историческую достоверность в изображении повседневной и многообразной жизни советских людей, в выявлении того качественно нового, что пришло в быт и нравы людей разных возрастов и профессий после Октябрьской революции.

Своеобразны очерки А. Златарова — крупного болгарского ученого-биохимика, видного деятеля общественной мысли — составившие книгу «В стране Советов» (1936). Они возникли в результате его поездки на международный конгресс физиологов, который состоялся в Ленинграде в 1935 г. Очерки А. Златарова — это живой, эмоциональный рассказ о том, что он увидел в Москве и Ленинграде, что он узнал из бесед с крупными учеными, учителями, простыми гражданами советского государства. Свои личные впечатления, подмеченные детали новой действительности автор часто подкрепляет статистическими данными о положении народа, о характере образования, о развитии науки, научных и культурных учреждений. Повествование увлекает не столько красочностью описания, сколько логикой и убежденностью автора в том, что невиданный ранее эксперимент в истории одного народа имеет всемирное значение. В архивах А. Златарова сохранились план и наброски второй части «В стране Советов», но скоропостижная смерть помешала осуществлению его творческих замыслов. Он намеревался подробно охарактеризовать политическое устройство и общественную жизнь в Советском Союзе, решение крестьянской проблемы и национального вопроса, рассказать об отношении советских людей к Болгарии. По замыслу книга должна была выйти далеко за рамки обычных репортажных очерков и представить во всей полноте достижения советских трудящихся.

Претерпевает большие изменения тема Октябрьской революции и в поэзии. Революционные поэты — Н. Хрелков и К. Пенев, Х. Радевский, М. Исаев и Н. Вапцаров — прославляют не события 1917—1919 гг., а величие и могущество (насколько это было возможно в условиях суровой цензуры) Советского Союза, пишут восторженные произведения о героических подвигах советских летчиков, о подъеме культуры и литературы в условиях социализма.

Н. Хрелков воспринимал опыт Советского Союза в связи с европейским революционным движением. В стихотворении «Прожектор в ночи» (1933) он называет нашу страну «островом в ночи», прожектором для европейских пролетариев — ведь там все труженики «горят яростью борьбы и рушатся оковы у рабов». Здесь символика, романтический пафос перекликаются с поэзией начала 20-х годов и служат утверждению новых пролетарских идей. В другом стихотворении — «Шестнадцатый празд-

ник победы» — Н. Хрелков обращается как бы к самой революции и мечтает, чтобы ее идеи обошли весь мир:

<p>Вий в вечността ти, вятър октомврийски — вятър леден! — и стъпките на тежкия марш отнес — с песнайсетия празник на победа — по целия свят — потиснат и злочест!</p>	<p>(Вой в вечности ты, ветер октябрьский — ветер леденящий! — и поступь тяжелого марша разнеси — шестнадцатым праздником победы — по всему миру — угнетенному и несчастному!)</p>
--	---

Стих Н. Хрелкова порой звучит грубо, сама форма в художественном плане не всегда эмоционально выразительна, но мысли поэта злободневны и ясны.

В начале 30-х годов большим событием культурной жизни Болгарии стала демонстрация первых советских кинофильмов. По воспоминаниям современников, особый успех имел фильм «Путевка в жизнь». Ему поэт К. Пенев посвящает стихотворение под тем же названием (1932). Беспризорник — болгарский Гаврош — оказывается героем этого стихотворения, случайным зрителем фильма. Отсюда — не только непосредственность восприятия, но и мысль о контрастах в самой Болгарии, мечта о лучших днях:

<p>Гледа, унесъл се, — колко е хубаво! Мисли, не мисли, тропа и вика със глас: «Браво Съветия!... Тежка и глупава нашата участ е... Браво на Пътния лист!»</p>	<p>(«Смотрите, замечтался, — как это прекрасно! Думает, не думает, топают и кричит: „Браво Советы!... Тяжела и глупа наша участь... Браво Путевка в жизнь“»).</p>
--	---

О новой роли труда в Советском Союзе говорит Х. Радевский в стихотворении «Освобожденный труд» (1934), пафос второй пятилетки славит Л. Станчев в стихотворении «Весть с Востока» (1933), советским летчикам и полярникам посвящают свои произведения М. Исаев («Завоеватели небес», «Арктическая поэма»), В. Петров («Птицы к северу»), К. Зидаров и др. В болгарскую революционную поэзию властно входит образ советского человека — смелого, мужественного и открытого. Не всегда эти произведения написаны на высоком художественном уровне. В стихах встречается описательность, образы порой носят схематичный характер, но в них легко найти крупицу новых идей, которые помогали поэтам раскрыть образ положительного героя и в своих национальных условиях.

Пожалуй, наибольшей непосредственности и художественной зрелости поэты достигли в стихотворениях, посвященных памяти М. Горького, в стихах о Пушкине, появившихся к столетию со дня смерти поэта. Образ человека и писателя М. Горького предстает в поэзии М. Грубешлиевой «На смерть Горького» (1936), К. Зидарова «Смерть М. Горького», К. Кюлявкова «М. Горький», Н. Вапцарова «Горький». Лучшим из них нам представляется вапцаровское стихотворение, в котором смерть писателя воспринимается как большое горе болгарских пролетариев, утративших своего друга и старшего товарища. Здесь своеобразие «зарубежной темы» мы даже не ощущаем, так как она становится органической, составной частью художественного познания и раскрытия национального образа. В этой слитности, интернациональности, быть может, и состоит одно из главных завоеваний болгарского поэта. Обогащение национальных образов и тем социальными идеями, идущими из Советской России, становится характерной чертой болгарской литературы 30-х годов.

Вот один из примеров органического слияния интернациональных социалистических идей с внутренним процессом развития. В стихотворении «Мы растем» Х. Радевский говорит о подъеме революционного движения в Болгарии, о развитии ботевских традиций и связи народных масс

со своей коммунистической партией. На первый взгляд, речь идет как будто о сугубо национальном процессе: «Веди нас, Партия, веди вперед нас!». Но можно ли его представить в полной изоляции от тех событий, которые произошли в России в 1917 г., в отрыве от ленинских идей социалистической революции? Пожалуй, нет. В том же стихотворении одна из строф напоминает нам об этом:

Как солнце
согревает в день весенний
ростки травы
и расплавляет лед,
так нас
сегодня греет солнце — Ленин,
так партия
нам силу придает.

(Перев. П. Железова)

В данном случае идеи Октября уже стали внутренним фактором революционного развития народа, поэзии. Они существуют не отдельно, не изолированно, а органично входят в национальный процесс. Итак, образ лирического героя в поэзии Х. Радевского, М. Исаева, Н. Вапцарова воплощает не только передовые национальные идеалы человека своей страны, своего народа, но и черты борца-интернационалиста, которому дороги завоевания социалистической революции в России. Конечно, это уже не тема Октябрьской революции в болгарской литературе в ее узком понимании. Это собственно национальная литература и особенности ее внутреннего процесса. Это проблема положительного героя в творчестве революционных поэтов и прозаиков Болгарии, который, однако, немыслим в изоляции от идей Октября. Ими проникнуты многие страницы революционной поэзии и прозы болгарских писателей 30-х годов.

В творчестве Крума Велкова и в развитии пролетарской литературы видное место принадлежит роману «Село Борово» (1933). В центре его характеры смелых и мужественных коммунистов, которые подняли крестьян в сентябре 1923 г. на борьбу против фашистского режима. У этих революционеров, порой заблуждавшихся и доверчивых, еще мало опыта в организации крестьянских масс, классовых схваток, и поэтому, естественно, они мысленно нередко обращаются к опыту русских коммунистов. Мотив этот имеет существенное значение, хотя он и не занимает большого места в романе. Выразителен, например, внутренний монолог одного из героев, для которого пример Ленина оказывается силой вдохновляющей¹⁶.

В другом романе К. Велкова «Жизнь Петра Дашева» (роман создавался до 1944 г., вышел из печати в 1946 г.) в центре стоит проблема формирования характера революционера. В восприятии главного героя русская революция — это великая эпопея, он «жадно впитывает» ее страницы¹⁷.

Как в первом, так и во втором случае эти мотивы звучат несколько публицистично, не всегда органически вливаются в художественную ткань произведения, но они жизненно достоверны и типичны для болгарской действительности тех лет. Примером тому служат и романы К. Белева «Прорыв», «Мир», и рассказы О. Василева («Смерть Ленина»), и повести, рассказы крупного болгарского прозаика Г. Караславова, большая часть произведений которого неразрывно связана с жизнью болгарского села.

Важное место в творческом пути Г. Караславова и в развитии социалистического реализма в болгарской прозе занимает повесть «Селькор»

¹⁶ К. Велков. Село Борово. М., 1948, стр. 93.

¹⁷ К. Велков. Село Борово. Животът на Петър Дашев. Водител. София. 1956, стр. 148.

(1933). В основу ее положена история духовного и политического роста крестьянского паренька Димо Казака, который впоследствии становится корреспондентом рабочей газеты и активным обличителем кулаков. В эволюции героя, в его политическом росте играли роль различные факторы, в том числе — существование Советского Союза¹⁸.

Одной из важнейших проблем болгарской реалистической литературы была проблема развития болгарского села. Г. Караславов не только продолжал, но и обновлял традиции. Его картины сельской жизни проникнуты драматическими столкновениями, отражающими острые классовые противоречия; при этом немалую роль начинают играть складывающиеся характеры сельских коммунистов. Однако новаторство прозаика этим не ограничивается. Он обнажает и совсем новые конфликты, вызванные к жизни всей политической обстановкой в стране 30-х годов. В рассказе «Враги» писатель раскрывает необычные взаимоотношения родственников. Более 20 лет инженер Марин не был в родном селе. Возвратившись к бедным племянникам, он нашел большие перемены и в быту и в их поведении. Там, где висела рамка с семейством германского императора, теперь были «прикреплены листки из календаря, изображающие строительство в Советском Союзе», на столе лежали брошюры и «два-три научных сочинения по марксизму». Инженер начинает понимать, что «молодые и дерзкие юноши были ему не племянники, а враги». Некогда близкие ему места теперь стали чуждыми: «все вокруг него было отравлено ненавистью»¹⁹. В развитии рассказа особое место занимает образ социалистического мира, возникшего в России.

В последующем творчестве Г. Караславова эта тенденция найдет еще более широкое обоснование. В качестве примера сошлемся хотя бы на его эпопею из жизни болгарского народа «Простые люди». Она задумана как большое реалистическое полотно, охватывающее исторический период со времени первой мировой войны и до победы народно-демократической революции. Вышедшие три части эпопеи (1952—1963) изображают различные стороны жизни болгарского села. Но одна из центральных проблем писателя, как он отмечает сам, — «показать процесс быстрого политического созревания болгарского народа под влиянием Октябрьской социалистической революции под руководством Болгарской коммунистической партии»²⁰. Он стремится показать «силу, формы и своеобразие этого влияния на души простых болгарских крестьян». Эти новые принципы позволяют автору более глубоко вскрыть сущность, своеобразие внутреннего исторического процесса. В большей или меньшей степени подобные тенденции были свойственны многим пролетарским писателям, стоявшим на позициях социалистического реализма.

Писатели критического реализма оказались менее восприимчивыми к новым социальным идеям. Но нельзя сказать, что они остались в стороне от ведущих тенденций современности. Ведь и в их произведениях — пусть еще эпизодически, без глубокого раскрытия характеров — все же появляются образы коммунистов. Мы их встречаем у Г. Стаматова, А. Страшимирова, Й. Йовкова. Найдем у них, хотя и косвенное, но все же признание положительной роли Октябрьской революции.

Талантливый прозаик-реалист, обычно чуждавшийся политических проблем, К. Константинов в своих воспоминаниях рассказывает, что приход к власти земледельцев в Болгарии в 1919 г. представлял не что

¹⁸ Г. Караславов. Рассказы и повести. М., 1954, стр. 119, 123, 128.

¹⁹ Там же, стр. 43.

²⁰ Г. Караславов. Простые люди. М., 1958, стр. 5.

иное, как «легкое дыхание революционного урагана, который разразился в России», что в результате создания молодой Советской республики рождалась другая обстановка во всем мире. К. Константинов пишет об октябрьских идеях несколько глухо, но не отрицает огромной их роли в политической жизни своего народа, в его культуре и литературе ²¹.

Другой реалист, которому были свойственны колебания идеологического характера, К. Петканов выпустил в 1934 г. антивоенный роман «Багрово-кровавая звезда». Писатель изображает опустевшие села, обнищание крестьян во время первой мировой войны, тяжелые фронтовые будни солдат и их протест против несправедливой войны. Роман завершается отдельными выступлениями солдат против правящих кругов, против существующей политической системы. В этих сценах читатель угадывает начальные эпизоды Владайского восстания 1918 г. Здесь так и ждешь, что писатель скажет о русских солдатах-большевиках, раскроет значение их опыта для болгарских солдат. Но именно здесь этого и не находишь. А вот буквально через несколько страниц писатель все же дает понять, что болгарским солдатам хорошо знакомы русские большевики. «Велика (одна из героинь романа.—В. З.) ничего не боялась — она была человеком для фронта. Нейко рассказывал, что в России и женщины служили солдатами. Если большевики придут к нам, Велика станет прапорщиком» ²². Словом, при всей осторожности К. Петканов не мог обойтись в романе без упоминания о русских большевиках. Это еще раз указывает на жизненность революционных идей в гуще солдатских и крестьянских масс Болгарии и, естественно, что художники-реалисты не могли пройти мимо этих явлений.

В середине 30-х годов многие болгарские реалисты, стоявшие в стороне от политической борьбы, не могли не выражать свои симпатии крупнейшим советским писателям, книги которых они хорошо знали, и не могли не сознать роли Советского Союза на международной арене. В той или иной степени их позиции находили выражение и в литературно-критических выступлениях и в повседневной общественно-культурной деятельности.

Приведенные факты из творчества разных писателей позволяют говорить, что в 30-е годы идеи русской социалистической революции нашли отражение и воплощение во многих произведениях революционных поэтов и прозаиков, содействовали развитию социалистического реализма в литературе. Более того, этих идей не чуждались и писатели критического реализма, остававшиеся на демократических позициях или включившиеся в антифашистский фронт. Воздействие идей Октябрьской революции было плодотворным для всего литературного процесса Болгарии и подготовило стремительный рост литературы в современных условиях.

²¹ Г. Константинов. Път през годините. Спомени. Ч. 1. София, 1961, стр. 338.

²² К. Петканов. Морава звезда кървава. 2 изд. София, 1945, стр. 288.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ТОРГОВЛЯ ДАЛМАТИНСКОГО ГОРОДА В XIII—XIV вв.

Из всех южнославянских городов, пожалуй, именно далматинские города дают наиболее богатый материал для изучения истории средневековой торговли. Располагаясь длинной цепью вдоль берегов Адриатики, они служили единственным выходом к морю для обширных внутренних районов Балканского полуострова и постепенно складывались в крупные центры транзитной торговли. Города в Далмации возникали раньше большинства других славянских городов. Уже с IX в. можно с уверенностью говорить о них как о торговых центрах. Многочисленность этих городов, открывающая перед историком возможность аналогий и сопоставлений, а также наличие в их архивах большого числа документов (нотариальных актов и судебных протоколов), восходящих к середине XIII в., делает их исследование особенно интересным.

Торговля этих городов уже не раз являлась предметом изучения; о ней написано немало работ¹, в основном затрагивающих, правда, торговлю какого-либо одного города. К тому же даже в самой обстоятельной, хотя и устаревшей работе подобного рода — книге Г. Новака о товарообмене г. Сплита² — основное внимание уделяется лишь перечню в хронологической последовательности торговых мероприятий сплитской коммуны.

Насколько недостаточно изучены далматинские города видно из сравнения имеющейся по этому вопросу литературы с литературой, посвя-

¹ G. Alasevič. Mercato di schiavi a Spalato. — «Cronaca Dalmatica», 1866; L. Benvenia. Il Comune di Zara nel secolo XII. — «Rivista Dalmatica» (далее — RD), fasc. V. Zara, 1901; G. Sabalič. Dalmazia nei commerci della Serenissima. Zara, 1907; L. Calvi. La Dalmazia nei commercio dell'Adriatico. RD, 1924; G. Novak. Quaternus izvoza iz Splita 1475—1476 g. — «Starohrvatska prosvjeta» (далее — SP), № 1—2. Zagreb-Knin, 1928, s. 92—102; J. Perić. Ekonomska kriza Sibenika u XVI. i XVII. st. — «Jadranski dnevnik», božićni prilog, 1936; A. Teja. La schiavitù domestica ed il traffico degli schiavi. RD, fasc. I, IV, 1941; A. Benvenuti. Storia di Zara. Milano, 1940, p. 331 sq.; M. Mirković. Ekonomski odnosi u Trogiru u XIII st. — «Historijski zbornik» (далее — HZ). Zagreb, 1951, s. 21—54; V. Rismondo. Pomorski Split druge polovine XIV. st. Notarske imbrevijature (далее — Rismo). Predgovor. Split, 1954, s. 7—17; G. Novak. Povijest Splita, knj. I, Split, 1957, s. 452—484; N. Čolak. Pomorstvo Zadarske komune od dolaska, Hrvata na Jadran do pada Mletačke republike. — «Pomorstvo grada Zadra». Zagreb, 1963, s. 7—33. А. Е. Москаленко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. — «Византийский временник», т. XIII. М., 1958, стр. 136—161; Г. Бабеев. Экономическое состояние общин Кварнера в XIII—XIV вв. — Ученые записки Горьковского ун-та (далее — УЗ), серия историческая, вып. 67. Горький, 1963, стр. 219—236; Э. И. Чудиновский. Торговая деятельность населения далматинских городов в XIII—XIV вв. В сб.: «Античная древность и средние века». Свердловск, 1965, стр. 85—100.

² G. Novak. Split u svjetskom prometu. Split, 1923.

щенной дубровницкой торговле. На богатом материале дубровницких архивов историки исследовали отдельные отрасли торговли этого города: направления и состав потоков товаров, систему обложения и характер торговой политики³. Но как ни тесны были связи между Дубровником и другими далматинскими городами⁴, явления, характерные для Дубровника, нельзя механически переносить на Задар, Шибеник, Трогир или Сплит⁵.

В настоящей статье предпринята попытка восполнить пробел в характеристике торговых связей этих четырех северо-далматинских городов: во-первых, систематизировать наши сведения о северо-далматинском ввозе и вывозе, определить ассортимент товаров и установить преобладание тех или других; во-вторых, определить объем этой торговли и установить—осталась ли она в рамках своей округи или приобрела европейский характер. Естественно, что для ответа на этот вопрос требовалось установить размер и направления грузопотоков. Наконец, нужно выяснить, в какой мере далматинский экспорт связан с местным производством (ремесло, промыслы, земледелие) или обусловлен характером социальных отношений (например, отношениями патрициата и рядовых горожан). Для ответа на последний вопрос немаловажным представлялось изучение коммунального законодательства, хотя в целом исследование торговой политики городских коммун не входит в задачу этой работы. Мы не затрагиваем в ней также вопросов организации торговли, форм торгового кредита и системы обложения торговли.

Хронологические рамки работы определяются серединой XIII в., временем появления в указанных городах первых торговых актов, и самым началом XV в., когда с переходом далматинских городов под власть Венеции их торговля теряет самостоятельный характер.

Важнейшими источниками явились нотариальные акты из Трогира, Задара и Шибеника, городские статуты и дополнения к ним (так называемые «реформации»), немногочисленные судебные протоколы процессов по делам о торговых экспедициях и, наконец, решения городских советов по вопросам торговли⁶. Никаких таможенных (или долговых) книг,

³ Упомянем лишь самые последние работы — V. V i n a v e r. *Trgovina bosanskim robljem tokom XIV. veka u Dubrovniku.* — «Anali Historijskog instituta JAZU u Dubrovniku» (далее — Anali), t. II, 1953, s. 125—148; М. Г е ц и ћ. *Дубровачка трговина солоу у XIV веку.* — «Зборник филозофског факултета», књ. III. Београд, 1955, стр. 96—151; К р е к и ћ. *Дубровник и Левант.* Београд, 1956; В. К р е к и ћ. *Prilog istoriji mletačko-balkanske trgovine druge polovine XIV. veka.* — «Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu» (далее — GFFNS), knj. II. Novi Sad, 1957, s. 11—20; I d e m. *Trgovačka društva u srednjovekovnom dubrovačko-levantinskom saobraćaju.* GFFNS, knj. IV, 1959, s. 11—28; D. К о в а ч е в и ћ. *Trgovina u srednjovekovnoj Bosni.* Sarajevo, 1961 (книга в основном посвящена торговым связям с Дубровником); I d e m. *Zore Bokšić, dubrovački trgovac i protovestijar bosanskih kraljeva.* — «Godišnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine» (далее — GDI BiH). Sarajevo, 1962, s. 289—310.

⁴ Характер этих связей, не только торговых, но и ремесленных, культурных, бытовых, рассмотрен в недавней работе И. Лучича — J. L u č i ć. *O pomorskim vezama Dubrovnika sa Zadrom i ostalim gradovima Dalmacije u XIII stoljeću.* — «Pomorski zbornik», 4, Zagreb, 1966, s. 355—379.

⁵ В этом районе были и другие городские центры, например, Складин, Раб и Хвар, но главными являлись именно Задар, Шибеник, Трогир и Сплит. Когда в 1382 г. нужно было найти союзников в борьбе против короля Боснии, дубровчане отправили послов именно в эти города («Одлуке већа Дубровачке Републике», објавно М. Динић. Т. I. Београд, 1951, стр. 247).

⁶ «Trogirski spomenici» (далее — TS), ed. M. Barada. Zagreb, 1948—1951; «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo 1289.—1308.» (далее — Spisi Tarallo), ed. M. Zjačić. Zadar, 1959; M. Z j a č i ć. *Spisi šibenskog notara Slavogosta* (далее — Spisi Slavogosta) — «Starine IAZU», knj. 44, 1952, s. 201—296; «Statuta et reformationes civitatis Jadre». Venetiis, 1564; «Statut et leges civitatis Spalati» (далее — St. Spal.), ed. Hanel. — «Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium» (далее — MHJSM),

подобных тем, которые служат источниками для изучения, например новгородско-ганзейской торговли, в нашем распоряжении нет, если не считать двух небольших отрывков. Установления городских статутов, как им и положено, рисуют картину желаемого, а не существующего положения на городском рынке. Нотариальные акты обладают существенным недостатком — они оформляли только те сделки, которые совершались в кредит; поэтому основная масса рыночных операций (главным образом мелких) оказывается не зафиксированной. Все это затрудняет изучение северо-далматинской торговли в XIII—XIV вв.⁷

Интересную возможность изучения рынка отдельного далматинского города представляют отрывки из таможенной книги Сплита за 1358—1359 гг.⁸ Они невелики, страдают пропусками и тем не менее их значение для истории торговли несомненно. Если остальные источники позволяют установить лишь объем товара, его стоимость, имя продавца и покупателя и направление движения товара, то Estratti позволяют судить и о том, каков был ассортимент товаров сплитского рынка и с какой интенсивностью эти товары сюда поступали.

Среди товаров, продававшихся на сплитском рынке, преобладали кожи (11 сделок), вино (10 сделок — общим объемом 3 тыс. галет или 600 гл на сумму около 1 тыс. либр) и ткани (draspo, fustano, scilati — 10 сделок). Судя по наименованиям, ткани ввозились морем. Это — фустайна⁹, хлопок и тонкие сукна, которые в Далмацию обычно привозили из Италии и с Леванта; и только один раз в сделках упоминается «slavina», грубое сукно из внутренних областей полуострова. В неожиданно больших количествах продавался воск и сыр¹⁰. Известно, что эти товары были в числе основных предметов далматинского вывоза¹¹, но только данные

vol. II. Zagreb, 1882; «Volumen statutorum legum et reformationum civitatis Sibenici» (далее — St. Sib.). Venetiis, 1608; «Statutum et reformationes civitatis Tragurii» (далее — St. Trag.), ed. I. Strohal. MHJSM, vol. X, 1915; «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae» (далее — CD), ed. T. Smičiklas, vol. II — XV. Zagreb, 1904—1934; A. K r e k i c h. La. «Curia consulum et maris» del comune medioevale zaratino e alcune suoi atti. — «Atti e memorie della Società dalmata di storia patria» (далее — AeM), vol. I. Zara, 1926, p. 148—171; G. A l a c e v i c h. Estratto dal «Libro consiliorum» della Comunità di Spalato (1358—1359). — «Bulletino di archeologia e storia dalmata» (далее — Bull.). Spalato, 1892—1895; I d e m. Il regimento di ser Gentile podestà di Spalato. Bull., 1891—1892; I d e m. Il regimento di nobiluomo di Marco Bembo. Bull., 1910—1911.

⁷ Мы намеренно отказываемся от характеристики отдельных, слишком отрывочных данных о торговле предшествующих столетий, главным образом XII, хотя некоторые из них позволяют судить о заключении торговых договоров между коммунами Далмации и Италии, например между Сплитом и Пизой в 1169 г. (G. N o v a k. Povijest Splita, knj. I, s. 96—97), другие — о торговых пошлинах как постоянном источнике дохода городских коммун уже в начале XII в. (см. грамоту Коломана Трогиру 1107 г.).

⁸ «Estratti da uno libro di conti dell' appaltatore del dazio del commercio e della zucca» (далее — Estratti). — G. P r a g a. Testi volgari spalatini del trecento. AeM, vol. II. Zara, 1927, p. 79—83. За сорок лет, прошедших со времени его огубубликования, документ ни разу не привлек внимания исследователей. Он содержит сведения о сделках, подвергшихся таможенному обложению в Сплите за 13 дней (10 сделок 1358 г. — 17 VI, 18 VI, 7 VII, 12 VII, 13 VII, 14 VII, 4 IX, 6 IX, 30 IX, 4 X и 3 сделки 1359 г. — 21 VI и две не датированных).

⁹ Фустайна — ткань, в которой льняная нить смешивается с бумажной, типа бумази. Упоминается еще одна сделка по продаже 2,5 тыс. (локтей) «scilati» (может быть, красное сукно «скорлат», франц. — escallates, нем. — Scharlaken), цена на который стоит на уровне 4 «больших» сольд. за 100 (локтей). О scilati на двух кафтанах (guarnacia) упоминает акт 1294 г. (CD, VII, 70).

¹⁰ Вес товара мы, как правило, узнаем по взыскиваемой с него пошлине.

¹¹ Воск регулярно поступал из Боснии (см. D. K o v a c e v i c. Trgovina ..., s. 64); из Дубровника он развозился и в другие города, например Задар (см. «Одлуке већа Дубровачке Республице», I, стр. 87). Большие партии воска проходят через Сплит и в конце XV в. (см. G. N o v a k. Quaternus izvoza..., s. 99; см. также R ismond, № 172)

Estratti позволяют судить о том, каких размеров достигла торговля ими. Действительно, на протяжении нескольких дней на рынок поступают партии в 3, 4, 8, 11, 27 и даже 33 центенария воска (в Сплите считалось, что в центенарии воска около 40 кг¹²). Живущий в Сплите флорентинец Бернальд помимо воска привозит в город 3,6 и 4, а Стефан Михин даже десять с лишним тонн сыра. В Estratti упоминаются также и другие товары: шерсть, лен, смола и товары, значение которых трудно расшифровать (*mercaria, miscene, cendado*). Оливковое масло ни разу не фигурирует в качестве самостоятельного объекта сделки, продажа хлеба зафиксирована лишь незначительными партиями, а скот и мясные туши названы лишь 3 раза. Последнее легко объяснимо: торговлю хлебом коммуна держала в своих руках, а продажа скота облагалась пошлиной на особой таможне.

По данным Estratti можно судить и о том, сколько товаров поглощал рынок в течение дня. Например, 17 июня 1358 г. книга фиксирует 4 сделки (вино, сыр), 7 и 13 июля — тоже 4; 5 сделок отмечены 4 сентября. Обратим внимание на примерно одинаковое количество сделок. Каждая из них, судя по характеру товаров (сельскохозяйственные продукты) и именам продавцов (не ремесленников, а известных сплитских купцов), совершается за счет привозных товаров. Только один раз — 6 сентября 1358 г. — в книге названы имена трех сапожников (Кресте, Витко и Николы Петручи), продающих кожи собственной обработки. Характерно, что количество торговых операций, совершенных в этот день не ремесленниками, а купцами, остается прежним — оно равно 5. Создается впечатление, что в обычный базарный день на сплитском рынке совершалось примерно 4—5 сделок по продаже товаров, привозившихся, как правило, из внутренних районов страны.

Положение заметно менялось, когда в город прибывал караван или корабль крупного купца — Мадия Михина, Бернальда, мясника Ниче или Стефана Михина¹³. Рынок заполнялся привезенными ими товарами, которые продавались крупными партиями. Так, 12 и 13 июля 1358 г. Бернальд заключает одну за другой 14 сделок по продаже ткани (судя по небольшой пошлине — 2,4 и 16 сольд. — в розницу) и небольшого количества пшеницы, но главное 3 тыс. ягнячьих кож, трех партий воска (по 300, 350 и 850 фунтов) и сыра (3,6 и 4,04 T), доставленного в Сплит по суше и морем, причем одна партия сыра была привезена на корабле, принадлежащем священнику Станко. На следующий день, 14 июля, уже нет никакого упоминания о Бернальде: он распродал свои товары в течение двух дней. В этот день в роли оптовика на сплитском рынке выступает уже мясник Ниче. Из 11 сделок, заключенных в этот день, 8 приходятся на его долю¹⁴; причем одних шкур (*pele*) он продал на 286 дукатов. 21 июня 1359 г. Стефан Михин продает 2 тюка фустайны, лен и другие ткани, свыше 1 тыс. фунтов воска и более 10 T сыра. Обращает на себя внимание, что для продажи этой массы товаров им было заключено всего 4 сделки, в частности 2557 «декалитров» сыра он сбыв в один прием. Характерно, что и остальные купцы-оптовики распродали всю массу своих товаров, как правило, в течение одного дня (так, Бернальд совершил 13 сделок 12 июля и только одну оставил на следующий

¹² Исходя из расчета, что фунт, которым взвешивался воск в Сплите, был равен примерно 400 г (см. G. Novak. Povijest Splita, knj. 1, s. 470).

¹³ Все они, не исключая и Бернальда — местные купцы. Иностранцев, представлявших сплитскую торговлю, мы не видим совершенно — факт, достаточно многозначительный.

¹⁴ 27 тюков овчин (*cavi montoline*), 5 тюков по 30 шкур (*pele*) в каждом, еще 50 и 280 *pele*, 218 и 50 ягнячьих кож (Estratti, p. 81—82).

день). Все это красноречиво характеризует городской рынок в Сплите, его способность быстро поглощать большие товарные массы¹⁵. Сплит середины XIV в. был емким рынком с оживленным товарооборотом и устойчивым спросом на товары внутреннего балканского производства¹⁶.

Характеристику отдельных отраслей торговли начнем с торговли хлебом, жизненно необходимой в этом районе: Далмация никогда не могла прокормить себя собственным зерном¹⁷. В Задар хлеб ввозили главным образом из Апулии и каждый раз с разрешения неаполитанского правительства¹⁸. В городе действовал старый запрет на вывоз хлеба и его нарушителей строго наказывали¹⁹. Тем не менее ввозом хлеба в Задаре занимались в основном частные лица, а не коммунальные власти, как это было в Сплите, где условия хлебной торговли тщательно регламентировались законодательным путем²⁰. Допуская существование частного ввоза хлеба, сплитская коммуна в то же время стремится взять этот ввоз в свои руки. Завязываются тесные сношения с неаполитанским королевством²¹, практикуется посылка уполномоченных для закупки хлеба в соседние страны, главным образом в Апулию и Византию²² («Романию»). Сохранившиеся за 1352—1353 и 1357—1359 гг. протоколы заседаний Со-

¹⁵ О том, кто приобретает товары, остается только догадываться; ими в равной мере могли быть и местные торговцы средней руки и экспортеры из Италии. Об одном из них, Кириакоме из Анконы, мы знаем достоверно, что он в 1358 и 1359 гг. вывез из Сплита большие партии (2700 и 1100 фунтов) сыра (Estratti, p. 79, 82).

¹⁶ В нашу задачу не входит характеристика системы торговых пошлин, но те сведения, которые содержит Estratti по этому вопросу, мы хотели бы привести — они неизвестны в литературе. Еще в 1350 г. на большинство товаров, продаваемых на сплитском рынке, была установлена пошлина в размере 1 денария с 1 либры, т. е. 1/240 (см. G. P a g a. Ibid., p. 84). Но уже с 1 июля 1357 г., через 10 дней после восстания против Венеции, Совет Сплитской коммуны решил обложить все товары, продаваемые в Сплите, пошлиной из расчета 6 денариев с каждой либры, т. е. 2,5% (Bull., 1893, p. 186). Estratti дает отличную возможность убедиться в том, что эта норма сохраняется в 1358—1359 гг. не для всех, а только для некоторых товаров. За продажу вина взыскивается приблизительно 6% его стоимости. Так, за продажу 2 галет вина по 7 грошей каждая (что составляет около 39 сольд.) взыскивается 2 1/3 сольд., за продажу 3 галет по 5 грошей, что составляет те же 39 сольд., взыскивается 2,5 сольд. За продажу хлеба — тоже около 6% (со сделки в 9 грошей, или 20 сольд., взымается 1,5 сольд.). Сделки по продаже кож всех видов облагаются пошлиной в 2,5%; за продажу ягничьих кож (anelline) стоимостью в 20 л. взымается 10 сольд. (0,5 л.); с продажи cavi montoline, pele, оцененных в 33 дук. (или 2112 сольд.) — 52 сольд.; с оцененных в 20 л. — 0,5 л. Продажа воска облагается пошлиной в 3% (10 дук., или 640 сольд. — 20 сольд.); с неопределенного товара «miscene» — 2,5% (15 л., или 300 сольд., 7,5 сольд.). Наконец, сыр, цена которого нам неизвестна, во всех многочисленных сделках облагается в зависимости от веса: за 20 фунтов (6,56 кг) уплачивается 1 сольд.

¹⁷ S. O ž a n i ć. Poljoprivreda Dalmacije u prošlosti. Split, 1955, s. 23; M. M i r k o v i ć. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958, s. 28.

¹⁸ Spisi Tarallo, 128, 130; CD, VI, 339, 346, 359; CD, VII, 150.

¹⁹ Так, в 1352 г. задарский суд возбуждает дело против епископа Дмитрия Матафаро, обвиняя его в том, что он без разрешения вывез хлеб на о. Паг с принадлежащего ему островка. Епископ оправдывается тем, что он вывез хлеб не для продажи, а для прокорма сирот (CD, XII, 129).

²⁰ St. Spal., II, 54, V, 20—21, 23—25, 27—28, 34, 36, 39, VI, 50; G. N o v a k. Povijest Splita, s. 443—444.

²¹ В 1274 г. в Мельфи был заключен союз между Сплитом с Шибеником и неаполитанским королем Карлом I для борьбы против пиратов на Адриатике (CD, VII, 72). В 1292 г. Карл I дарует сплитским кушцам право свободной торговли в королевстве (CD, VII, 96); хлеб, вывозимый из Апулии, является одним из основных предметов этой торговли (G. N o v a k. Split u svjetskom prometu, s. 27).

²² А. Е. Москаленко («К вопросу...», стр. 149, прим. 108) ошибается, считая, что нет сведений о непосредственных сношениях Сплита с Византией. В то же время в источниках не удается обнаружить сведений о ввозе хлеба из соседней Боснии («Славонии»), о котором идет речь в сплитском статуте (St. Spal., V, 39). См.: Б. Х р а б а к. Извоз житарице из Босне и Херцеговине у Приморје од краја XIII до почетка XVIII века. ГДИ БиХ, Сарајево, 1964, стр. 121—131.

вета Сплитской коммуны содержат постоянные сведения об этом²³. Самым же убедительным свидетельством потребности в хлебе, которую постоянно испытывал Сплит, была регулярность закупок зерна на внешних рынках²⁴.

Столь же активно изыскивают хлеб и другие далматинские общины, в частности коммуна г. Раба. Небольшой коммунальный флот специально предназначен для этой цели; первые экспедиции с началом весенней навигации возглавляет городской князь. Судам, отправляющимся для закупки хлеба (*ad inquiringum bladi*), выдаются специальные премии²⁵. Вывозить хлеб, а также покупать его для перепродажи запрещено также на о. Брач²⁶. Таким образом, нужду в хлебе испытывают не только крупные материковые, но и мелкие островные центры, где неземледельческого населения было гораздо меньше.

Хлебная политика городских коммун может показаться несколько противоречивой. Например, в Сплите, с одной стороны, действует постоянный запрет на вывоз хлеба и даже после сбора нового урожая устанавливаются премии за ввоз в город хлеба со стороны²⁷, а с другой — в отдельные годы ввиду изобилия хлеба в городе (*abbondanza di grani*) разрешается свободно его вывозить²⁸. Объяснить эти «странности» в продовольственной политике коммуны, нам кажется, можно только одним: выгоднее было закупить хлеб на дальних рынках, а свой собственный, в том числе и продукцию собственных вотчин, продать на местных далматинских. В конечном счете это свидетельствует об острой нужде в хлебе на далматинском рынке.

Самое глубокое воздействие на экономику далматинских городов своим постоянным спросом на соль и количеством пригоняемого к побережью скота оказывали обширные скотоводческие районы Далмации. Это воздействие сказалось на городских промыслах, стимулировав издревле существовавшую здесь добычу соли; оно в значительной степени

²³ G. A l a s e v i c h. Il regimento del nobiluomo Marco Bembo. Bull., 1910, p. 157, 172, 1891, p. 121; 1892, p. 43, 58; 1893, p. 171; 1895, p. 14, 28.

²⁴ В конце XIII — начале XIV в. князья Сплита Шубини получают от неаполитанского короля разрешение вывозить из Апулии весной 300 сальм, а осенью, в сентябре, 1 тыс. сальм хлеба (а. 1295 — CD, VII, 203). Эти цифры, порознь или вместе, упоминаются и в предыдущих (1000 сальм, а. 1294 — CD, VII, 177) и в последующих документах (1000 сальм, а. 1299 — CD, VII, 364; 1300 сальм, а. 1300 — CD, VII, 394; 300 сальм, а. 1300 — CD, VII, 395; 1000 сальм, а. 1300 — CD, VII, 407—408). Их повторяемость и притом в одни и те же сроки — факт весьма красноречивый. Вот сведения о месячном ввозе зерна в Сплит, за год (май 1345 — апрель 1346 г.): в июне куплено 319 венецианских стариев (ст.) зерна; в июле — 112 ст.; в августе — 88 ст., а в декабре — 85 ст. Кроме того, в разное время были куплены 142 мод. и 2 ст. ячменя, 24 мод. и 4 ст. и 51 ст. (G. N o v a k. Povijest Splita, s. 446—447). В сицилийской сальме было 160—275 л.

²⁵ Об этом подробно сообщает отчет казначеев города Раба за 1334—1335 год (см. «Listine o jednošajih između južnoga Slavenstva i Mletačke republike», (далее — Listine), ed. S. Ljubić, IV, s. 242—243. В течение одного только апреля 1334 г. отправляются одна за другой три экспедиции за хлебом. Все, кто принимает участие в привозе хлеба, получают от коммуны «на вино» (*pro vino*). (Listine, IV, 242, 243, 244, 256, 263).

²⁶ Statum Brachiae, III, 6 — MHJSM XI.

²⁷ St. Spal., V, 33, 34, 36, 39. 2 июля 1359 г. Совет города постановляет с июля до Рождества выдавать за каждый ввезенный в город старый пшеницы премию в размере 2 сольд., а за каждый старый ячменя 1 1/3 сольд. (Bull., 1894, p. 111).

²⁸ Bull., 1892, p. 43. Не следует думать, что вывозить хлеб из Сплита разрешалось лишь в те годы, когда его не закупают на стороне. Вовсе нет, через месяц после разрешения вывозить хлеб коммуна поручает подеста и судьям закупить хлеб за счет коммуны на 1 тыс. дукатов (Bull., 1892, p. 74—75). Венецианские документы упоминают о вывозе хлеба в 1226 г. из Задара (Listine, I, 42). В договоре 1288 г. в числе товаров, вывозимых из Задара в Анкону, назван хлеб (CD, VI, 622).

определило характер далматинского экспорта²⁹. До 2-й половины XIV в. (появления на европейском рынке боснийского металла)³⁰ скот, мясо и кожи были основными товарами, которые Хорватия и Босния в крупных масштабах вывозили через далматинские порты. Но и во 2-й половине XIV в. этот вывоз скота продолжает носить широкий и регулярный характер³¹. Основная масса скота направляется в Италию, где в связи с ростом городского населения увеличился спрос на мясо³². Далматинские города пытались прибрать к рукам эту торговлю. Так, появились на свет регламентации, детально разработанные в статуте любого далматинского города³³. Права города на мясную торговлю отразились в собственности городских коммун на *bessaglia* — рыночный комплекс, в состав которого в далматинских городах входили не только мясные лавки, но и бойни. *Bessagie* были центральным звеном в системе скототорговли — здесь принимался пригнанный с гор скот, здесь он перерабатывался и распродавался. В Трогире розничная торговля мясом могла осуществляться только в лавках, принадлежащих коммуне; в Шибенике собственностью коммуны считались и мясные ряды; в Сплите городской Совет регулярно решает вопросы о сдаче *bessagliae* на откуп. Реализацией собственности коммуны на мясные лавки являлась система откупов, бывшая источником дохода для городского нобилитета³⁴.

Нет оснований полагать, что скот проходил через далматинский рынок в непереработанном виде, что город в Далмации был только транзитным портом для вывоза балканского скота. Наблюдения над характером торговых сделок в Трогире в последней трети XIII в. доказывают, что из городов Далматинской Хорватии постоянно вывозятся кожи и при этом

²⁹ Мы не рассматриваем здесь вопрос о торговле шерстью.

³⁰ А для городов Далматинской Хорватии — и после этого времени, ибо боснийское олово и серебро вывозятся только через Дубровник (D. Kovačević. *Trgovina...*, s. 19 et passim).

³¹ Так, шибеникийский нобиль Николай Григорьев Стрпич 21 мая 1386 г. обязался итальянцу из Фермо пригнать в течение 5 дней сотню годных на продажу баранов. Срок еще не истек, когда 24 мая он выполнил свое обязательство и в тот же день заключил повторное соглашение, которое тоже выполнил досрочно — за 3 дня (*Spisi Slavogosta*, № 80, 83). Обращает на себя внимание быстрота, с которой выполняются сделки по доставке скота в порт — очевидно, в окрестностях города всегда находились готовые к отправке гурты. Однако подчас приходилось совершать далекие и опасные экспедиции в глубь полуострова (о покупке шибеничанами скота за пределами своего округа см. также Listine, I, 437). Задарский купец Миха Пекиаро купил в 1381 г. у цетинской княгини Маргариты партию скота. Когда же скот стали доставлять к побережью, то множество его погибло во время переправы через реку, от волков и воров по дороге (*Rismondo*, s. 22). Об активном вывозе скота с о. Пага см. Listine, II, 98, а. 1341. Жуван с. Черно под Задаром в 1387 г. продает жителю Анконы 300 голбв скота (A. P i a s e v o l i. *Fragmenti iz ekonomskog života Zadra od XIII do XVIII st.* — «Zadar», Zagreb, 1964, s. 44). Венецианцы в 1364 г. ограбили на 400 л. задарских купцов, везших скот и сыр (CD, XIII, 357); из Задара в Марку в 1397 г. перевозят 200 голов скота (N. S o l a k. *Pomorstvo...*, s. 13).

³² Уже в конце XIII в. мясо большими партиями вывозится в Венецию, иногда на 1 тыс. либр. (CD, VI, 631—632, а. 1289).

³³ С наибольшей полнотой — в праве все того же Сплита (*St. Spal.*, II, 57, IV, 108, 117; *Ref. Spal.*, 18, 19, 22, 25, 29, 30. *Bull.*, 1891, p. 121; 1892, p. 142; 1893, p. 63, 136—140; CD, XII, 526—528; A. K r e k i c h. *Documenti per la storia di Spalato*. AeM, II, № 8). В Сплитском статуте особенно подробно регламентировалась деятельность должностных лиц, следивших за торговлей скотом и мясом, цены на мясо и пошлины (G. N o v a k. *Povijest Splita*, knj. I, s. 447—449). В Трогире коммуна охраняет свой рынок от посягательств со стороны феодальных элементов — статут лишает князя каких-либо привилегий.

³⁴ Особенно рельефно об этом свидетельствует именно шибеникийский статут: «Когда какой-либо нобиль берет на откуп мясную лавку коммуны или держит прилавок в этой лавке для продажи мяса...». *St. Sib.* — *Reformatio* 9, а. 1381.

на очень значительные суммы³⁵. Эти кожи изготовлялись далматинскими городскими ремесленниками³⁶. Кожевенное ремесло вместе с бессагие было частью обширного производства, выросшего в Далмации за счет массового притока скота из внутренних областей — из Боснии, Хорватии, Далматинского Загорья³⁷. И в XIV в., несмотря на рост вывоза скота, переработка его в далматинских городах не уменьшается. Напротив, в XIV и даже в XVI вв. кожевники сохраняют свое положение первой по численности ремесленной прослойки³⁸, а кожи по-прежнему фигурируют в экспорте из Далмации³⁹.

Далмация в XIII—XIV вв. — это район развитого виноградарства, и изобилие вина — характерная черта далматинского городского рынка⁴⁰. Вино производили не только крестьяне из городской округи, но и большинство городских жителей; оно имелось повсюду: хранилось в клети (нижнем этаже, *potleušice*) каждого дома, продавалось в многочисленных корчмах. Виноторговцы далматинских городов стремились как можно больше вывезти вина и ограничить его импорт⁴¹. Поэтому в отдельных городах, например в Сплите с его развитой системой коммунального контроля, можно видеть, как разрешение на привоз вина становится важным средством городской политики в отношениях с окрестными феодалами⁴². Однако городское законодательство и в этом вопросе было противоречивым: если статуты запрещают иноземцам привозить вина в город, то дополнения к ним («реформации») разрешают делать это⁴³; особенно часто рынок для ввоза иностранного вина открывался в осенние месяцы⁴⁴.

Эта противоречивость, которая в Сплите вырисовывается рельефнее, чем в других городах, является одним из показателей того, что винотор-

³⁵ В 1264—1271 гг. совершаются три крупные сделки на вывоз кож на сумму в 800 л. (TS, I, 27, 185, 227 — среди них есть и такие, как покупка 300 овчин или 900 козьих и овечьих шкур). В двух случаях кожи вывозятся из Сплита, в 3-м — из Трогира. М. Миркович ошибался, полагая, что нет ни одного факта подобного вывоза (M. Mirković. *Ekonomski odnosi...*, s. 25).

³⁶ В Трогире кожевники (вместе с сапожниками) составляют 27% общего числа мастеров в городе, в Сплите — 34,2% (М. М. Фрейденберг. *Ремесло в Трогире в XIII в.* Уч. зап. Великолуцкого пед. ин-та, вып. 24, 1964, стр. 132—134), в Задаре они составляли даже 36,2% (ранее мы считали их число равным 39%. Там же, стр. 133).

³⁷ См. нотариальные акты из Трогира (TS, I, 354, 358, 382; II, 4, 48, 75; III, 51, 72, 84).

³⁸ В Задаре во 2-й половине XIV в. насчитывалось 38 кожевников с сапожниками из общего числа 207 мастеров в городе (или 18,3%).

³⁹ См. выше по данным Estratti из Сплита. 230 ягничьих кож было вывезено из Задара в Сень (CD, X, 482); в 1360 г. ограбили итальянца, везшего из Сплита 13 бычьих шкур (A. Kgekich. *Dokumenti...*, p. 79); в 1410 г. один задарский нобиль обещал венецианцу поставить ему *pelles animalium* (Curia, № 9).

⁴⁰ Задартицы в 1358 г. с полным правом объясняли королю Людовику Венгерскому, что знать и народ в их городе живут доходами с вина и мяса (CD, XII, 519—520).

⁴¹ Это определяющая тенденция городского законодательства в вопросе о торговле вином в городе. См. статут Шебсника и Сплита (Ref. Sib., a. 1380; St. Spal., IV, 112).

⁴² В августе 1357 г. князю Омишскому позволено продать в городе до 50 «тинарцев» вина (в «тинари» — 150 л), в мае 12 бочек вина с разрешения коммуны продает князь Иван Нелипич и 4 бочки — князь Клиса (Bull., 1894, p. 31, 74—75).

⁴³ Только не в город, а в отдельные пункты городской территории — в Сплите на о-ва Шольту и Чиво (St. Spal., IV, 112), в Шибенике — в Скрадин (Ref. Sib. — a. 1396). Противоречивость городских статутов в этом отношении отметил А. Цвитанич (A. Cvitančić. *Pravno uređenje Splitske komune po statutu iz 1312 g.* Split, 1964, s. 145).

⁴⁴ В августе — сентябре 1358 г., например, в Сплите было разрешено продавать иноземное вино, но не муст (молодое вино): видимо, после уборки винограда хватало и своего муста. В сентябре же 1359 г. аналогичное предложение уже не прошло, хотя за него голосовала почти половина членов Большого Совета: 24 из 49 чел. (Bull., 1892, p. 88; 1894, p. 111).

говля, в отличие от торговли мясом, не пользовалась особым покровительством городских властей. Это объясняется различным социальным статусом далматинских скотовладельцев и виноградарей: скотом в Далмации владел городской патрициат⁴⁵, а собственниками и арендаторами виноградарей являлись горожане и крестьянство городской округи (*districtuales*). Вот почему, решительно становясь на защиту своих доходов от продажи мяса, городские патриции не возражали против временного допуска на городской рынок привозного вина. Далматинские статуты не скрывают того, что в защите со стороны коммун нуждался прежде всего мелкий виноградарь⁴⁶, но когда на городском рынке сталкивались интересы купца, заинтересованного в ввозе вина со стороны, и рядового виноградаря, то попирались интересы последнего⁴⁷.

Наблюдая эти противоречивые тенденции в виноторговле, трудно определить, в каких направлениях двигались грузы вина. Было множество путей, по которым оно попадало в городские таверны, в Боснию, в соседнюю округу, на острова. Некоторые из этих островов, в частности Паг, предъявляли постоянный и устойчивый спрос на вино⁴⁸. Мы склонны считать, что значительная часть вина не вывозилась в соседние страны, а потреблялась на местном рынке⁴⁹.

В деловых документах городов часто встречается термин «*drapperius*»⁵⁰, который означает не ткача, а торговца сукном — важную фигуру в системе далматинской торговли. Далматинская Хорватия в течение столетий импортировала тонкие сукна, фустайну и хлопчатобумажные ткани из Италии — самостоятельного ткацкого производства города здесь не знали⁵¹.

Уже в последней трети XIII в. сукно и фустайна становятся одним из самых распространенных предметов обмена в товарообороте Трогира и Задара⁵², расходясь отсюда во внутренние районы Хорватии, Боснии и Сербии — *per Slavoniam*⁵³. Сохранились имена покупателей этих тканей от XIV в.: так, ткани из Милана на 24 л. покупает в Задаре «человек» князя Гоислава; приказчик князя Хрватинича покупает здесь же сукна на 220 л.⁵⁴ По-видимому, значительная часть привозимых из Италии тканей должна была потребляться в самих городах; косвенно об этом сви-

⁴⁵ Это отметил уже издатель Трогирского статута И. Строхал (MHJSM, X, s. 314).

⁴⁶ Особенно выразительно об этом повествует статут о Брач: «Для пользы бедных необходимо, чтобы никто не мог продавать вина больше, чем на 11 сольдинов» [*Reformationes Brachiae* — MHJSM, XI, I, 47].

⁴⁷ Например, в Скрадине разрешили привозить вино со стороны и в тех случаях, когда не продано домашнее, если это необходимо для городских доходов (*De redbitus civitatis* — MHJSM, III; St. Scard., 79).

⁴⁸ Виноградарство на Паге было неразвито; жители острова не раз жаловались на то, что Задар высокими пошлинами мешает привозу вина: на острове в нем большая нужда (*Listine*, I, 279; II, 89, 117).

⁴⁹ Например, сделки в Трогире, наиболее многочисленные из всех, показывают, что вино из города шло в Венецию, Неретву, Шибеник, Задар, а в большинстве случаев оставалось в городе (см. TS, I, 251, 320, 327, 368, 376, 450, 504; II, 22, 84, 133, 154, 212, 231, 286, 292, 309). Вино в Боснию в больших количествах доставлялось через Неретву (например, на 100 дукатов через Сплит — *Rismondo*, № 58).

⁵⁰ См.: CD, IX, 19; XII, 123; XIII, 146, 292, 434; XIV, 498; XV, 346.

⁵¹ M. Mirković. *Ā. Ekonomski odnosi...*, s. 48.

⁵² В Трогире продается сукна на 41, 70 и 100 л., *rappi* (и других товаров) на 110 л., фустайны на 34, 44, 150 л. Известно, что кусок фустайны продавался за 1 л. (TS, I, 337, 345, 423, 424, 426; II, 49, 52, 327). В Задаре известна лишь одна сделка, но на большую сумму — 200 л. (*Spisi Tarallo*, 175). Купец из Неаполя продает в Задаре 13 локтей *auicella*, 8 локтей ткани, характер которой установить не удастся из-за лакун, и 2 кафтана, всего на 70 л. (CD, VII, 170, a. 1294).

⁵³ *Viagio, quod vult facere in Slavoniam* — TS, I, 424, 426.

⁵⁴ CD, X, 410, 327.

детельствует огромное количество портных, которые в иных городах были второй по численности прослойкой ремесленного населения⁵⁵. Особенно много портных насчитывалось в Задаре, да и торговцев тканями здесь было значительно больше, чем в других городах⁵⁶. Это дает основание предположить, что поток итальянских, или «латинских», как их называли в Шибенике, тканей шел главным образом в северную часть Далматинской Хорватии⁵⁷.

В Сплите и смежном Трогире заметна другая тенденция. Уже с конца XIII в. Сплит не столько ввозит, сколько вывозит шерстяные ткани⁵⁸. Это объясняется тем, что в Сплите с его неразвитым ткацким производством постоянно существуют ворсильщики и среди них даже состоящие на особой службе у коммуны⁵⁹. Нам представляется, что задачей этих коммунальных ворсильщиков (*simatoges*) являлась переработка того грубого, домотканного сукна, которое в течение столетий в домашних условиях производилось в далматинских селах и даже в городах⁶⁰. Это сукно под названием «раша» или «склавина» в огромных количествах вырабатывалось на Балканах и через Сплит и Клисский перевал вывозилось в Европу⁶¹. Становится объяснимой одна из основных особенностей торговли тканями в Далмации — существование двух противоположных грузопотоков сукон — итальянских в Задар и Шибеник и балканских (чаще через Сплит) в Западную Европу.

Интересную зависимость между местным производством и импортом позволяет установить торговля строительным материалом, в частности кирпичом и черепицей. Оказывается, эти товары северодалматинские города постоянно ввозили со стороны, главным образом из Вене-

⁵⁵ См. М. М. Фрейденберг. Там же, стр. 132—134.

⁵⁶ По существу прослойка *drapperii* обособилась от других торговых категорий только в Задаре и в Шибенике, где она (*mercatores de drapparia*) составляла самую богатую часть купечества. Средней нормой их состояний, достаточной для того, чтобы записи в их торговых книгах пользовались бы доверием на суде, является 1 тыс. л.; для остальных категорий купцов эта норма равна лишь 200 л. Характерно, что последние названы «торгующими в лавках» (*stazzonari*) (*stazzonari*), в отличие от *drapperii*, связанных с морскими экспедициями (см. St. Sib., IV, 48).

⁵⁷ В 1289 г. задарский купец Лампридий Павлов обязуется привезти из Венеции тканей на тысячу либр (CD, VI, 631—632). В сплитских же нотариальных актах удивительно мало документов о приобретении итальянских сукон. Торговля сукном в Сплите частично находилась в руках у задарских купцов. Так, Крестол Иванов из Задара берет у троих спличан 272 дук., обязуясь привезти сукно в город (M. V r a n d t. Wyclifova hereza i socijalni pokreti u Splitu krajem XIV st. Zagreb, 1955, s. 203).

⁵⁸ В 1292 г. в Неаполе было задержано судно, прибывшее из Сплита и груженное наряду с мясом сухими фруктами (*passulis* — изюмом) и сукном (CD, VII, 101, 143). Еще раньше, в 1264 г., из Трогира была продана в Италию партия тканей под названием *sochana* (т. е. сукно — TS, I, 27), несомненно местного производства. В 1360 г. ограбили купца, который вез вместе с кожей *sclavinas* из Сплита, хотя иногда (как мы могли судить по данным Estratti) ввоз итальянских сукон был значительным и в Сплите. О вывозе грубых сукон через Сплит см.: G. N o v a k. Povijest Splita, s. 447.

⁵⁹ A. K r e k i c h. Documenti..., p. 61—62; G. N o v a k. Povijest Splita, s. 425—426.

⁶⁰ N. B e r i t i ć. Prilog poznavanju unutrašnjosti lopudske kuće XVI. stoljeća. — «Anali». Dubrovnik, 1954, s. 500; D. B o ž i ć - B u ž a n i ć. Prilozi poznavanju interijera kuće u Splitu iz druge polovine 16. vijeka. — «Tri priloga». Split, 1961, s. 103. Г. Новак был неправ, считая, что существование ворсильщиков способно доказать существование производства тонких сукон в Сплите, ибо для обычных сельских сукон не требовался специальный *simator* (G. N o v a k. Povijest Splita, s. 426). Хорошо известно, что апаратура сукна во Флоренции развивалась именно на переработке грубых сукон.

⁶¹ И. Ковачевич отмечает, что «раша» и «склавина» (*esclavine*, *sclavina*, *moroglascha*, *vlichesca*) пользовались известностью во всей Европе (J. К о в а ч е в и ћ. Средневековна ношња балканских словена. Посебна издања САН, кн. 115. Београд, 1953, стр. 212).

ции⁶². Своего кирпича Далмация не производила. Этот факт мог показаться случайностью, если бы мы не знали о том, что керамическое производство в далматинских городах было неразвитым.

Мы не рассматриваем вопрос о торговле еще некоторыми товарами, среди которых самым важным, несомненно, является соль. Отметим лишь, что соль была одним из немногих продуктов, производившихся в самой Далмации, но далеко не везде. Крупнейшими центрами производства и вывоза соли были Шибеник и Задар (через который шла соль, поставляемая основным центром соледобычи в Далмации — островом Паг). В этих городах не существовало регламентации, и соль продавалась свободно. Иначе обстояли дела в Сплите, который не производил соль, а скупал ее по всей Далмации, а затем активно вывозил через рынок Дриева на р. Неретва в Боснию. В XIV в. в борьбу за рынки соли вступают Босния, Сербия, Венгрия и Венеция, в которых бурно растет соледобыча. Соль оказывается единственным продуктом далматинского производства, вышедшим не только на адриатический, но и на европейский рынок.

Итак, мы вправе сделать вывод о том, что торговля северодалматинских городов XIII—XIV вв. была ориентирована преимущественно на внешний рынок. Город вывозит морем скот, мясо, сыр, воск. Эти товары свидетельствуют об оживленных связях с внутренними районами Балканского п-ова; окрестное скотоводство питало не только экспорт, но и городское производство — в значительных количествах перерабатываются и вывозятся кожи. Ввозили в основном тонкие сукна, кирпич, черепицу, что свидетельствовало о слабости местного ткацкого и гончарного производства в городах и о незавершенности процесса отделения этих ремесел от сельского хозяйства. Ввоз хлеба и вывоз вина служат показателем особого характера развития далматинской деревни, рано вставшей на путь товарной специализации за счет расширения виноградарства и садовых культур.

⁶² В 1307 г. Задару разрешается свободно вывозить кирпич и черепицу из Венеции; в договоре между Трогиром и Венецией подтверждается старое право трогирян на этот вывоз (Listine, I, 223, 339—340). Со стороны, по-видимому, ввозятся в Задар и 3,5 «миллиария» (тысяча модиев? тысяча штук?) кирпича за 28 либр (CD, X, 642). Много кирпича (*petris coctis, lapidibus coctis*) и черепицы (*suppis*) покупает на стороне коммуна города Раба — 2 тыс. шт. на о-ве Паг, 1 тыс. — у купца из Песаро, 19 и 20 тыс. в Венеции (Listine, IV, 248, 263, 265, 266, 269). Вполне возможно, что на импорт кирпича с соседних рынков, в частности из Венеции, влияла дешевизна тамошних изделий; так, 125 кирпичей, изготовленных на Рабе (характерен ничтожный размер местного производства!), стоили 6 сольд. 8 ден., в то время как привоз 20 тыс. (*miliarii*) кирпичей из Венеции обходился всего в 18 с лишним сольд. (Listine, IV, 266, 269).

Приложение I

Цены на основные товары в Далмации XIII—XIV вв.

Годы	Город	Единица измерения	Стоимость	Источник
Зерно				
Май 1276	Трогир	Модий пшеницы	35 сольд.	TS, II, 147
» 1276	»	Модий ячменя	25	»
Авг. 1289	Задар	То же	34—36	Spisi Tarallo, 128—130
Март 1340	Задар	» »	44	CD, X, 529
Апр. 1359	Сплит	Старий пшеницы	26, 66	A. Krekic h, «Curia», № 19
Июль 1359	Сплит	Старий ячменя	16	Bull., 1895, p. 14
Март 1371	»	То же	43	Rismondo, № 143
Март 1378	Задар	Модий пшеницы	72	CD, XV, 349
» 1399	Шибеник	Кварта пшеницы	9 сольд.	NCS, 1891, p. 139

¹ «Nuovo Cronista di Sebenico» (Trieste).

Приложение I (продолжение)

Годы	Город	Единица измерения	Стоимость	Источник
Печеный хлеб				
1322	Трогир	Фунт	3 ден.	St. Trag., II, 43
1334	Раб	«Хлеб»	2	Listine, IV, 243—244
1334	Раб	То же	3 ден.	Ibid., 267
Скот				
1270	Трогир	Конь	18 либр	TS, I, 123
1275	Трогир	То же	10	TS, II, 108
1321	Задар	» »	43,5	CD, IX, 18
1342	Сплит	» »	50 либр	CD, XI, 20
1369	Сплит	» »	22 дук. (70 либр)	Rismondo, № 111
1271—1292	Трогир	Вол	8—9 либр	TS, I, 214, 504; TS, II, 286
1297	Задар	То же	8	CD, VII, 274
сер. XIV в.	Сплит	» »	10, 11, 12, 18 либр	M. Brandt, s. 206
1264	Трогир	Голова мелкого скота	0,8 либры	TS, I, 354, 358
б/г	Трогир	То же	0,68	TS, I, 67
1276	Трогир	» »	0,65	TS, II, 48
1274	Трогир	» »	0,5	TS, II, 75, 147
1272	Трогир	» »	0,25	TS, I, 382
1289	Задар	» »	0,73	Spisi Tarallo, 139
1290	Задар	» »	0,5	Ibid.
1297	Задар	» »	0,75	CD, VII, 274
1345	Задар	» »	1	CD, XI, 202
сер. XIV в.	Сплит	» »	1 либра	M. Brandt, s. 206
1334	Раб	Кастр. баран	12 сольд.	Listine, IV, 263
1385	Шибеник	То же	55 сольд.	Spisi Slavogosta, № 80
1271	Трогир	Осел	5 либр	TS, I, 143
сер. XIV в.	Сплит	То же	9 либр	M. Brandt, s. 206
Мясо				
1279	Трогир	Фунт говядины	2,8 ден.	TS, III, 220
1312	Сплит	То же	2	G. Novak. Povijest..., knj. I, s. 449
1312	Сплит	Фунт оленины	2	Ibid.
1312	Сплит	Фунт соленой свинины	6	»
1312	Сплит	Фунт свинины несоленой	5	»
1322	Трогир	Фунт говядины	2	St. Trag. II, 37
1322	Трогир	» свинины	4	Ibid.
1322	Скрадин	» говядины	3	St. Scard., 60
1322	Скрадин	» свинины	4	Ibid.
1408	Шибеник	» говядины	4	St. Sib. I, 39
1408	Шибеник	» свинины	от 5 до 10 ден.	Ibid.
1408	Шибеник	» баранины	4 ден.	»

Приложение I (продолжение)

Годы	Город	Единица измерения	Стоимость	Источник
К о ж и				
1271	Трогир	900 овечьих и козьих шкур	500 либр	TS, I, 185
1271	Трогир	300 овчин	200	TS, I, 227
1271	Трогир	18 воловьих кож	32	TS, I, 272
1289	Задар	15 » »	44 либры	Spisi Tarallo, 163
1339	Задар	230 ягнячьих шкурок	9 дукатов (28,5 либры)	CD, X, 482
В и н о				
1262, 1274	Трогир	1 галета	0,5 либры	TS, I, 73; II, 84, 292
1271, 1232	Трогир	То же	0,33	TS, I, 25; II, 209
1271—1276	Трогир	» »	0,2	TS, I, 368; II, 154
1282	Трогир	» »	0,13 либры	TS, III, 186
1289	Задар	1 модий	1 либра	Spisi Tarallo, 105, 120
1289	Задар	70 »	60	Ibid., 159
1289	Задар	То же	56	Ibid., 173
1318	Задар	» »	0,60 либры	A. Krekich. «Curia», AeM III, IV, p. 90
1334	Раб	» »	28,33 сольд.	Listine, IV, 243
1366	Задар	» »	21,33	CD, XIII, 542
1369	Сплит	» »	39	Rismondo, № 58
Сер. XIV в.	Сплит	Галета	19 сольд.	M. Brandt, s. 206
1377	Задар	Модий	20	CD, XV, 246
1386	Шибеник	Модий молодого вина	20	Sp. Slav., № 34
1332	Шибеник	Модий	35 сольд.	NCS, 1896, p. 136
1402	Сплит	Галета молодого вина	0,33 либры	Rismondo. № 177
О л и в к о в о е м а с л о				
1239	Задар	Старий	5 сольд.	CD, VI, 584—585
1334	Раб	Кварта	8	Listine, IV, 267
1368	Сплит	Мера	26,66	Rismondo, № 25
1386	Шибеник	Старий	7	Sp. Slav., № 42, 48, 49, 51
1386	Шибеник	То же	9	Ibid., № 40
1410	Задар	»	14 сольд.	«Curia», № 10
Ф р у к т ы (Ficus — смоква, инжир)				
1334	Раб	Модий	Около 5 либр	Listine, IV, 248
С о л ь				
1264	Трогир	Центенарий	22,5 либры	Spisi Tarallo, I, 41
1274	Трогир	То же	30	TS, II, 56
1281	Трогир	» »	30	TS, III, 173
1230	Задар	» »	20	Spisi Tarallo, 188, 189
1290	Задар	» »	18	Ibid., 218
1290	Задар	60 модиев	12 либр	Ibid., 232
1340	Задар	Центенарий	36,5 дук.	CD, X, 615
1353	Паг	То же	40 дук.	CD, XII, 150
1371	Сплит	» »	8 дук. (в городе)	G. Novak. Povijest..., s. 185

Приложение I (продолжение)

Годы	Город	Единица измерения	Стоимость	Источник
С о л ь				
2-я пол. XIV в.	Задар	Центенарий	10 дук. (вне го- рода) 19 дук.	N. Čolak. Pomorstvo..., s. 16
2300	Задар	» »	8	Ibid.
1406	Задар	» »	20 дук.	«Curia», № 5
И з в е с т ь				
1283	Задар (ввезенная из Шибеника)	100 модиев	16 либр	Spisi Tarallo, 183, 220
Сер. XIV в.	Сплит	100 мод.	12 дук. (40,5 либры)	M. Brandt, s. 207
1363	Сплит	То же	53 либры	Rismondo, № 72
1386	Шибеник	» »	10 дук. (32 либры)	Sp. Slav., № 92

Приложение II

О весовых единицах XIII—XIV вв.

Не считая возможным рассматривать здесь вопрос о средневековой далматинской метрике¹, укажем только на факты, заслуживающие особого внимания. Так, старый (единица для взвешивания хлеба), применявшийся в Сплите, считается равным венецианскому старю, или 90—100 л.² А между тем сплитский (а также трогирский) старый был в два раза меньше венецианского³; он равнялся, таким образом, 45—50 л. Долгое время была неизвестной величина задарского модия (единицы для измерения хлеба и соли); недавно удалось установить, что в XIV в. 128 задарских модиев равнялись 136 венецианским квартам⁴.

¹ Отметим также, что для измерения вина употреблялась (помимо модия) галега, равная 21—25 л. (M. Mirković. Ekonomski odnosi, s. 48, bilj. 8; M. Влајнац. Реџик наших старих мера. Београд, 1964, стр. 225). Расчетной денежной единицей считалась либра (точнее, libra parvulorum, равная 20 сольдам, или 240 денариям), в обращении же чаще всего находились дукаты; дукат в 1-й пол. XIV в. равнялся 3 либрам 4 сольд. (Z. Herkov. Grada za finansijsko-pravni rječnik feudalne epohe Hrvatske, sv. I. Zagreb, 1956, s. 365). Изредка встречался «романат» (romatus), в конце XIII в. равный 2,5 либры (TS, III, 146).

² G. Novak. Povijest Splita, knj. I, s. 470.

³ A. Kjekich. Documenti..., AeM III—IV, p. 59; «...starium Venetum, quod reddit starios duos ad starium Traguriensem». Rismondo, № 54.

⁴ Н. Чолак, нашедший это соотношение в неопубликованном источнике, тем не менее не дает конкретного ответа на вопрос об абсолютной величине модия. В одной работе он считает, что модий был равен 44,22 литра (N. Čolak. Pomorstvo, s. 16—17, bilj. 135), в другой, что он равнялся 83,199 литра (N. Čolak. Proizvodnja i pomorska trgovina paškom solju do pada Pača pod mletačku vlast g. 1409. — «Pomorski zbornik», knj. I. Zadar, 1963, s. 490, bilj. 65).

Т. М. СУДНИК,
С. М. ТОЛСТАЯ,
В. Н. ТОПОРОВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЮЖНОЙ ЧАСТИ БАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Цель этой статьи состоит в том, чтобы, во-первых, обратить внимание специалистов на территорию, где осуществляются наиболее интенсивные широкие контакты славянских и балтийских этнолингвистических и культурных комплексов; во-вторых, чтобы вкратце охарактеризовать эту территорию прежде всего с точки зрения языковой ситуации и языковых особенностей; и, в-третьих, чтобы предложить некоторую предварительную программу исследований этого культурно-языкового комплекса.

Конкретно речь идет лишь об одной части более или менее обширной территории, где в настоящее время население, говорящее на балтийских языках, находится в отношении языкового и культурного контакта со славянским населением, а именно — о территории, вытянутой с северо-востока на юго-запад и включающей в себя юго-восточную часть Латвии (от Лудзы до Даугавпилса), восточную и юго-восточную части Литвы, юго-западные районы Псковской области, западные районы Витебской области, северо-западные районы Минской области, практически всю Гродненскую область, северо-восточный угол Польши (Сувалкия, земли по Нареву и Бебже). Иначе говоря, предлагается обратить внимание на территорию, ограниченную (разумеется, приблизительно) линией, проходящей через следующие пункты: Лудза — Даугавпилс — Зарасай — Вильнюс (или несколько западнее его) — Сувалки — Ломжа — Белосток — Слоним — Новогрудок — Сморгонь — Дрисса — Себеж — Лудза.

На этой территории расположены в виде островов или целых массивов говоры: латгальские, дзукские говоры литовского языка, белорусские, польские, русские, а также — в виде гораздо более мелких вкраплений — другие говоры литовского и латышского языков, караимские говоры в Тракай и некоторых других районах Литвы, говоры идиша, южно-эстонский лудзинский говор в Латгалии и т. д. Следует также принять в расчет в качестве языковых компонентов, участвующих в контакте, литературные варианты литовского, латышского, польского, белорусского и русского языков.

Историческое прошлое этой территории, насколько можно о нем судить по старым письменным источникам (русские летописи, польские хроники, орденские документы и др.), археологическим и топонимическим данным, характеризовалось с лингвистической точки зрения решительным преобладанием балтийского (как западно-, так и восточнобалтийского) элемента, который в течение более или менее длительного времени был здесь практически единственным, причем достаточно широкая полоса распространения балтоязычных диалектов уходила на юг и восток

от этой территории. Сложность заключается в более точной характеристике языковых особенностей балтийских диалектов этой территории, в установлении территориальных границ внутри рассматриваемой области и в определении хронологии смены одного этнолингвистического комплекса другим. Тем не менее можно утверждать, что помимо указанных уже лингвистических компонентов, существенно учесть роль, которую играли в истории этой области балтоязычные галинды на крайнем западе (Голдап—Олеcko—Элк—Гижицко), селы на востоке и, конечно, прежде всего ятвяги на юге Литвы, северо-востоке Польши и западе Белоруссии (последние составляют особую проблему). Славянский языковый элемент возобладал в южной и восточной частях рассматриваемой территории уже в историческое время и во всяком случае уже во втором тысячелетии нашей эры. Появление тюрко-язычных караймов и татар, утративших в настоящее время свой язык, датируется довольно точно (конец XIV—XV вв.). С точки зрения политической истории показательно, что эта территория никогда не составляла единого государственного объединения и разные ее части оставались слабо связанными друг с другом в политическом и хозяйственном отношениях. Даже когда эти земли оказывались внутри больших политических объединений (Польско-Литовское государство или Россия), они всегда оставались малоосвоенной, нецентрализованной периферией. Некоторые природные особенности в сочетании с другими чертами сделали эту территорию весьма дискретной в языковом и культурном отношении, способствуя сохранению многих архаичных черт. Поэтому говорить о некоторых унифицирующих эту территорию явлениях можно главным образом в связи с историей последних столетий (не считая, разумеется, таких достаточно старых эпизодов, как появление одинакового орнамента на керамике или сходных видов погребения).

О том, что описываемый район представляет собой сферу весьма интенсивных контактов этнолингвистических групп и прежде всего балтийского и славянского (белорусского и польского) элементов, свидетельствуют разнородные данные.

Демографические материалы, относящиеся к этой территории, показывают, что даже за последние сто — полтора столетия произошло довольно резкое изменение соотношения указанных элементов как в количественном, так и в территориальном отношении¹, связанное с возрастанием роли славянского (прежде всего белорусского) элемента, тогда как литовский отступил, а в некоторых местах (исключая редкие островки) и вовсе исчез (примерно такая же картина наблюдается в отношении русского и латышского элементов на северо-востоке рассматриваемой области).

Некоторые внешние события в течение последних 50 лет приводили к чрезвычайно быстрому и кардинальным изменениям демографических и языковых отношений в этом районе, что становится возможным лишь при допущении по крайней мере двуязычия для подавляющего большинства населения этой территории.

Многообразие и активный характер контактов в этой области привели к тому очевидному уже при предварительном знакомстве положению, при котором наблюдаются многочисленные черты сходства, а иногда и тождества в организации ряда подязыковых и надязыковых систем.

К числу первых можно отнести: сходства в особенностях восточнолитовского и славянского жилища и хозяйственных построек в отличие от

¹ Ср. хотя бы данные, приведенные в статье: М. Я. Г р и н б л а т. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959.

западнолитовского типа²; общие черты в пище (в том числе — ритуальной: разные виды караваев, кусочки вареного теста и т. д.), в способах ее приготовления, в утвари, объединяющие прежде всего восточных литовцев и латгальцев с белорусами и отчасти поляками³; сходжения в одежде, в способах ее пошивки между дзукскими типами (в частности, женской одежды) и белорусскими; в предметах материальной культуры, способах ведения хозяйства и т. п.⁴; при этом материальное сходство объектов подязыкового уровня продолжается сплошь и рядом на языковом (лексическом) уровне (ср. многочисленные общие названия хозяйственных построек, утвари, пищи, одежды и т. п.). К числу сходств (между этнолингвистическими группами на этой территории), относящихся к надязыковому строю, следует причислить: общие представления мифологического и космологического характера, насколько они отражены в фольклорных текстах, при этом сходство распространяется не только на низшие уровни — демонология, суеверия, приметы, но и на некоторые представления высших уровней, например бога с функцией громовержца в литовской и белорусской традиции; следы одинаковых или весьма близких ритуальных действий; в значительной степени вся обрядность (сезонный цикл, жизненный цикл с обрядами, приуроченными к рождению, свадьбе, смерти; праздники и т. д.), поразительные совпадения в области художественного творчества, начиная с уровня символов, основных жанровых структур, мотивов и кончая мельчайшими деталями поэтической техники⁵; особенно следует отметить близость, а иногда и тождество целых наборов метрических схем, а также крупных сюжетных построений (сказки, предания и т. п.), в результате чего иногда целесообразно говорить о функционировании одного текста на двух языках (например, на литовском и белорусском). Разумеется, что перечень такого рода можно продолжить и конкретизировать. Хотя, конечно, многие из этих сходств охватывают территориально гораздо более широкие комплексы, чем указанная область, нет сомнений, что при соответствующем подходе можно вскрыть более тонкие и специфические прежде всего для данной области примеры сходств на надязыковом уровне.

Все эти и подобные им примеры и параллели позволяют с уверенностью говорить об особом культурном комплексе, сложившемся на этой территории в результате совокупного действия ряда исторических (в широком смысле слова) факторов.

Особую проблему, интересующую нас здесь прежде всего, составляет лингвистическая характеристика этой территории. Хотя многие детали пока остаются в тени, несомненно, что на этой территории наблюдается более значительная по сравнению со смежными территориями концентрация типологически близких черт (при том, что речь идет более чем об одном языке). Такая лингвогеографическая ситуация вызывает интерес и с теоретической и с практической точек зрения. Дело в том, что до последнего времени типологическое исследование языков и изучение их методами ареальной лингвистики велись изолированно; по этой причине зависимость

² Ср.: Г. И. Гозина. Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы XIX — начала XX в. «Балтийский этнографический сборник», М., 1956.

³ В. Милюс. Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX в. «Балтийский этнографический сборник», М., 1956.

⁴ См., например, «Lietuvių etnografijos broužai» (Vilnius, 1964) и этнографические исследования, относящиеся к Белоруссии.

⁵ См. из числа последних работ: P. A r u m a a. Zur Poetik der litauischen und ostslavischen Volksdichtung. — «Festschrift für Dmytro Cyževskyj». Berlin, 1954; V. R ū ķ e - D r a v i ņ a. Über einige altertümliche Konstruktionen in der slavischen und baltischen Volksdichtung. — «Scando-Slavica», t. VII, 1961; A. O z o l s. Latviešu tautasdziesmu valoda. Rīgā, 1961 и др.

типологических характеристик от положения в пространстве остается в значительной степени неясной; этим, между прочим, объясняется малочисленность попыток типологического исследования близкородственных языков, занимающих нередко смежные территории (ср. славянские языки), или тех языков, которые независимо от степени их родства объединяются в некоторые комплексы по территориальному признаку (исключая случаи ярковыраженных языковых союзов, как балканский). С другой стороны, внимание к ситуации на описываемой территории объясняется необходимостью включения языковых образований различной степени гетерогенности в рамки общей типологии и выработки специальных приемов их описания. Естественно, что подобное положение возникает прежде всего в условиях интенсивных языковых контактов, в результате которых могут оформиться языковые союзы.

В свете именно этих задач хотелось бы привлечь внимание исследователей к языковой ситуации на территории литовско-белорусского пограничья, существенно отличающейся от более однородной ситуации на соседних территориях⁶. Специфика указанного района заключается в мозаичности расположения диалектов разных языков, в дву- и трехязычии населения (по крайней мере, большей его части), в выработке целого ряда общих языковых элементов в результате симбиоза, в реализации в языковой практике говорящих некоторых правил соответствий между элементами взаимодействующих языков, в особой социальной организации многоязычия на этой территории⁷.

Учитывая наличие в диалектах рассматриваемого района всех этих особенностей, а также располагая некоторым запасом текстов на этих диалектах (особенно показательны здесь литовские диалектные тексты юго-восточной окраины Литвы и северной Белоруссии; см. публикации П. Арумаа, Ю. Сенкуса и др.), уже сейчас можно утверждать, что языковая ситуация, сложившаяся в этом районе, должна интерпретироваться в духе теории языковых союзов; поэтому далее будет говорить о характеристике балтийско-славянского языкового союза (БСЛЯЗС) в его южной и восточной частях (внимание преимущественно будет уделено наиболее значительным компонентам БСЛЯЗС — литовскому, белорусскому и польскому языкам тем более, что авторы, не претендуя на полноту, преследуют скорее иллюстративные цели).

Типологическое единство литовских, белорусских и польских диалектов, может быть, наиболее отчетливо наблюдается в ф о н о л о г и и, что в какой-то мере предопределено преимущественно устной формой языковых контактов в этой области. К такому выводу позволяет подойти уже выразительное сходство названных диалектов в материальном плане. Характеризуя в общем произносительные навыки говорящих, нужно отметить некоторую нечеткость, диффузность фонетического типа, в равной мере присущую литовским, белорусским и польским диалектам и состоящую

⁶ Ср. несколько примеров полилингвизма или взаимовлияния ряда языков: 1) во многих местах распространено сосуществование в пределах одного и того же коллектива литовского (или латгальского), белорусского, польского, русского языков; 2) старшее поколение караимов нередко знает помимо караимского польский и белорусский, а младшее поколение — русский и литовский языки; 3) лудзинские эстонцы 50—70 лет назад наряду с эстонским знали латгальский, а нередко белорусский, польский или русский; теперь сохраняется примерно та же картина, если не считать резкого уменьшения польского влияния и увеличения латышского и русского; 4) в восточной части литовско-латышской границы население знает литовский, латгальский, русский, а иногда и польский и белорусский языки; и т. д.

⁷ О некоторых примерах такого рода организации см.: Т. М. С у д н и к. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят). «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.

в том, что положение органов речи во время артикуляционных работ относительно мало отличается от нейтрального. С этой тенденцией, очевидно, связаны «шепелявость» палатальных свистящих s' , z' , c' , $ž'$, в образовании которых не участвует кончик языка; ненапряженность глухих согласных, в частности, что наиболее заметно, аффрикат; неустойчивость вокалических схем слова; многочисленные ассимиляции звуков в потоке речи. Фонетическое выравнивание практически унифицирует набор транскрипционных знаков, используемый фонологом для записи литовской и славянской речи в южном районе БСЛЯЗС (ср. проникновение в литовские и польские диалекты щелевых заднеязычных x , x' , γ , γ' и звонких взрывных g , g' — в белорусские, подключение литовской области к ареалу распространения гласного y , наличие носового заднеязычного η и т. д.), так что единственной характеристикой, отделяющей на этом уровне литовский ареал от славянского, остается встречаемость палатальных t' , d' , впрочем, позиционно и статистически ограниченная. Обращает на себя внимание одинаковая в диалектах трех языков манифестация просодических единиц, приходящихся на слово, синтагму, фразу.

Фонологические системы БСЛЯЗС тяготеют к единому типу, основанному на более или менее одинаковом наборе различительных признаков: вокальность, консонантность, компактность, диффузность, периферийность непрерывность, яркость, звонкость, палатальность, напряженность (отличие представляет польская фонология, для которой нерелевантен признак напряженности). К этому же фонетическому типу тяготеют некоторые гетерогенные системы, представленные на территории БСЛЯЗС: ср. преобразования фонологической системы тракайских караимов, исключающей противопоставление гласных по признаку бемольности:

$$\begin{array}{ccc} \ddot{y} & u & i & u \\ \dot{i} & y & \rightarrow & e & o \\ \ddot{o} & o & & & a \\ e & a & & & \end{array}$$

и, соответственно вырабатывающей палатальные оппозиции в консонантизме.

На территории БСЛЯЗС устанавливаются некоторые общие правила парадигматического комбинирования признаков.

Вокалическая система, типичная для диалектов БСЛЯЗС, образует семи- или (в допустимом редуцированном варианте) пятичленный треугольник (характерно отсутствие непериферийного компактного в литовских диалектах, сохранение напряженности в белорусских и дефонологизация назальности в польских):

$$\begin{array}{ccc} i & & u \\ i & & \dot{u} \\ e & & o \\ & & a \end{array}$$

Консонантный инвентарь, типичный для зоны БСЛЯЗС (r , l , l' , m , m' , n , n' , j , t , d , c , c' , $ž$, $ž'$, s , s' , z , z' , p , p' , b , b' , v , v' , $š$, $ž$, $č$, $ž$, k , g , x , γ), характеризуется развитием признака палатальности, близким белорусскому, где коэффициент различительности палатальности равен приблизительно 75% (литовская диспалатализация r , дефонологизация k' , g' и транспонирование признака палатальности в группу свистящих в польских диалектах).

В плане фонологической синтагматики признаками языкового союза могут считаться: более или менее регулярное нарушение системы полного аканья в белорусских диалектах, элементы аканья в литовских и польских диалектах; единообразное оформление начала слова (введение про-

тетических *v*, *γ* и подвижность непротетических начальных *v*, *γ*); единообразные явления конца слова (отсутствие конечных палатальных губных); отсутствие геминат; тенденция к единым с точки зрения палатальности и звонкости группам согласных, запрещение или статистическое ограничение сочетаемости *t'*, *d'*, + *i*, *i* и ряд других признаков большего или меньшего территориального диапазона.

Характеризуя современное состояние морфологии диалектов БСЛяЗС, следует отметить, что для интерференции на этом уровне наиболее актуальны явления, связанные с материальной аккомодацией формальных средств, при том, что план содержания (система грамматических категорий и сочетаний грамем) относительно устойчив. Указанную особенность демонстрирует именная парадигма литовских говоров этого района, сохраняющая специфические локативные падежи (иллятив, аллятив, адессив) и вместе с тем преобразующая флексии неспецифических падежей по образцу соответствующих славянских морфем:

Dat. sg. o-основ:	-u (<i>v'iru</i> , <i>bról'u</i>)
Acc. sg. a-основ:	-u(<i>bobu</i> , <i>pasaku</i>)
Instr. sg. m	: -um (<i>d'ievum</i>)
Instr. sg. f	: -ai (<i>su pačai</i> , <i>su jaį</i>)
Dat. pl.	: -am -om (<i>v'iram</i> , <i>bobam</i>)
Instr. pl. o- e- , i-основ	: -mi (<i>v'irom'i</i> , <i>g'iesm'em'i</i>)

К такого рода фактам (материальная адаптация морфем) можно отнести принятое в области БСЛяЗС оформление литовского сослагательного наклонения (*ot*, *g'eraį butup'*), некоторых императивных форм (*rassakai*), инфинитива (*sak'ic'*, *naktuįc'*).

Тенденция к общему фонду формальных морфем выражается в частых случаях заимствования морфологических элементов. Как следствие этого возникают модификации в структурном плане (ср. преобразования в видовой системе литовских говоров, связанные с распространением славянских глагольных приставок *raz* (s)-, *da-*: *dabuvo*, *dažunojo*, *raskuryn'c'* и т. д.).

К этой тенденции примыкают случаи вполне синонимического употребления разноязычных морфем, выражающиеся, во-первых, в создании креолизованных форм: *piovéla* (литовский претерит дублирован славянским показателем прошедшего времени), *pas'is'm'ajal'is'a* (двойной показатель возвратности), и, во-вторых, в достаточно регулярных (особенно в фрагментах литовской речи, ориентированных на междиалектное восприятие) фактах внедрения в некоторые контексты конструкций, оформленных по иноязычному образцу (ср. морфемную структуру следующих фраз: *anas l'ub'ic' baįkas prov'ic'*; *an'is raspalažyl'is'*, *naktujuc' p'arnaktujo*).

Тенденция к общему синтаксису в условиях БСЛяЗС реализуется тем более эффективно, что синтаксические структуры литовского, белорусского и польского языков обнаруживают значительное типологическое сходство, что они характеризуются большей степенью вариативности и подвижности, а также во многих случаях прямой редукцией, обусловленной стабильными и ограниченными ситуациями разноязычного общения. Что касается более развернутых в содержательном и стилистическом отношении текстов (например, фольклорных), то и они, как правило, обладают малой степенью специфичности в структуре предложений (в первую очередь сложных, затем простых), словосочетаний (если не считать регулярного соответствия славянским предложным конструкциям с локативным значением литовских специальных падежных форм) и в порядке слов. Сопоставление параллельных текстов на двух языках (литовском и белорусском, литовском и польском) обнаруживает, что наиболее подвижной категорией являются словосочетания разной степени устойчиво-

сти (но в первую очередь — приближающиеся к фразеологизмам), которые заимствуются из славянского в литовский почти с той же свободой, с какой заимствуются отдельные лексемы, и с сохранением славянского синтаксиса. Ср., например, *mornavodamu česu, be trudu*.

В области л е к с и к и, особенно проницаемой для инородных элементов, признаком языкового союза является тенденция к созданию общего словаря, выраженная в большей или меньшей степени в зависимости от глубины и развитости двуязычной (или многоязычной) традиции. В целом для БСЛЯЗ характерен относительно высокий показатель лексических заимствований и интенсивные процессы сходных семантических перераспределений, затрагивающие в первую очередь общий балто-славянский лексический фонд, а вторично — и специфически литовскую лексику. В особых условиях (ср., например, Гервять, где предельно развито двуязычие) общий словарь расширяется по существу до размеров целого языка, в данном случае белорусского, который потенциально усваивается любым носителем небелорусского языка, а реально функционирует как средство междиалектного общения в определенных, наиболее типичных, хотя и ограниченных, ситуациях. Для лексической интерференции в условиях БСЛЯЗ вообще типично нивелирование литовского элемента в пользу славянского (как правило, белорусского); нередко и свободное параллельное употребление в литовских контекстах белорусских, русских и польских вариантов (ср.: *zad'erška — zastanoŭka, šmotas — kavalkas, černylas — atramentas, šutka — žertas* и т. д.).

Анализ славянской лексики в литовских текстах этого района подтверждает отчетливую неоднородность отдельных классов слов с точки зрения их проницаемости. Несомненно благоприятным условием для включения слова в инородный контекст является необремененность его синтаксическими связями, этим объясняется весьма легкая усвояемость наречий, союзов, частиц (ср. наречия *v'äs'el'až, val'n'ež, natto*, союзы *bo, kab, al'e, že, da, pok'i*, частицу *vot*) и полное отсутствие заимствованных предлогов. С другой стороны, чрезвычайно интенсивное усвоение славянских имен в литовском облегчается выработанным жестким механизмом морфологического перекодирования их (например, славянские имена мужского рода на согласный регулярно передаются литовским типом мужского рода на *-as*, славянский средний род — как женский род на *-a* и т. д.); свобода и автоматизм морфологической и синтаксической ассимиляции делают любое славянское имя потенциально возможным для литовского текста.

Словообразовательные процессы, сопровождающие лексическую адаптацию, подчиняются общей тенденции к интеграции и проявляют ее в обобщении словообразовательных средств (опять-таки по славянскому образцу), а также в весьма продуктивной операции калькирования.

По всей вероятности, привлечение нового материала должно лишь подтвердить высказанное здесь. Для точной и полной лингвистической характеристики южной зоны БСЛЯЗ прежде всего необходимо фронтальное полевое обследование диалектов литовско-белорусского пограничья. Практически речь идет о ряде островных литовских диалектов на территории Белоруссии и сплошном белорусско-польском диалектном массиве в юго-восточной Литве (Виленица). Каждый из относящихся сюда диалектов должен получить по возможности полное описание (учитывающее все уровни), при этом программа обследования должна предусматривать интерпретацию первичных (относящихся к родному языку) и вторичных (относящихся к общему междиалектному языку и выработанных в практике разноязычного общения) диалектных фактов. Исходным могло бы послужить фонологическое описание системы отдельных говоров БСЛЯЗ,

дающее представление об инвентаре фонем, их парадигматической идентификации, об основных типах дистрибуционных ограничений (как минимум дистрибуция начала и конца слова) или то же — в терминах различных признаков.

Морфологическая программа обследования должна предусматривать выявление основных категорий плана содержания, описание структуры парадигм, учитывающее соотношение плана выражения с планом содержания, например, в терминах нейтрализации граммем.

В области синтаксиса трудно опереться на накопленный диалектологией опыт, поскольку диалектологические исследования разного типа обычно фиксируют лишь отдельные, изолированные синтаксические факты. Принимая во внимание, что исчерпывающее синтаксическое описание составляет чрезвычайно сложную и не сразу осуществимую задачу, следует, видимо, формулируя программу, ориентироваться в первую очередь на те фрагменты синтаксиса, которые наиболее подвержены адаптации и становятся достоянием общего, междиалектного языка, причем за пределами этого общего языка остаются богатые, развитые синтаксические структуры, сохраняющие свою специфичность в каждом из interfering диалектов.

Очевидно, что в области лексики полное описание тем более не является ближайшей задачей, даже составление словаря не означало бы ее окончательного разрешения. Разумно поэтому ограничиться некоторыми замкнутыми сферами лексики, причем, как кажется, наибольших результатов (с точки зрения проблемы языкового союза) можно достичь, обращаясь не к номенклатурной или терминологической лексике, а к абстрактной.

Для экономного представления фактов словообразования можно предложить построение максимальной словообразовательной модели, по отношению к которой были бы описаны словообразовательные типы отдельных диалектов и междиалектного языка.

Наконец, должно быть по возможности предусмотрено описание неязыковых семиотических систем, включающихся в общий культурно-языковой комплекс, хотя бы в основных моментах их взаимодействия.

Намеченные здесь ареально-типологические исследования в результате могут оказаться полезными для разрешения диахронических и, возможно, генетических проблем, касающихся данной языковой области: 1) балто-славянские языковые отношения в историческом плане; 2) история белорусского языка; 3) история балтийских языков, в том числе исчезнувших; 4) этногенез балтийских народов и белорусов; 5) эволюция разных форм культурного развития (фольклор, народные художественные промыслы, обрядность, мифологические представления).

Е. В. ЧЕШКО

СИСТЕМА ПАДЕЖНОГО СИНТАКСИСА СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Центральной задачей исследователя, желающего представить систему падежного синтаксиса, является описание подчинительных связей, соединяющих глагол и имя, что предполагает установление цепочек объектных падежей при глаголах разной семантики и порядка следования падежей в этих цепочках в зависимости от силы глагольного управления, а также определение главных синтаксических и семантических функций падежей.

Эти вопросы и стоят в центре внимания двух исследований синтаксической системы падежей старославянского языка, появившихся в последние годы. Это книги К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка»¹ и польского лингвиста Чеслава Бартулы «Связи глагола с дополнением в древнейших памятниках старославянского языка»². Оба автора в качестве исходных предпосылок своих синтаксических построений берут теорию падежей Е. Куриловича, его понимание синтаксических и семантических функций, его принципы разграничения грамматических и конкретных падежей. Мы коснемся этих работ в связи с рассмотрением вопроса о порядке следования падежей в объектной цепочке.

К. И. Ходова ставит перед собой задачу «установить внутреннюю перспективу в сфере синтаксиса старославянских падежей и предложить доказательства существования системы в их синтаксическом использовании»³. При этом автор исходит из того, что падежная флексия (окончание падежа) является знаком позиции по отношению к глаголу, и пытается воссоздать цепочку глагольного управления на уровне системы языка. В отличие от этого Ч. Бартула ограничивается лишь описанием встретившихся в старославянском языке типов основных структур с объектами, выраженными беспредложными падежами и падежно-предложными формами.

Поставив перед собой цель дать «описание и формально-семантическую характеристику синтаксических связей глагола с дополнением (V + O) в древнейших старославянских памятниках, какими являются списки переводов евангелия периода деятельности Константина-Кирилла и Мефодия»⁴, Ч. Бартула устанавливает 40 типов основных структур с объектами, выраженными беспредложными падежами, определяет, какие типы являются преобладающими, какие более редкими, выявляет параллельные, кон-

¹ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1963.

² Cz. Bartuła. Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.

³ К. И. Ходова. Там же, стр. 1

⁴ Cz. Bartuła. Ibid., s. 129.

курующие структуры, рассматривает вопрос о влиянии греческого синтаксиса на исследуемые структуры дополнения в первых славянских переводах. В качестве приложения он дает алфавитный перечень всех встретившихся в исследованных текстах глаголов с указанием возможных при них дополнений. Автор определяет семантическое значение объектов при различных глаголах в разных типах объектных цепочек, а также относительную силу их связи с глаголом, различает ближайший и дальнейший объекты и помещает их в соответствующем порядке в объектной цепочке ($V + O_1 + O_2 + O_3$). Если в объектной цепочке имеется несколько разных беспредложных падежей, они располагаются всегда в строго определенном порядке: на первом месте стоит винительный; родительный всегда предшествует дательному и творительному, а дательный всегда занимает в цепочке более близкое к глаголу место, чем творительный падеж. Таким образом, цепочки из нескольких различных падежей представлены в книге Бартулы следующими структурами: $V + \text{acc.} + \text{gen.}$, $V + \text{acc.} + \text{dat.}$, $V + \text{gen.} + \text{dat.}$, $V + \text{acc.} + \text{instr.}$, $V + \text{gen.} + \text{instr.}$, $V + \text{dat.} + \text{instr.}$, $V + \text{acc.} + \text{dat.} + \text{instr.}$. Расположение падежей в цепочке глагольного управления Бартула специально не исследует. Он просто следует концепции А. В. де Гроота и Е. Куриловича, принимая данный порядок как нечто уже установленное, не нуждающееся в доказательствах и специальной мотивировке. Поэтому предложенный им порядок расположения объектных падежей может быть принят как известная условность. Однако вопрос о порядке следования падежей не является праздным, так как место падежа в объектной цепочке может служить информацией о значении падежа в данном контексте, тип объектной цепочки может в известной степени характеризовать глагол и управляемые им объекты. Это и побуждает нас внести некоторые дополнения и уточнения в описание объектных структур, предложенное Ч. Бартулой.

В предлагаемом ниже описании системы падежного синтаксиса старославянского языка мы, так же как и Ч. Бартула, стремимся представить типы структур подчинительных связей глагола и имени. Но если Бартула ограничивал свои задачи рамками дополнения, мы при определении типов структур учитывали не только объектные, но и субъектные связи. Мы рассмотрим здесь лишь беспредложные падежи, выступающие в объектных значениях.

В зависимости от лексического значения глагол требует тех или иных объектов: в одном случае — одного, в другом — двух или трех. Предполагается, что: 1) мы можем определить эту зависимость, т. е. установить, какие глаголы требуют одного, какие двух и какие трех объектов и каких именно, и в зависимости от этого дать семантическую классификацию глаголов; 2) если при глаголе может быть несколько объектов, мы можем установить, какой из них более тесно связан с глаголом (= более необходим для выявления его лексического значения), какой менее, поставить их в определенную синтаксическую перспективу в зависимости от их связи с глаголом и таким образом установить типы синтаксических цепочек; 3) мы можем также установить, какое значение имеют субъект и объект (объекты) при глаголах разных семантических групп, определив роль обозначаемых ими предметов в действии. В результате этого анализа будет определен набор семантических функций падежей; 4) можно проследить далее, какие семантические функции какими падежами выражаются и какой падеж для той или иной функции является доминирующей формой.

Термин «семантическая функция» нами и Е. Куриловичем понимается по-разному; последний вкладывает в это понятие «семантическое содержание падежного окончания». В нашем понимании семантическая функция —

это значение субъекта или объекта, зависящее в первую очередь от характера глагольного действия. Если глагол может управлять двумя или тремя объектами, их значения дифференцируются с помощью различных падежей. Глаголы, которые могут управлять только одним объектом, не нуждаются как будто в дополнительной информации падежной формы относительно характера данного объекта. В этом смысле падежное значение оказывается как будто избыточным. Однако это не означает, что падеж лишается своей семантической функции, т. е. что здесь не может быть определена роль обозначенного данным падежом предмета в глагольном действии.

Типы синтаксических цепочек беспредложных падежей, встретившихся в старославянских текстах, могут быть легко перечислены, так как количество их относительно невелико. Примем следующие правила обозначения: 1) падежи обозначаются первой заглавной буквой: И, В, Р, Д, Т, Л; 2) на первом месте в цепочке падежей ставится падеж субъекта; 3) второе, третье и четвертое места занимают зависимые члены, определяющие глагол и расположенные в порядке убывающей силы управления.

Так, в цепочке, обозначенной символами ИВРТ, именительный падеж обозначает падеж субъекта, винительный — падеж первого объекта, родительный — падеж второго объекта, творительный — падеж третьего объекта или сильноуправляемого обстоятельства (инструментальный образ действия). В цепочке ДИТ дательный обозначает субъект действия, именительный — первый объект, творительный — второй объект и т. п. Порядок расположения падежей в синтаксических цепочках отражает не порядок слов, а лишь синтаксическую перспективу падежей в указанном выше смысле.

В старославянском языке зафиксированы следующие типы синтаксических цепочек: Цепочки из двух звеньев — падеж субъекта и падеж объекта: ИВ, ИР, ИТ, ИД, ИЛ, ДИ, ДТ, ДР, ДД, ТИ, ТД. Цепочки из трех звеньев: ИВД, ИРД, ИВР, ИВТ, ИРТ, ИДТ, ИТД, ТИД, ДИТ, ДРТ, ИВВ, ИРР. Цепочки из четырех звеньев: ИВРТ, ИВДТ, ИВТД. Кроме того, имеются цепочки из одного звена — падеж субъекта и глагол. Субъект в старославянском языке может быть выражен И, Д или Р падежом: И —, Д —, Р —.

В старославянском языке глаголы восприятия и отношения и глаголы активного действия существенно отличаются друг от друга структурой возможных при них цепочек падежей. Глаголы, обозначающие восприятие субъектом внешнего мира и его отношение к воспринимаемому (т. е. действия органов чувств, проявление эмоций и мыслительной деятельности субъекта), очень редко образуют цепочки из трех звеньев и не встречаются с цепочкой из четырех звеньев.

Преобладающим типом при глаголах восприятия и отношения является цепочка из двух звеньев — субъекта и объекта. Например, ИВ — слышавѣ же юноша слово се Сав. 45, Мт. XIX, 22; ИР — стъихъ словесъ да слышимъ Супр. 452-26; паче въсѣхъ стодъннхъ дѣлъ величаниа гноушати са въ Супр. 545-12; ИД — и вси людие радовахъ са емоу Сав. 58, Лук. XIII. 17; ИЛ — и оупвани вжи надѣа са Супр. 552-14; ИТ — к'то не въсчодитъ са острожъ вѣрожъ снж Супр. 55-14.

Примеры с субъектом, обозначенным дательным падежом: ДР — koliko паче ви оужасати са намъ х̄а нсоуса Супр. 149-2; ДД — якоже всѣмъ дивити са и оужаснати сътворенымъ чоудесемъ Супр. 566-15; ДТ — мнѣль ли кси страху оубоити са намъ Супр. 176-16.

Обозначим субъект и объект при этих глаголах терминами «субъект восприятия и отношения» и «объект восприятия и отношения». Объект восприятия и отношения — это такой объект, который не подвергается

какому-либо активному воздействию со стороны субъекта (прямому или косвенному), являясь лишь источником известной информации для субъекта, возбудителем его эмоций. Субъект восприятия и отношения выступает как восприимчивый данной информации, соответственно формирующей его отношение к воспринимаемому.

В исключительно редких случаях при глаголах восприятия и отношения помимо объекта восприятия и отношения встречается еще другой объект, обозначенный творительным или дательным падежом. Например, ИВТ — *разоумѣжъ доухомъ заблѣднѣши разоумъ* Супр. 325-20; ИРТ — *тебѣ видѣж пактѣнма очима* Супр. 505-13. Творительный падеж выступает здесь в функции инструментального объекта, обозначая часть тела (или какую-нибудь функцию организма — *доухъ, разоумъ, воли* и пр.), с помощью которой осуществляется данное действие. Часто такой инструментальный объект приобретает характер обстоятельства образа действия⁵.

Очень редко наряду с объектом восприятия в цепочке падежей стоит второй объект, обозначенный дательным падежом, например, ИВД — *видѣахъ бо кмоу сѣднѣи вѣлы акы вкнж благо тѣло ослабкнѣ очн* Супр. 47-28. Значение этого дательного может быть определено как значение заинтересованного лица. Это одно из частных значений дательного, выступающего в семантической функции воспринимающего объекта.

При глаголах восприятия и отношения встречается и так называемый дательный этический, например: *сѣмотри же ми въ се мѣсто непобѣдимок* Супр. 90-14.

Дательный второго объекта может иногда выступать в функции объекта восприятия и отношения. Это находим в случае, когда глагол в сочетании с винительным падежом выражает отношение, например: *вѣрж емлѣте мнѣ аще ли же ни за та дѣла вѣрж имѣте ми* Сав. 100, Ио. XIV. 11, где *вѣрж емлѣте* обозначает 'верить', 'поверить'.

Аналогичные типы цепочек образуют некоторые глаголы действия, характеризующего линию поведения субъекта по отношению к объекту, но не оказывающего на объект никакого непосредственного воздействия. Таковы глаголы *подражати, вѣслѣдовати, сѣподовити сѣ, трѣбовати* 'быть нужным' *искати, жѣдати, оутанити сѣ, гонезноути, извѣгати, оуклонити сѣ, погрѣшити, отрекати сѣ, мѣстити* 'защищать', *пешти сѣ, прилежати* 'заботиться' и т. п. Глаголы этого типа употребляются главным образом с двучленными цепочками. При этих глаголах, как при глаголах восприятия и отношения, в функции объекта могут встретиться все падежи. Например: ИВ — *юноша да тѣч'никы подражажѣтъ* Супр. 95-26; ИР — *толико онъ оукланаше сѣ кѣ* Супр. 365-29; *а ли оучитель молитвы трѣбоуаше* Супр. 307-19; ИД — *прѣподовни епнп. . оучаште правовѣр'но вѣслѣдствоушите стоуоумоу васлаеоу* Супр. 538-17; ИГ — *аште сѣ не печетъ богъ мноуж* Супр. 292-15; ИЛ — *приведе же і въ господж и приежаше емъ* Сав. 55, Лук. X. 34.

Субъект при этих глаголах является действующим, а не воспринимающим. Его действия обусловлены обычно положительным или отрицательным отношением к объекту и в зависимости от этого направлены либо на «сближение» с объектом, сохранение его, либо на отказ от объекта, уклонение от контакта с ним. Объект при этих глаголах, как и при глаголах восприятия и отношения, не подвергается какому-либо воздействию со стороны субъекта — ни физическому, ни психологическому. Действие субъекта не распространяется на объект, а лишь ставит субъект в определенное положение по отношению к объекту. Это дает основание рассма-

⁵ См. «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958, стр. 112 и след.

тривать объект при этих глаголах как объект отношения, т. е. отнести данные случаи к функции объекта восприятия и отношения.

Формальное сходство рассмотренной группы глаголов с глаголами восприятия и отношения состоит в том, что они чаще всего требуют родительного падежа.

Как и при глаголах восприятия и отношения, два объектных падежа при глаголах этой группы встречаются крайне редко. Нами зафиксированы примеры с творительным падежом ИРТ: *яко тацѣми словесы оубѣжати имаши мѣсти* Супр. 49-17. Обычно же творительный при этих глаголах приобретает обстоятельственное значение, например: *страхомъ рѣста оубѣживѣ звѣри боизныж и отъбѣживѣ звѣри* Супр. 472-1, 2.

Падежи, выступающие в функции объекта восприятия и отношения занимают по отношению к глаголу позицию первого объекта. Редкие случаи употребления цепочек, в которых помимо объекта восприятия и отношения имеется еще инструментальный объект, выраженный творительным, или воспринимающий объект, обозначенный дательным падежом, свидетельствуют о том, что эти объекты менее обязательны при данных глаголах, чем объект восприятия и отношения, и, следовательно, в цепочке падежей, отражающей силу глагольного управления, они занимают более отдаленную от глагола позицию — позицию второго объекта.

Глаголами активного действия мы будем называть глаголы, обозначающие активное воздействие субъекта на внешний мир.

Субъект действия, в отличие от субъекта восприятия и отношения, физически воздействует на объект или выступает как источник определенной информации, рассчитанной на ее восприятие объектом. В соответствии с этим при глаголах действия возможны два типа объекта: 1) объект действия, который, в отличие от объекта восприятия и отношения, испытывает на себе физическое воздействие со стороны субъекта, например: *и оударь раба архиреева оурѣза оухо* Сав. 96, Мт. XXVI. 51; *азъ... дѣло съвършихъ* Сав. 107, Ио. XVII. 4; 2) воспринимающий объект, который, в отличие от объекта действия, не подвергается физическому воздействию со стороны субъекта, но, в отличие от объекта восприятия и отношения, является не источником, а восприемником адресованной ему информации, предметов или действий. Например: *ИД — възвѣстиша же имъ видѣвшеи како спе са бѣсѣны* Сав. 54, Лук. VIII, 36; *и ставъ іс зъва* и Сав. 44, Мт. XX. 32; *покажете ми складъ кинсовы* Сав. 46, Мт. XXII. 19.

Кроме объекта действия и воспринимающего объекта при глаголах активного действия возможен еще инструментальный объект, обозначающий предмет, с помощью которого осуществляется действие. Например: *ИВТД — тѣгда доук'съ повелѣ каменнимъ лица имъ бити* Супр. 74-2. Возможность образования цепочки из четырех звеньев обусловлена переходностью глагола: только прямопереходные глаголы активного действия могут иметь цепочку с тремя объектами. Например: *ИВТД — повелѣ анопатъ... мечемъ глажеж кмоу отъсѣшти* Супр. 119-1. Однако при этих глаголах полная цепочка беспредложных падежей — явление относительно редкое. Чаще встречаются цепочки, состоящие из трех или из двух падежей.

По составу объектов в этих цепочках можно произвести дальнейшее разбиение глаголов на семантические группы.

Цепочки из двух звеньев с объектом действия представлены типами: ИВ, ИР, ИТ, ИЛ, ТИ.

Если объект восприятия и отношения чаще всего бывает выражен родительным падежом, то преобладающей формой обозначения объекта действия является винительный падеж.

При переходных глаголах параллельно винительному может употребляться родительный объекта действия. Однако его употребление не только встречается реже, но обычно строго регулируется либо типом грамматической конструкции (конструкции с отрицанием и супином), либо лексическим значением глагола (действие, способное к частичной объективации) и имени существительного (вещественное значение), стоящего в этом падеже. За пределами этих условий отмечено известное количество случаев параллельного употребления винительного и родительного падежей без различия в значениях. К. И. Ходова отмечает такие примеры при глаголах *решти*, *глаголати*, *посѣтити*, *повѣдити*, *писати*, *свъръшити*, *сътворити*, *обрѣсти*, а также *ѣти*, *прѣяти*, *имѣти*, *вѣзати*, *дати*, *принести* с существительными невещественного значения, но отмечает при этом, что более обычным является в подобных случаях винительный падеж⁶.

При непереходных глаголах объект действия может быть выражен родительным, творительным и местным падежами. Например: *ИР — потюмъ краи отъидадѣт тѣла Супр. 89-24*; *и всь народъ искаше прикасати са емъ*, Сав. 133, Лук. VI. 19; *ИТ — мѣсто оубо сватааго пештеры. . . порастъ вълнкмъ многомъ і трънимъ Супр. 217-20, 21*.

Двучленные цепочки с воспринимающим объектом представлены типами *ИВ*, *ИД*, *ТД*.

Цепочку *ИВ* находим при переходных глаголах со значением психологического воздействия на объект, обозначенный винительным падежом, например: *азъ оумоаж оца о васъ* Сав. 106, Ио. XVI. 26; *ѣди и въи прѣлѣсти* Сав. 28, Ио. VII. 47; *что ма искоушаете лицемъ бри* Сав. 45, Мт. XXII. 18.

Более разнообразен состав глаголов, требующих дательного воспринимающего объекта. Это могут быть не только глаголы сообщения, которые часто употребляются с одним объектом (например: *онъ же повелѣ имъ въинити* Сав. 54, Лук. VIII. 32), но и глаголы причинения и даяния (предоставления). При глаголах причинения дательный воспринимающего объекта выступает в значении адресата причинения, например: *мигъ во овалгъччавакъ отъ мжкъ хс* Супр. 4-11; *и въста слоужаше емоу* Сав. 34, Мт. VIII. 15. Двучленные цепочки встречаются и при глаголах предоставления, например: *дадите вы имъ ѣсти* Сав. 39, Мт. XIV. 16 или при глаголах на *са*, например, *и се все прѣдастъ са вамъ* Сав. 71, Мт. VI. 5. Степень употребительности цепочек с дательным первого объекта разных значений различна.

Двучленные цепочки с дательным воспринимающего объекта возможны также в страдательных конструкциях, например: *ТД — ведоста и затвориста и ѡкоже повелѣно има въстъ цѣсаремъ* Супр. 196-4.

Трехчленная цепочка типа *ИВТ* характерна для глаголов действия, не требующих дательного падежа, например, при глаголах, где воспринимающий объект выражен винительным падежом (*азъ же ѡини заклинаж въбогомъ живѣнимъ* Супр. 264-14), а также при глаголах, где винительный падеж выступает в функции объекта действия (и различно къждо *виахъ и ови прѣткнмъ ови вичи а друзини жъзникмъ* Супр. 193-6).

Творительный инструментального объекта, кроме значения орудия, может выступать в значении средства действия (*зане и чьстѣгын цѣсаръ константигъ. . . божьствѣннимъ доухомъ. . . дрѣжавж прѣнимъ* Супр. 186-5) или в значении вспомогательного материала⁷ (*азъ ѡво водож крышж въи* Сав. 147, Мрк. I. 16).

⁶ К. И. Ходова. Там же, стр. 62—64.

⁷ По классификации Д. С. Станишевой (см. «Творительный падеж в славянских языках», стр. 108).

Значения орудия и вспомогательного материала имеет творительный в цепочке типа ИРТ, где функция объекта действия выражена родительным падежом, например: *тоа стъдыка покровишта словесемъ оусоуши* Супр. 348-4,5; *оаѣомъ главы моеа не помаза* Сав. 130, Лук. VII. 46.

Примером творительного средства в цепочке ИРТ мы не располагаем. Однако можем привести пример с родительным объекта и творительным средства действия в цепочке типа ДРТ, где субъект действия при инфинитиве обозначен дательным падежом: *не поиштеть ли самъ ходатаа себѣ. . . да бы тчыж кыимъ избыти кмоу зъла* Супр. 361-21.

Трехчленная цепочка ИВР представлена при ограниченном круге глаголов. Это переходные глаголы со значением наполнения, насыщения, например: *тоама же безвожъни ти меташа каменик на правьдъника донелѣже напакъниша пештерѣ каменни* Супр. 216-28, 29; глаголы со значением отторжения, освобождения, например: *просты ма котыгы лишисте* Супр. 368-11. Данная цепочка может быть распространена еще четвертым членом — ИВРТ. Мы располагаем, правда, лишь одним примером, иллюстрирующим данный тип: *иже дѣлаеть добрыи разажчаа доухомъ стънимъ паѣвы пшеница* Супр. 143-20.

Цепочки из трех звеньев с дательным падежом второго объекта представлены следующими типами: ИВД, ИРД, ИТД, ТИД. Во всех этих типах дательный падеж выступает обычно в функции воспринимающего объекта.

По отношению к воспринимаемому объекту глаголы, имеющие данные цепочки падежей, обозначают действия, даяния, сообщения и причинения. Эти действия характеризуются направленностью к адресату, в качестве которого и выступает воспринимающий объект. Например: *ИВД — они же принесоша емоу пѣназь* Сав. 46, Мт. XXII. 19 (адресат предоставления); *никтоже емоу можаше отвѣштати слово* Сав. 47, Мт. XXII. 46 (адресат сообщения); *кто ти ксть раздралъ котыгъ* Супр. 187-11,12 (адресат причинения); *ИРД — буди да ти не съвертитъ оустъ печальное мжчение* Супр. 382—28.

В соответствующих страдательных конструкциях представлен тип цепочки ТИД. В функции субъекта действия выступает творительный падеж, а объект действия обозначен именительным падежом, например: *вса ми прѣдана сжтъ оцѣмъ моимъ* Сав. 135, Мрк. V.27. Здесь дательный, как и в действительных конструкциях, рассмотренных выше, выступает в функции воспринимающего объекта.

Цепочки типа ИТД, требующие специальной мотивировки, мы рассмотрим ниже.

Трехчленные цепочки с дательным воспринимающего объекта типа ИДТ характеризуются отсутствием объекта действия. Функцию субъекта действия в этом типе цепочек выполняет именительный падеж, а творительный выступает в функции инструментального объекта. Например: 1) *Иоанъ же. . . оученикы своими рече емоу* Мт. XI. 2 (Зогр. 13). Здесь творительный выступает в чисто инструментальной функции, обозначая средство действия⁸; 2) в примере *помолахъ съа лицу твоелмоу въсѣмъ срѣемъ моимъ* Син. пс. CXVIII. 58 представлен творительный инструментальный образа действия⁹; 3) в случаях же *Изь же правъдож аваж съа лицу твоелмоу* Син. пс. XVII. 15 творительный выступает уже в чисто обстоятельной функции.

Цепочка типа ИДТ характерна также для глаголов с сильноуправляемым дательным, выступающим в значении адресата подчинения, напри-

⁸ «Творительный падеж в славянских языках», стр. 93 и след.

⁹ Там же, стр. 112.

мер: *ранами и смъртьми и мжками безмѣрными досаждаше имъ* Супр. 87-10.

Те же типы творительного могут быть представлены и в цепочках из **четырёх** звеньев ИВДТ при переходных глаголах, где имеется объект действия. Здесь может быть представлен: 1) творительный инструментального объекта: *сватъ кси боже иже божствомъ своимъ съюусти-вѣи оубогоуоумоу александроу помогъ съ небесе* Супр. 164-12, 13; 2) творительный инструментальный образа действия: *братъ... своимъ ржкамъ самъ тж оставшъ водъ пришедъшимъ к нему стран'ныимъ* Супр. 549-27 (здесь *своима ржкамъ* означает 'собственноручно'); 3) творительный в чисто обстоятельственной функции, например, образа действия: *дажди рабоу твоемоу съдравне волеж и благодѣтнж оца твоего нѣскнаго* Син. евр. 68. 7¹⁰.

Если в трехчленных цепочках типа ИДТ дательный воспринимающего объекта представлен главным образом в значении адресата сообщения, то в четырехчленных цепочках типа ИВДТ дательный выступает в значении адресата предоставления.

Нам остается рассмотреть объектные цепочки, в которых творительный падеж предшествует дательному, т. е. те синтаксические структуры с объектами, которые не учел в своем описании или не счел нужным выделить Ч. Баргула. Если располагать падежи в объектной цепочке по принципу относительной силы глагольного управления, то творительный в глагольной цепочке не всегда должен быть поставлен после дательного, т. е. наряду с цепочками V + dat. + instr., V + acc. + dat. + + instr. существуют цепочки V + instr. + dat. и V + acc. + instr. + dat. Их можно проиллюстрировать следующими примерами: *потрасъ имъ ржкож* Супр. 35-13, *единъ отъ воинъ коннемъ емоу рѣбра проведѣ* Ио. XIX 34. В первом примере дательный адресата *имъ* относится не непосредственно к глаголу *потрасти*, а к целому словосочетанию *потрасъ ржкож*, т. е. 'подал знак'. Именно это значение, появившееся благодаря наличию при глаголе творительного *ржкож*, делает возможным и необходимым появление дательного адресата. Таким образом, дательный связан с глаголом *потрасти* лишь путем опосредствованного управления, в то время как творительный орудия при этом глаголе не зависит от наличия дательного. Это и заставляет думать, что более логично представить синтаксическую структуру данного предложения в виде цепочки V + instr. + + dat., а не V + dat. + instr. Итак, при определении относительной силы управления следует считать, что более тесно связан с действием падеж, управляемый глаголом непосредственно, и менее тесно падеж, имеющий опосредствованное управление и относящийся к словосочетанию глагола с другим падежом, т. е. падеж, который появляется при глаголе только при наличии другого падежа, модифицирующего значение глагола в таком направлении, что тот становится способным управлять и вторым падежом.

Особенностью дательного падежа является то, что с одними глаголами он связан непосредственным управлением, а с другими — только опосредствованным. В последнем случае он может выступать только при наличии другого объекта, обозначенного винительным, родительным или творительным падежами, например: *кто ти естъ раздѣралъ котыгоу* Супр. 187-11; *не твори ми троуд* Сав. 67, Лук. XI. 7.

¹⁰ К. И. Х о д о в а. Значения творительного беспредложного в старославянском языке. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. XIX, 1960, стр. 146.

Формальным критерием различий непосредственного и опосредствованного управления может служить возможность или невозможность употребления дательного при соответствующем непереходном глаголе с частицей *са*. При непосредственном управлении глагол требует дательного адресата и при устранении первого объекта. Так, наряду с примерами и покажж вамъ мѣсто Супр. 145-22 и прѣда доухъ свои господоу Супр. 141-23, находим: не покажи са послѣжде инѣхъ владыцѣ понстинѣ Супр. 137-32; прѣда са воиноу пригвоздити са Супр. 141-2. В случаях опосредствованного управления устранить первый объект невозможно, так как именно он придает глаголу такое значение, которое обуславливает появление дательного адресата.

Особенностью слабоуправляемых падежей является их способность к так называемой двойной зависимости. Дательный с двойной зависимостью является характерной чертой как старославянского, так и современного болгарского языка. Это так называемый дательный адресата причинения, который обозначает владельца предмета, подвергаемого действию, например: оурѣза емоу оухо Сав. 96, Мт. XXVI. 51; начатъ оумыватинозѣ оученикомъ Сав. 93, Ио. XIII. 5. Этот дательный можно отнести как к глаголу (адресат причинения), так и к имени, выступающему в роли прямого объекта (дательный притяжательный). Дательный причинения, обладающий двойной зависимостью, встречается обычно при переходных глаголах действия, которые с творительным орудия связаны сильным управлением. Естественно, в такой цепочке падежей творительному орудия должно быть отведено место, более близкое к глаголу, чем дательному с двойной зависимостью. Поэтому цепочка падежей, соответствующая примеру **ЕДИН** отъ воинъ копиемъ емоу ребра проводе Ио. XIX. 34, должна быть представлена следующей структурой: V + acc. + instr. + dat.

Творительный орудия должен предшествовать дательному и в цепочках с дательным предназначения, который также является слабоуправляемым падежом, и с другими значениями так называемого «свободного дательного». Р. Мразек квалифицирует его как слабоуправляемый объектный падеж, относя к категории «свободного дательного», кроме дательного предназначения, также дательный этический и дательный симпатический¹¹. Б. Гавранек, в отличие от Р. Мразека, не считает эти функции объектными, замечая: «это — необъектные дативные функции, обычно квалифицируемые как „dativus commodi, incommodi, ethicus, sympathicus“ и объединяемые в категорию „свободного дательного“»¹². Таким образом, нет оснований считать свободный дательный падежом, более тесно связанным с глаголом, чем творительный инструментальный.

Ч. Баргула рассматривает дательный предназначения и дательный причинения как объектные значения, приводя такие примеры: как, и сънклнште тъ създа намъ Лук. VII. 6; иже сътвори бракъ съноу своему Мт. XXII. 2 (Mar., Acc.). Он определяет эти значения как дательный заинтересованного лица¹³.

Если обратиться к примерам, где в одну объектную цепочку входят дательный заинтересованного лица и творительный орудия или творительный объекта, то структуру этой цепочки, очевидно, правильной будет представить как V + instr. + dat. Например: и всади крстъ вѣрож цвѣтшть и жизниж всѣмъ снашштъ Супр. 352-19; кмоуже и по-

¹¹ Р. М р а з е к. Дательный падеж в старославянском языке. — В сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 240—242.

¹² Б. Г а в р а н е к. Залог (Genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плаце. — Там же, стр. 47.

¹³ C r. B a r t u l a. Ibid., s. 35.

дараахъ трѣбами не на оуспѣхъ нъ да не вѣде отъ него вѣда Супр. 35—26.

Не отражены в цепочках, приводимых Ч. Бартулой, также структуры, соответствующие примерам типа: *вса ми прѣдана сжтъ оцемь моимь* Сав. 135, Мрк. V. 27; и *вѣ емоу отъвѣщано дхомъ стымъ* Сав. 139, Лук. II. 26. Им приводятся лишь структуры типа $V_{\text{pass.}} + \text{instr.}$, которым соответствуют, в частности, примеры типа *гонимъ бываше вѣсомъ сквозъ поустыниж* Лук. VIII. 29, тако бо писано естъ пророкомъ Мт. II. 5. Структуры с дательным и творительным при страдательном глаголе также следует описывать цепочкой $V_{\text{pass.}} + \text{instr.} + \text{dat.}$, в которой творительный занимает более близкое к глаголу место, чем дательный адресата, поскольку им обозначается субъект действия.

Нетрудно заметить, что синтаксическая позиция падежа по отношению к глаголу зависит от значения, выражаемого падежом в данном контексте: творительный объекта или творительный субъекта теснее связан с действием, чем дательный адресата, а дательный заинтересованного лица (причинения, предназначения) менее тесно связан с действием, чем творительный инструментальный, и т. п. Однако как количество возможных при глаголе объектов, так и их характер (значение), а следовательно, и порядок их расположения в объектной цепочке (т. е. относительная сила управления) зависит от семантики глагола. Сила управления одним и тем же падежом у разных глаголов может быть различной: одни глаголы требуют дательного адресата, в то время как для других он может быть факультативен и, напротив, более необходим творительный орудия. Эти различия находят формальное выражение в порядке следования падежей в объектной цепочке.

Если синтаксическая позиция падежа в объектной цепочке зависит от глагольного управления, вряд ли правильно ее рассматривать как какой-то постоянный признак, о котором сигнализирует падежная форма, т. е. рассматривать падежи как знаки управления, как это делает К. И. Ходова¹⁴. Поэтому наши возражения, которые по отношению к работе Ч. Бартулы являлись частными уточнениями и дополнениями, по отношению к концепции К. И. Ходовой приобретают принципиальный характер.

Мы считаем, что вопрос об инвариантных значениях падежей не может быть решен на синтаксическом уровне, что значение падежа не может быть сведено к знаку глагольного управления, так как последнее определяется семантикой глагола, а не семантикой падежа¹⁵.

¹⁴ К. И. Х о д о в а. Система падежей старославянского языка, стр. 152.

¹⁵ Определение морфологических значений падежей см. в нашей статье, публикуемой в журнале «Вопросы языкознания», 1967, № 2.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Л. ТИТОВА

О НОВЫХ ФОРМАХ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В культурной жизни современной Чехословакии большое место занимает театр. И это закономерно, если учесть богатые традиции чешского театрального искусства, глубокую и органичную связь театра с общественной жизнью страны на протяжении всей ее истории.

Послевоенный чешский театр в своем развитии прошел несколько этапов. В первые послевоенные годы на театр традиционно смотрели как на одно из важнейших культурных учреждений преимущественно просветительски-воспитательного характера. Главным было стремление приблизить театральное искусство к широким трудящимся массам¹, сделать его доступным для них.

Революционные преобразования нашли свое отражение и в репертуаре театра. На сцену возвращаются чешские пьесы, запрещенные фашистами («Мать» К. Чапека, «Периферия» Я. Лангера и др.). Национальный пражский театр начинает свою деятельность 14 мая 1945 г. «Проданной невестой» Б. Сметаны — спектаклем для воинов Советской Армии и участников пражского восстания. Первые постановки Национального театра после освобождения (май — июль 1945 г.): «Фонарь» Ирасека; «Марিশа» Мрштиков; «Дочь поджигателя», «Воляничик из Страколиц», «Ян Гус» Тыла; «Наши гордецы» Строупежницкого; «Либуше» Сметаны — возвращают на сцену чешскую классику. С национальной традицией были связаны и некоторые новые пьесы, прежде всего комедия Я. Дрды «Игры с чертом» (написана в 1942 г., поставлена в 1945 г.).

В эти годы многие драматурги обращаются к политической и производственной тематике, к образу рабочего: «Хорошо жить» Блага (1947), «Мост на границе» Покорного, «Корчма на берегу» Э. Ф. Буриана (1948) и др. При этом стремление авторов к максимальной актуализации и, с другой стороны, новизна проблематики и недостаточный опыт драматургов в работе с ней нередко приводили к одностороннему, агитационно-репортажному решению темы.

Наряду с классическим репертуаром для театра этих лет (1948—1953) характерны драмы с тематикой революционных традиций чешского пролетариата: «Встанут новые бойцы» Запотоцкого в инсценировке Незвала (1949); «Сирена» Майеровой в инсценировке Э. Ф. Буриана (1950); «Духовский виадук» Цаха (1950) и др.

Постепенно меняется отношение театра к наследию межвоенного двадцатилетия. Ряд деятелей чешского театра, пришедших на его сцену еще до войны, например Э. Ф. Буриан — последний режиссер чешского авангардизма, возвращается в своей деятельности к традициям социалистического театра 20—30-х годов («Война» в Д-55), знакомя молодое поколение с одним из интереснейших этапов истории чешского театрального искусства.

Значительные успехи были сделаны чешскими режиссерами в постановках произведений зарубежной драматургии. К наиболее удачным опытам следует отнести:

¹ 28 VI 1945 г. был издан декрет о национализации театров; 27 VI 1945 г. — декрет о создании широкой театральной сети в республике (дополнение 18 VIII 1945).

«Ромео и Джульетта, или Сон одного заключенного» в постановке Буриана в Д-46, «Макбет» в постановке Гофбауэра в Пльзене в 1948 г., «Егор Булычев и другие» в постановке Достала в Национальном театре в 1946 г., «Достигаев и другие» в постановке Фрейки в Виноградском театре в 1948 г. и др.

С начала 50-х годов в драматургии начинает оживать сатирический жанр. В предшествующий период он был почти забыт (это привело к тому, что в 1949 г. был закрыт Театр сатиры). На сценах театров появляются первые пьесы, содержащие элемент сатиры: «Скандал в картинной галерее» Елинка (1953), «Что же делать?» Шафранка (1954) и др. В это же время Э. Ф. Буриан возобновляет постановку «Приключений бравого солдата Швейка» (1954). На пражскую сцену возвращается Ян Верих. Все это оживляет театральную жизнь страны, прокладывает новые пути для театра.

Следующий этап в развитии послевоенного чешского театра начинается с 1956 г. и продолжается до настоящего времени. Он тесно связан с теми изменениями, которые происходят в общественно-культурной жизни Чехословакии. После Второго съезда чехословацких писателей (1956 г.) театральная жизнь Чехословакии приобретает ряд новых характерных черт. Это период активных творческих исканий, новых тенденций. В драматургии заметно стремление к более активному вторжению в современность, к анализу общественных явлений, а также к раскрытию внутреннего мира человека.

Необычайно широкое развитие получают в это время такие серьезные «соперники» театра, как кино, радио, телевидение. Обладая неизмеримо более широкой аудиторией, они в какой-то степени освобождают театр от выполнения просветительской и воспитательной функций. В связи с этим некоторые театральные ансамбли специфически просветительского характера, как выполнившие свою историческую функцию, прекращают существование. Закрывается Сельский театр и ряд периферийных театров². Не случайно, что именно в это время в печати начинается активное обсуждение проблемы реорганизации густой театральной сети, структура которой уже устарела.

Возрастание требований, предъявляемых к театральному искусству, приводит, в свою очередь, к пересмотру многими театрами методов работы. Усиливается процесс дифференциации театров. Ансамбли начинают специализироваться для определенных групп населения. Задача создать «четкий профиль театра, который бы воздействовал на своих зрителей и способствовал художественному росту своего ансамбля»³, до сих пор является одной из важнейших проблем, стоящих перед современным чешским театром.

Со второй половины 50-х годов утверждается новая точка зрения на драму и ее отношение к действительности. Произведения таких авторов, как Фр. Грубин, Й. Тополь, П. Когоут, М. Кундера, Л. Кундера и др., явились достижениями послевоенной чешской драмы из современной жизни. Для драматургии этих лет показательна сатирическая тенденция. Характерным жанром становится жанр традиционной «бахорки» — сказки с тематикой современной жизни («Сказка с Кампы» О. Шафранка, «Третье желание». В. Блажека и др.). Сатирический характер носят произведения таких драматургов, как Л. Ашкенази, П. Карваш, В. Гавел и многих других авторов, в произведениях которых дана своеобразная метафорическая картина действительности. По мнению югославского критика и литературоведа М. И. Бандича, в чешской литературе и культуре особенно интересна «та сатирическая волна драматургии», которая началась «Владельцами ключей» М. Кундера и нашла дальнейшее продолжение в творчестве Гавла, Тополя и других авторов⁴.

Выражением определенной закономерности развития современного чешского театрального искусства явилось зарождение и широкое распространение так называемых «малых сцен» или театров малых форм, как их часто называют. На их возникновение и развитие оказала воздействие вся совокупность фактов и явлений современной об-

² В 1963 г. закрываются восемь чешских театров.

³ «Některé otázky dramaturgie a repertoáru našich divadel» — «Rudé právo», 1 XI 1964.

⁴ М. И. Б а н д и ч. 5 odpovědí pro L. N. — «Literární noviny», 1965, č. 23, s. 9

щественно-культурной жизни страны. Театры малых форм должны рассматриваться как один из результатов того бурного процесса экспериментирования, поисков новых форм, который характеризует современную культурную жизнь Чехословакии.

В значительной степени на развитие этих сцен оказала влияние тенденция к дифференциации театров, к созданию «авторских» ансамблей, объединенных единой точкой зрения на театральное искусство, а в связи с этим и ориентация театров на определенные группы населения. Программы малых сцен были рассчитаны прежде всего на молодежь, но очень скоро они привлекли и людей старшего поколения.

На профиль театров малых форм, безусловно, оказало воздействие сатирическое направление современной чешской драматургии. С другой стороны, именно малые сцены в настоящее время способствуют усилению сатирической тенденции в деятельности «больших» театров.

Жанровое своеобразие малых сцен связано с теми тенденциями, которые характеризуют современное чешское искусство. Речь идет о синтетическом характере ряда отраслей искусства, с одной стороны, и о тенденции к малым жанрам, с другой. Под знаменем синтетизма в настоящее время проходит новый этап в чешской кинематографии. Не говоря уже о «Латерна Магика», в традиционных формах кино все большее место завоевывают смежные, «побочные» жанры: музыка, балет, пантомима и т. д. («Вот идет кот» Ясного и Вериха, «Есть ли у вас дома лев?» Гобла, «Старик на уборке хмеля» Блажека и Рыхмана и т. д.). Эта же тенденция проявляется и в театре. В качестве примера, помимо таких, ставших уже классическими, театров, как «Семафор», «На забрадли» и др., можно назвать «Черный театр», сочетающий в своих программах музыкальное кабаре, балет, кукольный театр, живопись, театр эстрадной песни.

Что же касается тенденции к малым формам, то это явление было характерно прежде всего для литературы. В настоящее время этот гибкий жанр, позволяющий быстро откликнуться на животрепещущие вопросы времени, получил особое развитие в чешской театральной жизни. Правда, в отличие от литературы, где малые формы зачастую являются первой ступенью освоения материала писателем, подготовительным этапом создания монументального произведения, в театральной жизни это самостоятельный, обусловленный своей спецификой жанр.

Известное влияние на развитие чешских малых сцен оказал, безусловно, театральный опыт других европейских стран. В настоящее время театры малых жанров играют большую роль в культурной жизни Польши, Австрии, Югославии и других стран, что позволяет говорить об определенной тенденции в развитии современного театрального искусства. Самое непосредственное влияние на развитие чешских малых сцен оказали гастроли польских коллективов «Сирены» и «Вагабунды» в 1955—1956 гг.

Однако «увлечение модой» отнюдь не единственная причина широкой популярности театров малых форм в современной Чехословакии. Это не новое явление в культурной жизни страны. Оно имеет свою историю и традицию. Малые сцены «не могли вырасти без тесной связи с художественными тенденциями XX века, а следовательно, без сознания традиции»⁵. Истоки их можно видеть уже в любительских сценах периода национального Возрождения, а также в типичных для Сословного театра 20—30-х годов XIX в. «quodlibetch» — смеси песен, танцев, сольных выступлений, для которых Я. Н. Штепанек, В. К. Клицпера и Й. К. Тыл писали свои одноактные пьесы-комедии. Их традиция продолжалась в течение всего XIX столетия.

В 20-е годы действовали творческие объединения, где собирались представители прогрессивной чешской театральной культуры и где они получили возможность на практике осуществить свои планы: «Семерка червей» («.ervená sedma» 1918—1922) — литературное кабаре с сатирической программой, в котором сотрудничали выдающиеся писатели, композиторы и актеры во главе с И. Червепом; «Революционная сцена» (1920), где был поставлен Э. А. Лонгеном — актером, режиссером и художником — ряд произведений чешской классической и современной драматургии.

⁵ J. S u c h ý. «Kulturní tvorba», 1964, č. 32, s. 6.

«Живые газеты», «Синие блузы» и другие коллективы продолжили во второй половине 20-х годов традиции этих сцен. Велико было влияние «Освобожденного театра» и Д-34 Бурiana. Сами создатели современных малых сцен высоко оценивают деятельность своих предшественников. «Хотя мы и не могли видеть „Вестпокетревию“, — пишут Сухий и Шлитр, — для нас эта постановка означала больше, чем десятки тех, которые мы видели. Мы глубоко уважаем театр, который способен воздействовать не только на своих зрителей, но и на тех, кто в нем никогда не был»⁶. Кроме того, Сухий и Шлитр ссылаются на ряд зарубежных авторов, в первую очередь, на творчество немецкого поэта Х. Моргенштерна, однако, отмечают они, «целью театра... всегда будет творческое осмысление традиций и создание своего собственного стиля»⁷.

Зарождение театров малых форм относится ко второй половине 50-х годов. В 1957 г. возникает «Рококо», в 1959 г. — «Семафор», «Вечерни Брно», «Параван», в 1960 г. — «Черный театр». В эти же годы родилось большое количество любительских ансамблей, во главе которых встали молодые прозаики, певцы, художники, актеры, большей частью любители. К 1964 г. таких сцен в одной Праге было свыше пятидесяти⁸.

Ряд этих сцен возник на собраниях молодежи в пражском кафе «Редута». Среди его постоянных посетителей, собиравшихся петь, танцевать, читать стихи, был Иржи Сухий, часто исполнявший под аккомпанемент Иржи Шлитра свои песни, и Иван Вискочил, читавший собравшимся свои повести. Они и явились инициаторами создания нового театра «На забрадли». 9 декабря 1958 г. пражане могли увидеть его первый спектакль «Если бы тысяча кларнетов...» Сухого и Вискочила. Начиная со следующей премьеры — музыкальной комедии «Человек с чердака», которую Сухий пишет вместе со Шлитром, их пьесы идут в новом театре, получившем название «Семафор».

Первоначально его коллектив стремился использовать семь малых форм (отсюда и название театра): музыкальную комедию, изобразительный театр, детское кабаре театр поэзии, концерт, экспериментальный фильм и выставки художников в фойе театра. Наиболее успешным оказался для театра жанр музыкальной комедии, осуществленной в двух первых спектаклях: «Человек с чердака» и «Такая потеря крови». Несколько успешных премьер — «Шесть женщин» (1962), «Йонаш и тингл-тангл» (1962); концерты эстрадных песен — «Зузана одна дома» (1960), «Зузана опять одна дома» (1961), «Зузана, которой ни для кого нет дома» (1963) и др. — принесли театру признание публики⁹.

Вторым по популярности пражским театром малых жанров стал театр «На забрадли» во главе с И. Вискочилом. Уже в своих первых философско-психологических пьесах он создал образ своеобразного человека — моралиста, комментатора событий. Этот человек и стал главным героем ряда постановок театра: «Печальное рождество» (1960), «Автостоп» (1961). Больших успехов добился театр в постановке произведений зарубежных драматургов: «Герои в Фивах не живут» К. Губалека (1962), «Король Убу» Джерри (1964). Место этого театра определяется сейчас постановками современных чешских пьес («Торжество в парке» В. Гавла) и «классических» пьес «абсурдного театра» (Ионеско).

Театр «На забрадли» включил в себя несколько ансамблей: труппу пантомимы Л. Фялки, «Черный театр» со своими двумя коллективами — Й. Срнце и Ламковых.

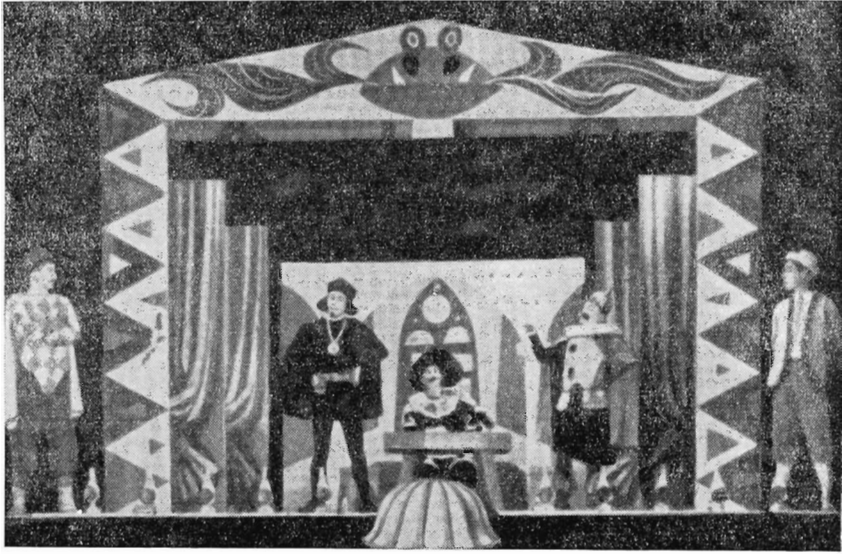
Одним из наиболее интересных театров является «Вечерни Брно». Первые его программы представляли собой монтаж отдельных сцен, соединенных свободно, чаще всего музыкальными номерами. Начиная с премьеры «Клопа» Маяковского (1962), театр начал ориентироваться на классическую драму и сатирические произведения (часто в жанре сказки) «своих» авторов. Ряд последних постановок («Гамлет IV, или Цирк Эльснор» Фукса, 1962; «Дракон есть дракон» Скалы, Фукса и Пантучки, 1962;

⁶ J. S u c h ý, J. Š l i t r. «Mladý svět», 1962, č. 16.

⁷ J. Š l i t r. «Kulturní tvorba», 1964, č. 41, s. 6.

⁸ I. K l i m e š. Vtip, píseň a gesto malých pražských divadel. V kn. «Kniha o Praze», Praha, 1962, s. 233.

⁹ В. 1963 г. театр получил приз Праги.

*Сцена заседания городской рады в пьесе «Дракон есть дракон»
(«Вечерни Брно»)*

«Король Вавра» Уде, 1964) завоевали коллективу «Вечерни Брно» славу «наиболее политического» сатирического малого театра.

В состав малых театров входят такие сцены, как «Параван» со своими музыкальными программами, «Рококо», поставивший уже несколько «Рококококтейлей», а так же «театры поэзии», которые сейчас широко развиваются параллельно с малыми сценами. В настоящее время их можно найти во многих городах Чехословакии: в Праге это «Парадокс», «Протон», в Пльзене «Альфа», в Кладно «Кво вадис», в Остраве «Штафле», «Под окапом», в Братиславе «Театр поэзии» и т. д. Программы этих театров, как правило, представляют собой монтаж произведений одного или более авторов, причем выбор произведений и их последовательность подчинены ведущей идее, мысли режиссера, которая определяет не только драматургию монтажа, но и выбор сценических средств. По своим целям эти сцены родственны малым театрам. Характерно, что почти все малые театры начинали свою деятельность как театры поэзии.

За истекшие годы театры малых форм выработали свой собственный стиль. Все они различны по своей специфике, по характеру репертуара, по степени профессиональности. Некоторые из них ближе к традиционному пониманию театра («Семафор», «Вечерни Брно»). Иной характер имеют такие сцены, как «Параван», «Рококо» и др. Их программы, как правило, состоят из ряда отдельных номеров (песен, стихов, диалогов), исполняемых профессионалами или любителями. Популярность этих «сцен» зачастую вызвана отдельными талантливыми авторами и исполнителями (В. Матушка и диалоги Шашека и Востршеда в «Рококококтейлях», тексты Пицка в «Параване»).

Однако есть и общие черты. Малые сцены представляют собой в большинстве случаев «авторские» коллективы и ставят (особенно в первые годы своей деятельности) произведения «своих» авторов, причем эти произведения тесно связаны с направлением, стилем, актерскими и техническими возможностями этих театров.

Чешские театры малых форм объединяются определенной жанровой спецификой. Синтез нескольких видов искусства, взаимное переплетение их рождает новый жанр, позволяющий максимально активизировать эстетическое восприятие зрителей. Музыка, поэзия, живопись, хореография, режиссерский замысел представляют здесь

нерасторжимое целое. Малые сцены отступили от традиционной драматургии; ближе всего в жанровом отношении они стоят к традиции кабаре и реву¹⁰.

Одна из ярких черт этих сцен — умелое и творческое использование сатиры, юмора, гротеска, карикатуры, наиболее эффективных форм критики.

Заслугой театров малых форм является возрождение песни, неразрывно связанной со спектаклем, помогающей эмоционально выразить идеи автора, ставшей одной из органических частей программы. Для песен Сухого и Шлитра характерна их тесная связь с танцевальной музыкой.

Творческое ядро театров малых форм не составляют, как правило, профессиональные режиссеры и постановщики. Поэтому одна из острых проблем этого театра сейчас — проблема профессионализма.

Все это позволяет говорить о том, что малые сцены — не театры в традиционном смысле слова. В них сильны элементы антитеатра, антидрамы¹¹. Часто они имеют характер клубов, творческих объединений, где собирается молодежь и художники старшего поколения. В полемике, развернутой чешской критикой вокруг таких спектаклей «Семафора», как «Зузана одна дома», «Йонаш и тингл-тангл», появился термин «театр песенок». Это неточный термин, поскольку в поэтику этих сцен помимо песен входит целый ряд других элементов. «„Семафор“, — пишет Сухий, — это особая, специфическая театральная сцена, я бы сказал, нетеатральная сцена. Я никогда не был против профессионализма, но для „Семафора“ я требую профессиональности работы, а не актеров-профессионалов, так как они воспитаны для другого типа театра»¹².

Репертуар театров малых форм преимущественно современный. Они стремятся знакомить массы с большими социальными проблемами, стоящими перед народом, активизировать сознание зрителей, вовлечь их в сферу сценического действия. Отсюда характерная для них форма театра-беседы, непосредственного диалога со зрителем. Недаром создатели «Семафора» мечтают о камерном неофициальном театре, «где два-три актера играют и поют весь вечер. В тесном, интимном контакте со зрителем»¹³. Это обуславливает аналитический характер малых сцен. Их камерность становится исходным пунктом, на нем основан принцип их работы.

Термин «малый театр» включает в себя много понятий: размер зала и ансамбля, определенный репертуар, сценический стиль, т. е. мы видим здесь проявление определенных тенденций театрального искусства. Это синтетический театр, это «театр трансформации», это «театр идей», репертуар которого направлен на разрешение живых и злободневных проблем современности.

Своеобразие чешских малых театров заключается в том, что они играют преимущественно оригинальный, «свой» репертуар, в то время как в ряде зарубежных (например, венских) театров малых форм ставится обычный репертуар «больших» театров. Актуальность этого репертуара, элемент комики и карикатуры, «авторский» характер — все это говорит о самостоятельности и национальной специфике чешских театров малых форм.

Десятилетие, истекшее со времени зарождения театров малых форм, убедительно доказало насущность, жизненность и перспективность этого нового направления в современном сценическом искусстве Чехословакии.

¹⁰ В этом отношении характерно высказывание режиссера театра «Вечерни Брно» Э. Соколовского: «Никогда, — пишет он, — сатирический театр „Вечерни Брно“ не откажется от своего характера кабаре, так как он является сущностью этого театра, его живым организмом, его азбукой, основным средством его художественного выражения... Кабаре для нас не самоцель, а средство для выражения своей точки зрения на мир, каким он нам представляется» (E. S o k o l o v s k ý. «Kabaret Večerní Brno», Praha, 1965, s. 31, 32).

¹¹ Ряд критиков называют их «чешским вариантом антитеатра» (J. V o s t r ý. Jonaš a souvislosti. — «Divadlo», 1963, č. 7, s. 24).

¹² J. S u c h ý. «Kulturní tvorba», 1964, č. 32, s. 6.

¹³ J. S l i t r. «Zlatý máj», 1962, č. 6—7.

Л. С. КИШКИН

О ЧЕМ НАПОМНИЛА СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Перед нами старая фотография, сделанная почти 70 лет назад. На ней изображены Л. Н. Толстой, слева от него — Н. Н. Ге (сын известного художника), справа от писателя стоит В. Г. Чертков, П. И. Бирюков, И. Е. Решин, Владимир Кривош, сидят справа налево И. И. Горбунов-Посадов, Альберт Шкарван, О. К. Дитерикс (сестра жены Черткова, впоследствии бывшая замужем за А. Л. Толстым), А. К. Черткова, М. К. Дитерикс (сестра Чертковой).

Снимок относится к началу 1897 г., когда Толстой на несколько дней (7—12 февраля) приезжал в Петербург проститься с Чертковым и Бирюковым, которым предстояла ссылка или вынужденный выезд за границу.

Часто посещавшая в то время дом Чертковых писательница В. Микулич (Л. И. Веселитинская) вспоминает о тех днях: «Лев Николаевич сам приехал в Петербург, кто говорил проститься с Чертковым, кто говорил похлопотать о его помиловании. В день его приезда у Чертковых собралось еще больше гостей. Две большие комнаты были полны людей. Общество само собой кристаллизовалось. Сливки были в первой комнате, а что попроще во второй. Там собрались мужички сектанты, женщины в платочках, двое рабочих с Обуховского завода, дворник, который не крестил 3-х детей и всем об этом рассказывал»¹.

По-видимому, именно тогда и была сделана фотография, на которой, как можно думать, запечатлены те, кто находился в «первой комнате». Впервые по приезде в Петербург Толстой посетил Черткова 7 февраля. Как следует из полицейского «Дневника наблюдений за писателем графом Львом Николаевичем Толстым», одет он был в тот день именно так, как видим на снимке. «Граф Толстой,— говорится в этом „Дневнике“,— был одет в некрытый дубленый с несколькими заплатами полушубок, подпоясанный серым кушаком, в брюках темного цвета на выпуск, на голове вязаная темно-серая круглая шапочка и с палкой в руках»².

Судя по фону (типичный для Петербурга решетчатый дровяной сарай), фотографировались во дворе у Чертковых. О том, кто был инициатором и автором снимка, говорит специальная печать на его обороте: «Фотограф-любитель Кривош».

Присутствие в доме Чертковых Бирюкова, Репина, Горбунова-Посадова, Ге, сестер Дитерикс естественно и не требует пояснений. Но как там оказались словаки Альберт Шкарван и Владимир Кривош? Об этом стоит вспомнить.

Альберт Шкарван (1869—1926) близкий товарищ личного врача Толстого — Душана Маковицкого. Оба они вошли в историю словацкой культурной жизни как горячие поборники Толстого, активные популяризаторы его философских и художественных сочинений. Идеями Толстого Шкарван начал увлекаться еще в студенческие годы. После окончания медицинского факультета Инсбрукского университета он вернулся в Словакию, где работал несколько лет врачом. Решительный перелом во взглядах Шкарвана произошел во время вторичного отбывания воинской повинности.

¹ В. М и к у л и ч. Тени прошлого. СПб., 1914, стр. 151.

² «Толстой. Памятники творчества и жизни», кн. 4. М., 1923, стр. 190—191.

6 ноября 1895 г., за шесть недель до окончания срока службы, он публично отказался от выполнения обязанностей военного врача, поскольку пребывание в армии было несовместимо с его нравственными убеждениями. Его судили и подвергли тюремному заключению. Это событие привлекло внимание широкой прессы. В 1896 г. после освобождения Шкарвану удалось получить заграничный паспорт и выехать в Россию, куда его пригласили последователи учения Толстого. Деньги на дорогу ему послал В. Г. Чертков, к нему он и приехал. В России Шкарван сблизился с людьми, окружавшими Толстого, познакомился с самим писателем, гостил у него в Ясной Поляне и Хамовниках. Получив в России известие, обязывающее его дослужить в австро-венгерской армии оставшиеся шесть недель, Шкарван решил эмигрировать. 13 февраля 1897 г. он вместе с Чертковым выехал в Англию, где жил у него до 1898 г. Не удивительно поэтому, что он присутствовал на прощальных встречах Черткова с Толстым. Толстой был очень внимателен к Шкарвану, своему словацкому последователю, одним из первых решившемуся на отказ от военной службы. В какой-то мере об этом говорит и маленькая зарисовка, сделанная В. Микулич. Она пишет об одном из своих визитов к Чертковым, когда там был Толстой: «Недалеко от нас у окна стояли Бирюков, Меньшиков и Шкарван, молодой врач-словак, отказавшийся от воинской повинности. Ласково поговорив с ним, Лев Николаевич подошел к нам и, пожавши нам руку, сказал как бы про себя: „И какие все люди. Какие люди!“»³.

В Англии Шкарван закончил начатую еще в тюрьме книгу «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», которая была издана Чертковым на русском языке в 1898 г. и высоко оценена Толстым.

В дальнейшем Шкарван разошелся с Чертковым и до 1910 г. жил в Швейцарии, продолжая оставаться поклонником Толстого, переводчиком его произведений на разные языки. Ему, в частности, принадлежит первый словацкий перевод «Воскресения» (1899), являющийся одним из первых переводов этого произведения на иностранные языки вообще. В 1910 г. Шкарван возвратился в Словакию, где занимался врачебной практикой и литературным трудом. О деятельности Шкарвана как словацкого

³ В. М и к у л и ч. Тени прошлого, стр. 135.

толстовца и его взаимоотношениях с Толстым имеется довольно большая литература ⁴.

Любопытна в своем роде и биография Кривоша, словака, который не был тесно связан с толстовцами и скорее всего оказался у Чертковых как земляк Шкарвана.

Владимир Кривош родился в Липтовском Микулаше в 1865 г. В середине 80-х годов, после окончания Дипломатической академии в Вене, переехал в Россию, где окончил восточный факультет Петербургского университета и принял русское подданство. После университета он работал в иностранной цензуре газет и журналов петербургского почтамта. Потом увлекся стенографией и стал одним из ее основателей в России: издавал руководства, заведовал стенографическим бюро в Государственной думе, преподавал этот предмет в Технологическом институте. Кроме того, Кривош преподавал языки и вел переводческую работу. Он знал около двадцати языков. Некоторое время Кривош был библиотекарем в Зимнем дворце. Во время первой мировой войны он выполнял обязанности переводчика в штабах Русского и Брусилова. В 1915 г., как выходца из Австро-Венгрии, его выслали в Иркутскую губернию, где он принял участие в подготовке учреждения Иркутского университета. После октября 1917 года Кривош работал переводчиком в Наркомате иностранных дел. Вторую половину 20-х годов он провел на Севере. Вернувшись в Москву, Кривош снова вел переводческую работу и преподавал языки, в конце 30-х годов вышел на пенсию. Умер он в 1942 г. в Уфе, в эвакуации. В свое время Кривош способствовал популяризации словацкой и чешской литературы в России, особенно в 1890—1900-е годы. Им, в частности, была переведена на русский язык поэма Гурбана-Ваянского «Ирод» (1892). Он переведил Коллара, С. Халупку, словацкие песни.

Мы не располагаем данными о характере взаимоотношений между Кривошем и Шкарваном во время пребывания последнего в России. Очевидно, они были дружескими, иначе трудно было бы объяснить тот факт, что они оказались вместе у Чертковых в феврале 1897 г. Можно думать, что и к толстовцам Кривош относился вначале если не положительно, то во всяком случае терпимо. В противном случае зачем было ему фотографироваться среди них? Однако, как свидетельствует написанная Кривошем пьеса «Толстовец» (1906), впоследствии он относился к толстовству весьма критически.

Прототипами ряда персонажей этой пьесы суждено было стать некоторым из тех лиц, с кем снялся Кривош в 1897 г. В главном герое драмы Андрее Скриване без труда угадывается Альберт Шкарван, в Георгии Михайловиче Сверчкове (толстоцве, эмигранте) — Чертков, а Марии Федоровне Сверчковой — Черткова, в Нине Федоровне Де-Рикс — сестра Чертковой О. К. Фридерикс. О том, что это именно так, говорит не только созвучие фамилий, но и содержание пьесы.

Драма «Толстовец» не отличается особыми художественными и сценическими достоинствами. Но она интересна как литературный документ времени. Первые три действия происходят в Австро-Венгрии. В диалогической форме в них излагается история отказа военного врача-толстовца Скривана (Шкарвана) от военной службы. При написании их Кривош довольно точно, вплоть до деталей, придерживается вышедших в Англии «Записок военного врача». В первом действии Скриван беседует с товарищами по службе, офицерами Фараем, Горским, Бауэром и Мудроном, фамилии которых характеризуют состав австро-венгерской армии. Они отговаривают Скривана от необдуманного поступка, отказа дослужить положенный срок. Но он непоколебим в своем решении. Во втором действии Скривана посещают в сумасшедшем доме (куда его направили на медицинское освидетельствование) отверженная им невеста и ее мать. Они предлагают ему одуматься, но тщетно. Третье действие происходит в тюрьме. К Скривану

⁴ К числу последних работ принадлежат статья А. Мраза «Словацкий толстоцвец Альберт Шкарван» (в кн. *A m g á z. Z ruskej literatúry a jej ohlasov u slovákov*. Bratislava, 1960), К. Мичатковой «Литературная деятельность последователя Толстого Альберта Шкарвана» (в кн. *Z ohlsov L. N. Tolstého na Slovensku*. Slovenske štúdie, IV. Bratislava, 1960), а также вступительная статья и комментарии П. Г. Богатырева к публикации дневников и воспоминаний Шкарвана (в кн. «Литературное наследство. Толстой и зарубежный мир», кн. 2. М., 1965).

на тайное свидание приходит мать. Ее просьба подумать о ней, старой и бедной женщине, также не изменяет решения Скривана оставить военную службу.

Главная идея пьесы, осуждение толстовства, получила свое раскрытие в четвертом и пятом действиях, где гораздо больше вымысла, чем в предыдущих.

Четвертое действие происходит в Англии в доме русского эмигранта-толстовца Сверчкова, к которому Скриван приехал после освобождения из тюрьмы. В нем с проной обрисован образ жизни Сверчковых. У них едят простую кашу на столе без скатерти, из глиняных тарелок, деревянными ложками. Однако накрывает стол и убирает с него не сама хозяйка, а прислуга Аннушка⁵. Зло высмеивается в драме живущая у Сверчковых экзальтированная барышня-толстовка княжна Копашидзе.

Находясь у Сверчковых, Скриван влюбляется в красивую духоборку Ковригину, что стало причиной его ссоры со Сверчковым.

Пятое действие происходит в Швейцарии, куда Скриван уехал с Ковригиной. Они бедствуют. Ковригина ждет ребенка. Скриван тяжело болен туберкулезом. К нему приезжает из Словакии его друг, врач Душан Ковецкий (читай Маковицкий); в своей исповеди ему, перед смертью Скриван отрывается от толстовства и осуждает свое прошлое.

О том, какую эволюцию претерпевает герой пьесы Скриван, позволяют судить два его высказывания. В беседе с матерью в тюрьме он говорит: «Цель моя не в том, чтобы приносить пользу людям, я поступил так, а не иначе потому, что должен был так поступить, потому что так мне велел мой бог»⁶. А в своей предсмертной исповеди Скриван заявляет: «В то время, когда я увлекался толстовскими идеями, я часто говорил, что внутри нас есть бог, т. е. наша совесть... Я воображал, что поступаю хорошо, по-христиански, когда отказывался носить оружие и служить военным. Между тем своим отказом я сделал столько зла, причинил многим людям столько горя, что самый отвязленный разбойник пешка в сравнении со мной. А моя совесть, мой бог внутри меня, молчал, когда мой заблудившийся ум, мой безграничный эгоизм подсказывали мне все эти гадости, все эти преступления»⁷.

Решительно осудив в своей драме толстовство и эмигрантов-толстовцев, Кривош попутно вскользь подверг критике и русских политических эмигрантов, явно путая их с теми, кого в XIX веке называли западниками, и упрекая их в недостатке патриотизма. Однако это не помешало ему устами Ковригиной охарактеризовать социалистов Бачевича и Личкину как хороших добрых людей, которые были бы «рады помочь Скривану, «да сами с хлеба на квас перебиваются».

Критика и осуждение толстовства в пьесе «Толстовец» не затрагивали личности самого Толстого. К нему, как можно думать, Кривош относился с большим уважением. Об этом позволяет говорить одна из реплик Скривана в пьесе: «Вы сами,— говорит он Сверчкову во время ссоры с ним,— вместо служения богу и распространения христианских истин, занимаетесь печатанием никому не интересных памфлетов и никому не нужных сплетен, злоупотребляя при этом именем великого Толстого, наряду с гениальными произведениями которого вы еперемежку печатаете всякий мусор, свой и чужой»⁸.

По свидетельству сына Кривоша, Романа Владимировича, его отец хранил фотографию с Толстым, как дорогую реликвию.

На этой фотографии оказались два словака, по-разному смотревшие на толстовство и по-разному ценившие русского писателя, что в какой-то степени соответствовало двум линиям отношения к Толстому и толстовству в Словакии на рубеже веков⁹. Одни словацкие читатели видели в Толстом прежде всего философа, другие — великого художника.

⁵ Между прочим, Чертковы действительно взяли с собой в Англию прислугу, которую звали Аннушка.

⁶ В. К р и в о ш. Толстовец. Драма в пяти действиях. СПб., 1906, стр. 63.

⁷ Там же, стр. 133—134.

⁸ Там же, стр. 110. (Курсив наш.— Л. К.)

⁹ См. об этом статью П. Петруса «Словацкая публицистика до образования Чехословакии и творчество Л. Н. Толстого» (в кн. «Z. ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku»).

И. Д. ОЧАК

АВТОБИОГРАФИЯ ЮГОСЛАВСКОГО КОММУНИСТА ВЛАДИМИРА ЧОПИЧА

В 1966 г. исполнилось 75 лет со дня рождения одного из основателей Коммунистической партии Югославии и деятеля международного коммунистического движения Владимира Чопича.

Жизнь и деятельность В. И. Чопича еще мало изучены¹. В связи с этим публикуемый документ — «Автобиография» Чопича — представляет большой научный интерес. Написана «Автобиография» 24 декабря 1929 года.

Дальнейшая судьба Чопича сложилась следующим образом: по заданию Коминтерна в 1930—1931 гг. он работал в качестве инструктора орготдела ИККИ в Чехословацкой компартии в Праге под кличкой «Георгий»². В 1934 г. по решению ЦК КПЮ В. Чопич представлял КПЮ в Коминтерне. В 1937 г. он сражался в Испании, где командовал XV Интернациональной бригадой им. Линкольна. В 1939 г. Владимир Чопич стал жертвой необоснованных репрессий³.

Настоящий документ воспроизводится по оригиналу без орфографических изменений с примечаниями автора публикации.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1891 г. в гор. Сень (Хорватия). Отец был кустарем, мать работницей и домашней хозяйкой. Детство и молодость проводил в тяжелых условиях. Благодаря тому обстоятельству, что еще в народной школе получил стипендий, проходил гимназий и университет (юридический факультет), который окончил в 1914 г. (последних экзаменов не сдавал из-за войны). На ряду с учебой занимался физическим трудом (помогал родителям в их ремесле, работал каменщиком, по сельском хозяйству и т. д.). В бытность свою студентом университета зарабатывал себе существование также работой в Канцеляриях (в статистическом бюро, у нотариуса). В студенческие годы примыкал к движению «Молодая Хорватия»⁴, которое ставило себе задачей борьбу за освобождение и объединение Хорватов (объективно это движение являлось орудием в руках конзервативной австрофильской «хорватской партии прав») ⁵. В связи с по-

¹ О Чопиче написано несколько газетных статей. Первой попыткой научной биографии В. Чопича является небольшая статья хорватского историка М. Урадина «К биографии Владимира Чопича» (M. Uradin. Prilog za biografiju Vladimira Čopića. — «Senjski zbornik», god. I, Gradski muzej. Senj, 1965. Эта же статья опубликована в журнале «Putovi revolucije», Zagreb, 1965, № 6.

² Одна из нескольких партийных кличек В. Чопича.

³ См. Enciklopedija Jugoslavije sv. 2, s. 611.

⁴ Здесь и далее подчеркнуто в оригинале. «Молодая Хорватия» — националистическая организация хорватских студентов.

⁵ Хорватская партия права оформилась в 1860 г. Перед первой мировой войной раскололась на шовинистическую, проавстрийскую партию «франковцев» и на «Партию права», стоявшую на позициях создания югославянского государства.

кушением на Комиссара Цувай⁶ (королевский наместник в Хорватии) в 1912 г. первый раз арестовывался и за неимением улик через несколько дней освобожден. В начале мировой войны был сторонником этой, считая, что в результате войны положение хорватов улучшится. Несмотря на это жандармы провели у меня в квартире обыск, т. к. в мои студенческие годы власти смотрели на меня как на «неблагонадежного элемента». Ареста избежал, благодаря тому, что за день до обыска уехал на военную службу.

Пребывание в Праге, где я в начале войны служил в армии — поскольку там австрофобские настроения были очень сильны — влияло на меня в том смысле, что я все больше убеждался, что хорватам нечего ждать ни от Австрии, ни от этой войны. В армии я был кадетт-аспирантом (что-то вроде прапорщика запаса). Когда я — в начале 1915 г. — попал на фронт (австро-русский), я почувствовал отвращение к резне и солдатам моего взвода во время нашего пребывания на фронте ни разу не разрешал открывать стрельбу. Через 2 недели вместе с совсем взводом был взят в плен⁷. В 1916 г. вступил в сербский добровольческий отряд в Одессе⁸, который по замыслам русско-англо-французского империализма должен был — эксплуатируя антиавстрийские настроения военнопленных южных славян — доставлять пушечное мясо для Антанты. Я репился вступить в отряд в связи с оккупацией Сербии и зверствами чинимыми там австрийскими и германскими властями. Однако, скоро я убедился, что сербские милитаристы не лучше австрийских и вследствие отказа принести присягу сербскому королю Петру (я тогда предлагал «югославскому») меня, опять таки как «неблагонадежного», после двух месяцев выбросили из отряда и в мае 1916 г. послали обратно в плен (сначала угрожали расстрелом, надеясь сломить мое сопротивление).

Благодаря всему тому, что я пережил в двух империалистических лагерях (Австрия — Россия), мне не трудно было освободиться иллюзии на счет освобождения и объединения хорватов при помощи какой бы то ни было империалистической силы и, когда я в плену узнал о той оценке войны и лозунгах, которые выдвинула РСДРП(б), то они для меня стали сразу понятными, т. к. правильность этой оценки и лозунгов я мог проверить на собственном опыте.

Сейчас же после октябрьской революции начал выступать среди военнопленных за поддержку советской власти и вести борьбу против чехословацких повинистов (т. к. в лагере, где я — Бобров, Воронежской губ. — они развернули очень большую работу против советской власти и за вступление в легионы).

В начале 1918 г. приехал в Москву и вступил (в апреле или мае) в партию⁹. В Москве существовала тогда югославская коммунистическая группа, являющаяся составной частью Федерации иностранных Коммунистических групп и РКП (б). Вскоре после вступления в группу был выбран секретарем, а затем председателем группы. Работа группы заключалась в распространении большевистских идей среди военнопленных, вербовке военнопленных в Красную армию и дезорганизации империалистических армий.

В ноябре 1918 г. был командирован партией на работу в Югославию. В январе 1919 г. был арестован из-за деятельности в Москве и просидел около 1 месяца. В апреле был делегатом на съезде партии, которая переименовалась в Социалистическую Рабочую Партию (Коммунистов) и присоединилась к III Интернационалу. Выбран в Ц. К. партии и в Политбюро. В мае 1919 г. вновь арестован и просидел в военной тюрьме до апреля 1920 г. В июне 1920 г. был делегатом на съезде в Вуковаре, на котором партия переименовалась в Коммунистическую. Опять вошел в Ц. К. и в Политбюро.¹⁰ В декабре 1920 г. выбран депутатом в Учредительное Собрание. В том же ме-

⁶ Цувай, Славко (1851—1931) — хорватский бан. 4 IV 1912, после роспуска хорватского Сабора (парламента), был назначен австро-венгерским правительственным комиссаром в Хорватии. Проводимая им политика денационализации вызвала сопротивление в Хорватии. Члены молодежной организации дважды покушались на него (7 IV и 3 X 1912 г.). В декабре 1912 г. Цувай вынужден был уйти в отставку.

⁷ В. Чопич попал в плен в апреле 1915 г. и был отправлен в лагерь военнопленных в станцию Шмитовскую Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (см. Центральный Государственный военно-исторический архив — ЦГВИА, ф. 200, оп. V, д. 8, л. 158).

⁸ В 1915 г. в Одессе началось формирование добровольческих частей из югославянских военнопленных (сербов, хорватов и словенцев). В начале 1916 г. была создана Первая сербская добровольческая дивизия. (См. «Югословенски добровольчачки корпус у Русији», 1914—1918. Београд, 1954).

⁹ В. Чопич вступил в Югославянскую коммунистическую группу РКП (б) в мае 1918 г. в Москве.

¹⁰ В апреле 1919 г. на I съезде в Белграде была организована Социалистическая Рабочая Партия Югославии (коммунистов). На II съезде, в июне 1920 г., СРПЮ (к) была переименована в Коммунистическую партию Югославии.

сяце партия была загнана в подполье. В связи с преследованием против Ц. К. партии в июле 1921 г. выдан суду и судился вместе с остальными членами Ц. К. на 2 года тюрьмы. В сентябре 1923 г. вышел из тюрьмы и опять поступил на партийную работу. На партийной конференции в январе 1924 г. снова выбран в Ц. К. и в Политбюро. После конференции назначен областным секретарем партии в Хорватии и редактором партийного органа там же.¹¹ Был делегатом партии на V Конгрессе Коминтерна¹². В декабре 1924 г. в связи с походом правительства против Компартии и хорватской республиканской Крестьянской партии¹³ был снова арестован и на процессе в мае 1925 г. приговорен к 3 1/2 лет каторги. Попав в больницу бежал — с разрешения Ц. К. — и приехал в СССР в сентябре 1925 г. В общем итоге просидел в тюрьме около 3 1/2 лет. В Москве работал с начала в орготделе ИККИ, откуда в апреле 1926 г. поступил в Международную Ленинскую Школу.

Москва, 24 декабря 1929 г. В. Сенько¹⁴

¹¹ С февраля 1924 г. он редактировал орган КПЮ газету «Борба».

¹² В июне — июле 1924 г. в Москве происходил V Конгресс Коминтерна. Сохранилась фотография митинга на одном из московских заводов, на которой изображен вместе с Г. Димитровым и В. Чопич.

¹³ Хорватская республиканская крестьянская партия была самой крупной крестьянской партией в королевстве СХС. Основателем и лидером партии был С. Радич. ХРКП в это время стояла в оппозиции к королевскому правительству.

¹⁴ В Сенько — одна из партийных кличек В. И. Чопича.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1918—1944 гг.)

В период после первой мировой войны болгарская историческая наука сделала шаг вперед в своем развитии. Расширились масштабы и тематика исторических исследований, вырос общий профессиональный уровень исследовательских работ. Увеличилось число исторических кафедр историко-филологического факультета Софийского университета, являвшихся важнейшими центрами изучения истории и подготовки кадров историков¹. Факультет выпускал свои ежегодники; около $\frac{2}{3}$ их выпусков было полностью или частично посвящено проблемам истории².

Новым центром, где началось преподавание исторических дисциплин, явился и созданный в 1920 г. в Софии так называемый «Свободный университет» (Балканский ближневосточный институт), с его отделениями — дипломатическим, торгово-экономическим и финансово-административным. Во главе «Свободного университета» долгие годы стоял видный болгарский общественный деятель и историк права проф. С. Бобчев (1853—1940); в университете читались курсы и изучались история государства и права, история международных отношений и дипломатии, всеобщая история³, что

отчасти находило свое отражение и в опубликованных в ежегоднике университета работах.

«Историческое общество в Софии», возникшее в 1901 г. и включавшее первоначально лишь историков столицы, после реорганизации в 1928 г. было переименовано в «Болгарское историческое общество». Его отделения были созданы в других городах⁴. Члены общества устраивали лекции на различные исторические темы; общество имело свое периодическое издание⁵.

Ряд ведущих историков официальной науки состоял в Болгарской академии наук, в ее историко-филологическом и философско-искусствоведческом отделении. Председателем этого отделения в 1921 г. стал виднейший болгарский историк, долголетний руководитель кафедры истории Болгарии в университете, акад. В. Н. Златарский (1866—1935). Отделение издавало (начиная с 1913 г.) свою серию трудов⁶. В болгарской общественной мысли и историографии рассматриваемого периода существовало несколько направлений, борьба между которыми в послевоенное время обострилась. Эти направления отражали в той или иной мере реальные противоречия общественной жизни страны, классовые и партийные позиции отдельных историков. Наряду

¹ В 1919 г. вместо четырех ранее существовавших на факультете исторических кафедр было создано шесть — кафедры болгарской истории, истории Восточной Европы, археологии и истории искусств и три кафедры по всеобщей истории (истории восточных и классических народов, средневековой истории и кафедре новой и новейшей истории). М. А. р. н. уд. о. в. История на Софийския университет. София, 1939, стр. 406—407.

² См. «Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет». Всего за период с 1918 по 1944 гг. было опубликовано 18 выпусков, посвященных, полностью или частично, исторической проблематике.

³ См. «Трудове на Висшия икономически институт „Карл Маркс“». Вып. I. София, 1959, стр. 432—433; «Алмапах

на Софийския университет св. Климент Охридски. Животописни и книгописни сведения за преподаватели. Петдесет годишнина на Университета. 1888—1939», София, 1940, стр. 63.

⁴ См. «Исторически преглед», 1964, № 6, стр. 123.

⁵ «Известия на Българското историческо дружество» выходили с 1905 г.; за интересующий нас период было опубликовано 16 выпусков, с V по XIX—XX.

⁶ «Сборник на Българската академия на науките и искусствата. Клон историко-филологичен и философско-обществен». Всего за интересующий нас период было опубликовано 15 сборников, содержащих труды по истории (кн. 9, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 21, 24, 27, 28, 31, 34, 36, 37).

с крайне националистическим, буржуазно-консервативным и буржуазно-либеральным направлениями, господствовавшими в официальной науке, существовали также (главным образом в публицистике) радикально-демократическое и марксистское направления общественной мысли.

Октябрьская революция и революционный кризис в стране в 1918—1919 гг. способствовали росту и укреплению марксистского и демократического направлений в болгарской общественной мысли. В первые послевоенные годы (1918—1923 гг.) в стране благодаря энергичной деятельности компартии было издано (в переводе на болгарский язык) большое число теоретических и историко-философских работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и многих виднейших теоретиков, популяризаторов и пропагандистов марксизма из рядов международного рабочего и коммунистического движения (А. Бебель, П. Лафарг, Г. Плеханов, Ю. Мархлевский, А. Луначарский и др.), трудов прогрессивных авторов по истории революционного движения (В. Блос, П. Лиссагарэ и др.). Публиковались также работы Д. Благоева, Г. Киркова, В. Коларова, Хр. Кабакчиева, Г. Димитрова, Т. Петрова и других руководящих деятелей и публицистов БКП⁷. В этих работах освещались проблемы исторического материализма и затрагивались (мимоходом, а иногда и специально) некоторые важнейшие вопросы новой и новейшей истории, истории рабочего движения на Балканах⁸. В своих трудах болгарские марксисты подчеркивали всемирно-историческое значение Октябрьской революции⁹. Распространение в Болгарии идей марксизма-ленинизма, рост идейного влияния БКП не могли не оказать влияния и на представи-

⁷ См. П. Цанев. Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП. 1885—1923. София, 1962, стр. 256—312.

⁸ В 20-х годах ряд работ по истории рабочего движения и по истории болгарского возрождения издал историк и публицист Иван Клишчаров (1877—1942), отошедший в 1923 г. от БКП. Он пытался с позиций марксизма (часто — не удачно) осветить проблемы истории рабочего и национально-освободительного движения в Болгарии XIX—XX вв. (см. П. Цанев в. Марксистско-ленинската книга през периода на фашистката диктатура. София, 1965, стр. 146—147).

⁹ В частности, Д. Благоев в изданной в 1919 г. книге «Из истории русской революции» отмечал, что Октябрьская революция представляет собою «...одну из самых замечательных страниц в истории революционного социализма и всемирной истории вообще» (Д. Благоев. Сочинения, т. 18, стр. 263).

телей мелкобуржуазного радикально-демократического направления. К радикально-демократическому направлению общественной мысли страны принадлежали прежде всего публицистические произведения и книги по истории деятелей и левых лидеров мелкобуржуазной крестьянской партии БЗНС — Болгарского Земледельческого народного союза (Р. Даскалов и др.). Радикально-демократические настроения характерны и для изданных в годы правления БЗНС в обстановке возмущения народных масс документальных сборниках, разоблачавших политику правивших в Болгарии в период Балканских и первой мировой войн реакционных партий¹⁰.

Понутно следует упомянуть и об активизации в послевоенное время публицистической деятельности лидеров реформистской партии широких социалистов. Идеолог партии Я. Сакызов опубликовал ряд брошюр и статей по общественно-политическим вопросам, затрагивавших историческую проблематику и написанных в духе реформизма и классового сотрудничества. Он же выпустил (в трех изданиях) популярную историю Болгарии, эклектичную по методологии («Българите в своята история»), освещавшую историю болгарского народа в основном с идеалистических и националистических позиций. Отдельные работы реформистских авторов были посвящены и истории рабочего движения в Болгарии.

С осени 1923 г. обстановка в Болгарии изменилась. В результате переворота в июне и поражения антифашистского восстания в сентябре в стране установился фашистский режим. Это предопределило постепенное усиление реакционного шовинистического направления в общественной мысли и в историографии.

Однако в течение длительного времени (в 20-х и начале 30-х годов) в болгарской официальной науке задавали тон не фашиствующие историки (как это стало с середины 30-х годов), а представители буржуазно-консервативного и буржуазно-либерального направлений. Демократическое же и тем более марксистское направления почти не были представлены в центрах официальной исторической науки (в университете, Академии наук и др.).

В период до первой мировой войны болгарские историки интересовались преимущественно политической историей болгарских земель, историей их связей и отношений с соседними странами, религиозно-культурными вопросами в период античности, раннего и позднего средневе-

¹⁰ См., например, двухтомное издание «Дипломатическите документи о намесата на България в първата световна война». Т. I. София, 1920; «Дипломатическите документи об участието...», т. II и др.

ковья и отчасти эпохой так называемого болгарского возрождения (период XVIII—XIX вв.).

В рассматриваемый период эти вопросы по-прежнему оставались в центре внимания болгарской буржуазной историографии (можно отметить лишь некоторое усиление интереса к проблемам возрождения).

Крупнейшим трудом по истории Болгарии в рассматриваемый период, оказавшим большое влияние на всю болгарскую историографию, была фундаментальная работа представителя буржуазно-либеральной исторической мысли Болгарии проф. В. Н. Златарского — его четырехтомная история Первого Болгарского царства¹¹.

Перу Златарского принадлежат работы, посвященные и другим областям исторических знаний — по истории возрождения, а также краткий очерк истории балканских стран.

Вопросы социально-экономической истории почти не привлекали специального внимания буржуазных болгарских историков. Только И. Сакизов (1895—1935), который специализировался в области истории хозяйства Болгарии, опубликовал ряд трудов по истории ремесла и торговли, главным образом, периода средневековой Болгарии и отчасти эпохи возрождения, а также сводный труд по истории хозяйства Болгарии¹². В работах И. Сакизова приведен большой фактический материал, сделаны интересные наблюдения. Однако изучение истории хозяйства у Сакизова не вышло за рамки позитивистской методологии («теории факторов»).

Такова была основная тематика работ, публиковавшихся и в упомянутых выше ежегодниках и в выходившем с 1928 по 1935 г. под редакцией проф. В. Златарского и проф. П. Никова (1884—1938) квартальнике «Българска историческа библиотека».

Для буржуазной исторической науки Болгарии, как и многих других стран в рассматриваемый период, было характерно увлечение средневековой тематикой. Обращение болгарских историков к этой эпохе было естественным, ибо в болгарской историографии оставались почти совершенно не разработанными проблемы становления средневекового болгарского государства и борьбы болгарского народа против византийского, а затем турецкого ига. В то же время болгарские историки-профессионалы не создали ни одного серьезного исследова-

ния по вопросам внутриполитического развития страны в XX в., а орган болгарского исторического общества — «Известия на българското историческо дружество» — за весь 40-летний период своего существования (с 1905 по 1944 гг.) вообще не опубликовал ни одной работы по истории Болгарии XX в. Отдельные компилятивные книги, выходявшие из-под пера таких популяризаторов как Н. Станев (автор многих работ по новой и новейшей истории, в том числе выдержавшего два издания очерка новейшей истории Болгарии) не могли возместить этот пробел.

Несколько иная картина была в области изучения военной и дипломатической истории Болгарии нового и новейшего времени. Значительное число работ по военной истории Болгарии было опубликовано отдельными книгами, а также в виде статей в «Военно-исторических сборниках», издававшихся в 1927—1944 гг. Военно-исторической комиссией военного министерства (всего вышло 96 сборников). Под руководством военного министерства были изданы и сводные многотомные работы об участии болгарской армии в первой Балканской и первой мировой войнах¹³.

В рассматриваемое время был опубликован и ряд работ по истории внешней политики Болгарии конца XIX и начала XX вв. (работы К. Крачунова, Ив. Панайотова и др., трехтомная публикация документов с подробными комментариями Д. Б. Кесякова по дипломатической истории Болгарии с 1878 по 1925 гг. и др.). Некоторые вопросы истории внешней политики Болгарии и соседних балканских стран освещены в публикациях «Свободного университета», Македонского института (в журнале «Македонски преглед») и сборниках фракийского общества («Тракийски сборник»).

Работы по военной и дипломатической истории Болгарии, написанные буржуазными историками или публицистами, носили на себе, как правило, в большей или меньшей степени, печать националистической идеологии. (Например, книги по истории международных отношений и внешней политики Болгарии проф. Г. Генова и др.)

Из периода новой истории Болгарии внимание болгарских историков больше всего привлекли проблемы болгарского возрождения — эпохи национального пробуждения болгарского народа с конца XVIII в. и его борьбы за национальное и социальное освобож-

¹¹ В. З л а т а р с к и. История на българската държава през средните векове. Т. I, ч. 1. София, 1918; ч. 2, 1927; т. II, 1934; т. III, 1940 (посмертно).

¹² I v. S a k i z o v. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1929.

¹³ «Войната между България и Турция 1912—1913 год», т. I—VII. София, 1923—1937; «Българската армия в световната война», т. II—IV, VIII—IX. София, 1932—1940.

дение от военно-феодалного ига султанской Турции. Некоторые ведущие болгарские историки — П. Ников, П. Мутафчиев (1883—1943) и др. — и историки литературы и культуры (М. Арнаудов, Б. Пенев, И. Шишманов и др.) опубликовали в 20-х — начале 30-х годов значительное число работ, посвященных исследованию различных сторон эпохи болгарского возрождения, в том числе его крупнейшим деятелям.

В своем большинстве болгарские буржуазные историки рассматривали болгарское возрождение как культурно-просветительное или церковно-национальное движение, возникшее под влиянием различных факторов в результате пробуждения духовных сил болгарского народа. В частности, П. Ников считал, что в основе болгарского возрождения лежала борьба за самостоятельную, независимую от греческой патриархии, болгарскую церковь¹⁴. Другие, например крупнейший представитель буржуазно-консервативного направления общественной мысли С. Бобчев, видели сущность болгарского возрождения в стремлении народа к просвещению. Болгарские буржуазные историки, как правило, игнорировали развитие производительных сил в болгарских землях, не понимали значения классов и классово-вой борьбы в эпоху возрождения. Лишь немногие из представителей буржуазно-либерального направления — И. Шишманов (1862—1928), Б. Пенев, — в известной мере отмечали роль материального фактора и классов в эпоху болгарского возрождения; Д. Страшимиров (1868—1939) разрабатывал историю национально-революционной борьбы болгарского народа против турецкого ига.

Проблемы историографии, вопросы всеобщей истории в исследовательском плане почти не разрабатывались. Исключение составляли лишь отдельные сюжеты истории сопредельных балканских народов, а также темы связей и отношений с балканскими и отчасти великими державами. Публиковавшиеся же в стране сводные работы по новой и новейшей истории в целом (С. Бобчев, Г. Дерманчев, С. Янков и др.) и истории отдельных стран (Н. Станев) были учебными пособиями либо популярными обзорами, носившими компилятивный характер.

Философская основа болгарской буржуазной историографии была по большей части электической. Доминирующей ее чертой был методологический плюрализм¹⁵. Из так называемой «теории факторов» исходили все болгарские

буржуазные историки в своих конкретных исторических исследованиях.

Мало разрабатывалась в болгарской буржуазной историко-философской литературе и методология истории. Опубликованные философами (А. Николов, Д. Михалчев и др.) и историками (П. Мутафчиев и др.) специальные труды в области философии и методологии истории также носили черты электизма, либо страдали пороками различных школ субъективного и объективного идеализма. Влиятельный историк проф. П. Мутафчиев (в некоторых из его работ можно усмотреть известное влияние философских взглядов Б. Кроче), утверждал, что движущей силой развития человека является его духовное начало (движущая сила развития человечества представляет собою «...равнодействующую от его сознания и воли»)¹⁶ и придавал большое значение роли религии и церкви в истории Болгарии.

Значительное число приверженцев среди буржуазных историков и философов Болгарии находила релятивистская неокантианская философия. Философ А. Николов в своей крайне субъективистской философии истории («Система на философията на историята», София, 1941) отрицал существование объективной, независимой от сознания исследователя, исторической истины и подчеркивал относительность и субъективность исторического познания, ибо последнее, по его мнению, всегда определяется внутренним миром историка. Близких взглядов придерживался и автор ряда опубликованных в Болгарии и в других странах работ по методологии и отчасти всеобщей истории проф. П. М. Бицилли (1879—1953)¹⁷.

Известный болгарский философ проф. Д. Михалчев (1882—1967), с 1920 по 1940 г. с некоторыми перерывами читавший в университете курсы философии истории, опубликовал ряд работ по философии и методологии истории¹⁸, в которых пытался совместить

¹⁶ «Просвета», 1937/38, год. III, кн. 1, стр. 9.

¹⁷ П. М. Бицилли начал преподавать в Софийском университете в 1920 г., одновременно с несколькими другими русскими буржуазными историками-эмигрантами — Э. Д. Гриммом (1870—1940), В. А. Мякотиним (1867—1937), М. Г. Попруженко (1866—1943) и т. д. Они были приглашены для чтения лекций главным образом по таким историческим дисциплинам, которые не имели прочных традиций в болгарской историографии (преимущественно по разделам всеобщей истории и истории России).

¹⁸ См. К. Василев. Увод към философия на история. София, 1961, стр. 260; «Алманах на Софийския университет...», стр. 364.

¹⁴ П. Н и к о в. Възраждане на българския народ. Църковно-национална борба и постижения. София, 1923, стр. 3, 9.

¹⁵ См. Н. С т е ф а н о в. Въпроси на методологията на историческата наука. София, 1962, стр. 218.

исторический материализм с ремкеанством¹⁹.

В середине 30-х годов в стране установился режим монархо-фашистской диктатуры, постепенно ориентировавшийся на гитлеровскую Германию. Фашистская идеология, идеи великоболгарского шовинизма, быстро проникали в официальную науку и в преподавание истории; ряд болгарских профессоров-историков стали прямыми глапатаями идей великоболгарского шовинизма, расизма, идеи «избранных наций». Эти идеи получали все большее распространение в исторических сочинениях, в особенности в популярных изданиях и учебных пособиях. Возглавлявшаяся профессорами-фашистами Б. Филовым и Б. Йоцовым редакция квартальника «Родина» (выходил с 1938 г. и был посвящен вопросам истории) в предисловии к первой книге подчеркнуто отмечала необходимость стремления к национализму и к «расовому оформлению болгарского народа»²⁰.

В болгарской буржуазной историографии усилилась тенденция к отрицанию существования классов и классовой борьбы в период болгарского возрождения, революционного направления в национально-освободительном движении болгарского народа, к изображению всего движения в качестве «единого потока» борьбы за национальную «идею». Осуждалась деятельность революционеров и, в частности, кульминационный этап революционной борьбы болгарского народа периода возрождения — Апрельское восстание 1876 г.²¹ Фашистские историки стремились использовать взгляды популярных в народе деятелей возрождения для подкрепления националистических и шовинистических идей фашистского режима²².

Фашиствующие профессора постепенно занимали ключевые позиции в науке и в просвещении. Б. Йоцов стал в 1935 г. деканом историко-филологичес-

кого факультета; позднее — занял пост министра просвещения. Б. Филов, являвшийся одно время ректором Софийского университета, а в 1937—1944 гг. президентом Академии наук, стал в 1938 г. министром просвещения²³, а с 1940 г. возглавил фашистское правительство, втянувшее Болгарию в лагерь держав оси. Деятельность болгарского исторического общества с середины 30-х годов фактически заглохла²⁴.

Прогрессивные болгарские историки, историки-марксисты оказывали мужественное сопротивление наступлению фашистской идеологии. В издававшихся с большим трудом в условиях фашистского режима нелегальных и в некоторых прогрессивных легальных изданиях разоблачалась научная несостоятельность фашистских идей, пропагандировались принципы исторического материализма, что ограничивало степень воздействия и глубину проникновения идей великоболгарского шовинизма и расизма в массы и в науку.

Марксистское направление в исторической литературе было представлено в основном деятелями рабочего и коммунистического движения — руководителями БКП и партийными публицистами. Их работы, посвященные, как правило, злободневным политическим вопросам, касались (мимоходом, а иногда и специально) проблем новой и новейшей истории болгарского и международного рабочего движения. Многие из этих работ впервые были опубликованы не в болгарских, а в советских и международных коммунистических изданиях (иногда под псевдонимами), так как авторы их оказались после поражения восстания 1923 г. за пределами страны (главным образом, в СССР).

Большое значение для развития марксистской общественной мысли в Болгарии и в других странах имели книги, статьи, доклады и выступления руководителей БКП, выдающихся деятелей международного рабочего движения — Г. Димитрова и В. Коларова, посвященные анализу положения и борьбы пролетариата, развитию революционного движения, борьбе против фашизма и военной опасности. В них раскрывалась роль и методологическое значение теории марксизма-ленинизма для конкретного анализа исторических событий, а иногда трактовались и отдельные вопросы истории.

В работах Г. Димитрова и В. Коларова был освещен ряд важнейших вопросов истории революционного движения в Болгарии и на Балканах, показана роль Д. Благоева в истории рабочего и

¹⁹ Иоганн Ремке (1848—1930) — немецкий философ, один из виднейших представителей так называемой «имманентной школы» (утверждавшей, что бытие имманентно сознанию, т. е., что мир не существует независимо от сознания), пытался встать над материализмом и идеализмом. Работы Ремке имели распространение в Болгарии.

²⁰ «Родина», 1938, кн. 1, стр. 3—4.

²¹ В частности, П. Мутафчиев обвинял революционеров в авантюризме и называл их «фантазерами, поджавшими под власть заимствованной со стороны книжной премудрости» («Отец Паисий», 1934, кн. 10, стр. 198—199).

²² См. Д. Косев. Идеалистическо и материалистическо разбирање на българското възраждане.— «Исторически преглед», 1948, кн. 3, стр. 319—320.

²³ См. «Алманах на Софийския университет...», стр. 253—627, 628.

²⁴ См. «Исторически преглед», 1945, кн. 1, стр. 73.

коммунистического движения в Болгарии, значение Сентябрьского восстания 1923 г. в развитии революционного движения в стране, поставлен вопрос о влиянии Октябрьской революции и деятельности В. И. Ленина на балканское и международное рабочее и коммунистическое движение.

Специально следует отметить также и работы одного из руководителей БКП Хр. Кабакчиева (1878—1940). Отойдя в 1928 г. от активной партийной работы и занявшись разработкой вопросов истории БКП и международного коммунистического движения, Хр. Кабакчиев много лет плодотворно работал в качестве научного сотрудника Института Маркса-Энгельса-Ленина, а с 1935 г. — Института истории АН СССР. Им было опубликовано несколько содержательных исследований и работ полумемуарного характера, посвященных истории партии тесняков и БКП, деятельности Д. Н. Благоева, месту БКП в Балканской коммунистической федерации и в Коминтерне, истории международного коммунистического движения.

Ряд интересных работ по истории рабочего и крестьянского движения в Болгарии и революционного движения болгарского народа (в первую очередь — о Сентябрьском антифашистском восстании 1923 г.) опубликовали и другие болгарские коммунисты, которые во время своего пребывания в СССР занимались научной работой в области истории — М. Горов-Орманов (1879—1936).

Особое место среди болгарских марксистов занимал один из пионеров рабочего движения в Болгарии Г. Бакалов (1873—1939). В межвоенные годы он опубликовал в Болгарии и СССР свыше двух десятков брошюр и книг и многие десятки статей и заметок исследовательского характера по различным вопросам истории, истории культуры и общественной мысли. В 1925—1926 и в 1929—1932 гг. он жил в Советском Союзе и был избран в марте 1932 г. членом-корреспондентом АН СССР²⁵. Наиболее заметный след оставил Г. Бакалов в области изучения эпохи болгарского возрождения. В своих работах, в особенности, в трудах, написанных в 30-х годах, Бакалов осветил социальную сторону национально-освободительной борьбы болгар, роль классов, показал борьбу идейных течений; он первым раскрыл революционно-демократический характер идеологии крупнейших болгарских революционеров возрождения (Ботева, Левского и др.), идейную их связь с русскими революционерами-демократами, отметил влия-

ние Н. Г. Чернышевского на Балканах²⁶. Опираясь на материал болгарских и советских архивов, Бакалов выступил как смелый борец против представителей буржуазно-консервативной, и особенно против фашистско-шовинистической историографии.

Значителен вклад Г. Бакалова также и в разработку отдельных вопросов истории рабочего и социалистического движения в Болгарии, а также в области изучения русско-болгарских революционных и советско-болгарских литературных и культурных связей²⁷. Человек большой эрудиции, культуры и разносторонних интересов, Бакалов опубликовал также ряд статей, сообщений и заметок по вопросам всеобщей истории, истории балканского и международного рабочего движения, истории России и философии истории. В статье «О значении истории» он подчеркивал существование закономерностей в многообразных явлениях истории²⁸. Не все написанное Г. Бакаловым одинаково ценно — некоторые его работы и выводы уже устарели. Но он всегда будет занимать видное место в болгарской марксистско-ленинской историографии.

Серьезные исследования по истории болгарского возрождения, посвященные в первую очередь идеологии и революционной деятельности Х. Ботева, были опубликованы в рассматриваемое время и прогрессивным философом и историком М. Димитровым (1881—1966). Краткий обобщающий историко-социологический очерк об эпохе болгарского возрождения с позиций марксистской методологии выпустил накануне второй мировой войны Жак Натан (род. в 1902 г.), тогда же им были опубликованы две работы по экономической истории Болгарии, явившиеся первым опытом освещения экономической истории Болгарии с позиций марксистского учения об общественно-экономических формациях. Примерно в этот же период философ-марксист Т. Павлов (род. 1890 г.) опубликовал некоторые работы, трактовавшие проблемы методологии и философии истории.

В условиях монархо-фашистского режима в Болгарии выступать с позиций марксизма означало совершить гражданский подвиг. Труды первых исследователей-марксистов не были лишены недостатков, но они имели важное значение

²⁶ Ж. Натан. Мястото на Георги Бакалов в развитието на марксистско-ленинската историография. — «Исторически преглед», 1964, кн. 6, стр. 86—89.

²⁷ См. В. И. Злыднев. Русско-болгарские литературные связи XX века. М., 1964, стр. 53—55, 70—76, 142—143.

²⁸ Г. Бакалов. Избрани произведения. Т. IV. София, 1964, стр. 316.

²⁵ См. И. Дапчева. Георги Бакалов. Био-библиография. София, 1963, стр. 15—17, 69—152, 226—227.

для развития болгарской исторической науки.¹

Новые условия для развития исторической науки в Болгарии были созданы

после свержения фашистской диктатуры в результате победы восстания 9 сентября 1944 г.

М. А. Бирман

ПЕРВЫЙ СБОРНИК ПО СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из отрядных явлений в развитии советской исторической науки на современном этапе является усиление внимания к историографической проблематике. Славянская историография изучается, пока, несколько слабее. В связи с этим следует приветствовать появление сборника по славянской историографии¹, состоящего из 12 статей.

В сборник входит ряд работ обзорного характера. В них рассматриваются состояние и развитие современной советской и зарубежной историографии южных и западных славян.

И. М. Белявская и И. Д. Очак в статье «Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке», хотя и ограничивают свою задачу рассмотрением литературы, вышедшей после XX съезда КПСС, но касаются также состояния славяноведения в предшествующий период. В частности представляет интерес впервые намеченная авторами статьи характеристика работ по истории южных и западных славян, созданных деятелями коммунистических партий славянских стран, работавших в 20—30-х годах в Советском Союзе. Нельзя только согласиться с несколько неожиданным утверждением, что вновь созданным советским славяноведческим центром пришлось начинать исследование проблем новейшей истории славянских стран заново (стр. 11). Оно справедливо лишь в отношении разработки вопросов последнего (с 1939 г.) периода новейшей истории. Что же касается новой истории и тем более истории более ранних периодов, то здесь советские слависты могли опереться не только на ленинское наследие, об огромном значении которого для развития советского славяноведения говорят сами авторы (стр. 6—7), но и на научные высказывания и работы в этой области К. Маркса и Ф. Энгельса, а также на значительный фактический материал, собранный буржуазным славяноведением. Высоко оценивая организаторскую и научную деятельность выдающихся советских славистов академиков Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, Н. С. Державина, М. Н. Тихомирова, а также работавшего в Московском университете чехословацкого ученого Э. Р. Неудлы, авторы вместе с тем спра-

ведливо указывают на недостатки в исследованиях советских славистов 40-х и начала 50-х годов. Отмечая успехи достигнутые советскими славистами после XX съезда КПСС, И. М. Белявская и И. Д. Очак предостерегают от опасности преувеличения этих достижений, обращают внимание на имеющиеся еще недостатки и указывают на те проблемы, которые требуют первоочередного решения. К сожалению, в статье почти не упоминаются исследования по истории славянских стран, опубликованные в самые последние годы. Авторы придерживаются принципа характеристики литературы по странам. Нам кажется, что важнейшие особенности развития современной историографии южных и западных славян обозначились бы более отчетливо, если бы авторы систематизировали и оценили рассматриваемый исторический материал по проблемам. Такого метода придерживается в статье «Вопросы послевоенного развития зарубежных славянских стран в советской историографии» В. В. Марьина, уделившая главное внимание тем проблемам, которые были недостаточно освещены или вовсе не затронуты в предыдущей статье. Автор сгруппировал материал вокруг проблем возникновения и этапов развития народно-демократического строя в славянских странах, ликвидации капиталистической и утверждения социалистической собственности, социалистических преобразований в сельском хозяйстве, развития союза рабочего класса с крестьянством и некоторых других вопросов послевоенной истории зарубежных славян. Однако далеко не все проблемы, разрабатываемые советскими славистами по истории послевоенного развития славянских стран, нашли в статье свое освещение. Это произошло, главным образом, потому, что автором не учтена в достаточной степени большая работа, проводимая в этой области историками союзных республик. Наиболее удачно, на наш взгляд, в статье излагается историография проблемы о характере и этапах развития революции в славянских странах. Работы советских исследователей рассматриваются здесь во взаимосвязи с трудами историков славянских стран. К сожалению, такой подход последовательно не проведен при освещении других вопросов. Этот пробел в полной мере не может восполнить и статья И. М. Белявской «Основные черты развития исторической науки в зарубежных славянских странах в послевоенный пе-

¹ «Славянская историография». Сб. статей под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева. Изд-во МГУ, 1966, 282 стр.

риод», так как содержит лишь краткий обзор, в котором главное внимание уделено периодизации развития исторической науки у зарубежных славян. Автор намечает три периода в развитии послевоенной исторической науки славянских стран: 1945—1948 гг., 1949—1955 гг. и современный период (после 1956 г.). Правильность этой периодизации едва ли может подвергнуться сомнению. Однако, как нам кажется, следует внести в нее некоторые уточнения. В частности, при характеристике первого периода следует, очевидно, говорить о консолидации сил историков-марксистов (а не о складывании марксистской историографии, которая возникает, как об этом пишет сам автор на стр. 70, гораздо раньше) и об успешной борьбе против буржуазной официальной историографии.

Второй и третий периоды, по нашему мнению, правильнее было бы рассматривать в качестве этапов одного и того же периода — превращения марксистского направления в полностью господствующее в исторической науке.

Несомненно, большой интерес у читателя должна вызвать статья В. Н. Белановского «Вопросы новейшей истории славянских народов в реакционной англо-американской историографии». Правда, содержание статьи несколько уже ее заглавия. В статье рассматривается англо-американская литература по проблемам истории славянских народов лишь в период между двумя мировыми войнами. Автор подвергает суровой и обоснованной критике труды англо-американских историков, в которых фальсифицируется история образования буржуазных славянских государств после первой мировой войны, отрицается прогрессивное значение и роль рабочего движения в славянских странах, идеализируется режим буржуазной демократии в Чехословакии, извращаются причины краха буржуазных государств Чехословакии, Польши и Югославии в период второй мировой войны.

Следующая группа статей посвящена рассмотрению историографии отдельных проблем истории зарубежных славян. Б. М. Руколь в статье «Образование буржуазной Чехословацкой республики в освещении современной чехословацкой историографии» рассматривает развитие марксистской концепции образования буржуазной Чехословакии. Главное внимание автор уделяет вопросам оценки современными чехословацкими историками всеобщей стачки 14 октября и провозглашения республики 28 октября 1918 г. Другим вопросом уделяется значительно меньше места. Затрагивая вопрос о влиянии на революционное движение Великой Октябрьской социалистической революции, автор указывает, что в работах современных чехословацких

историков по этой тематике еще имеются элементы догматизма. К сожалению, в чем проявился этот догматизм, в статье в достаточной степени не раскрывается.

Своеобразный подход к освещению историографической проблематики наблюдается в статье Б. З. Миркина «Освещение заключительного этапа народно-освободительной войны (1944 г.) в югославской историографии». Автор излагает первоначально свое собственное понимание существа основных событий заключительного этапа освобождения Югославии, а затем уже комментирует точки зрения и оценки событий со стороны югославских историков. В статье говорится не только об успехах, но и подвергается справедливой критике ряд ошибочных положений югославских авторов, допущенных в работах 1948—1956 гг. в том числе при освещении им освободительной борьбы народов Югославии. Но при этом следовало бы, справедливости ради, упомянуть, что подобные явления наблюдались в этот период и в советской исторической литературе.

Статья М. В. Миско «Об освещении характера восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии в некоторых работах советских авторов» — резко полемическая. Автор, на наш взгляд, справедливо указывает на отдельные неправильные или спорные положения, содержащиеся в некоторых работах о восстании 1863 г. Тем не менее концепция самого автора по этому вопросу, равно как и некоторые из его оценок, представляются подчас противоречивыми и вовсе бесспорными. Однако здесь нет возможности остановиться на существовании затрагиваемых М. В. Миско вопросов. Было бы желательно, чтобы они стали предметом рассмотрения в отдельной, написанной специалистом в этой области, статье.

Небольшая статья Л. В. Гориной «Вопросы социально-экономического развития Второго Болгарского царства в современной болгарской историографии» содержит краткий, но довольно четкий анализ достижений и недостатков наиболее важных работ современных болгарских историков в исследовании ряда проблем истории феодальных отношений в Болгарии XIII—XIV вв., развития болгарского феодального города и зарождения товарно-денежных отношений, а также классовой борьбы во Втором Болгарском царстве. На наш взгляд, было бы интересно сравнить результаты исследования этих проблем в современной болгарской и советской историографии.

Три последующие статьи сборника посвящены истории буржуазного славяноведения. Обстоятельная работа И. А. Воронкова «Гадеуш Корзон — видный представитель польской буржуазной историографии в последней трети XIX — начале XX в.» посвящена крупному

историку, творчество которого рассматривается в тесной взаимосвязи с развитием польской историографии конца прошлого и начала нынешнего столетий. Автор статьи дает правильную конкретно-историческую оценку научного наследия Корзона, прослеживает эволюцию его исторических взглядов. Быть может, следовало бы здесь уделить больше внимания анализу философско-методологических позитивистских принципов, положенных в основу исторических исследований Корзона.

Работа Л. П. Лаптевой «В. А. Францев как историк славянства» представляет собой обстоятельное исследование жизни и деятельности буржуазного ученого, написанное на базе изучения материалов, хранящихся в архивах СССР и Чехословакии.

Закрывающая сборник статья А. С. Мыльникова о «„Славянских древностях“ П. Шафарика» является более подробным изложением взглядов, уже ранее высказанных автором во 2-й и 3-й главах научно-популярной брошюры о П. Шафарике².

² См. А. С. Мыльников. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.—Л., 1963, стр. 37—63.

П. ЦАНЕВ. Марксистско-ленинская книга през периода на фашистката диктатура. 1923—1944. Историко-библиографски преглед. София. Изд-во на БКП, 1965, 324 с.

П. ЦАНЕВ. Марксистско-ленинская книга в период фашистской диктатуры

Исследователи истории Болгарии, истории ее коммунистической партии и, в частности, партийной и прогрессивной печати не пройдут мимо новой книги П. Цанева. Рецензируемый труд является продолжением ранее опубликованных работ того же автора¹. Последняя книга П. Цанева убедительно и подробно, шаг за шагом, раскрывает историю партийной печати после поражения Сентябрьского восстания 1923 года, тяжелые условия, в которых находилась прогрессивная литература в Болгарии, новые формы издательской деятельности партии, возможности легального распространения антифашистской и прогрессивной литературы и ее роль в период 1923—1944 гг.

Книга состоит из предисловия, трех разделов, заключения и именного указателя.

¹ П. Цанев. Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП. София, Изд-во на БКП, 1962, 343 с.; Е го ж е. Георгий Киров. Биографичен очерк. София. Изд-во на БКП, 1964, 242 с.

Отмечая общую научную ценность статьи А. С. Мыльникова, мы считаем, однако, не достаточно убедительным основной вывод автора о том, что П. Шафарик был «одним из предшественников чешской и словацкой демократической историографии» (стр. 281).

Достоверный и интересный материал, содержащийся в статьях сборника, будет безусловно полезен всем славистам в их учебно-преподавательской и научно-исследовательской работе. Нам кажется, что стоило бы превратить сборник в регулярно выходящее издание по славянской историографии. Ведь смогла же кафедра истории средних веков и древнего мира Томского университета наладить выпуск ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Мы убеждены, что если бы кафедра истории южных и западных славян ведущего в стране Московского университета взялась за это крайне необходимое для развития славяноведческой науки дело, то она бы встретила широкую поддержку со стороны историков-славистов Советского Союза.

А. И. Митряев
С. И. Сидельников

В предисловии к книге автор отмечает, что фашистский террор, установившийся после 9 июня 1923 г., непрерывные преследования партийных и антифашистских организаций лишили партию возможности создать единый партийный центр для издания марксистско-ленинской и антифашистской литературы. Партия нашла новые формы распространения партийной литературы через массовые легальные организации (Рабочая партия, Независимые рабочие профсоюзы, Рабочий союз молодежи и др.), созданные при легальных партийных газетах и журналах («Ехо», «Поглед», «РЛФ», «Звезда» и др.) книжные магазины и библиотеки, фиктивно принадлежащие отдельным лицам, а по существу являющиеся собственностью партии или находящиеся под ее контролем. После военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., когда в стране были запрещены все существовавшие до того легальные массовые организации рабочего класса, партия была вынуждена снова менять тактику и искать новые формы для издания прогрессивной лите-

ратуры. В этот период выходит преимущественно художественная и научная литература прогрессивных авторов, стоящих на антифашистских позициях, и марксистов.

Первый раздел охватывает издательскую деятельность партии в 1923—1925 гг., второй — период борьбы партии за ее восстановление в условиях нового подъема антифашистского движения трудящихся (1925—1934 гг.); третий раздел посвящен изданию марксистско-ленинской литературы после военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г. до 9 сентября 1944 г.

Каждый раздел делится на три части. В первой части дается углубленный анализ политической обстановки в стране, положения БКП, условий и особенностей издательской деятельности партии в соответствующий период. Во второй части раскрывается деятельность отдельных массовых организаций, библиотек и частных лиц по изданию книг и брошюр. Даются аннотации изданной литературы. Во многих случаях приводятся данные об авторах или издателях данной книги. В подстрочных примечаниях указаны основные рецензии, опубликованные непосредственно после выхода книги в свет. В третьей части представлена полная библиография изданной партией за данный период литературы. Названия книг даются здесь по выпустившим их в свет организациям, библиотекам, типографиям, а внутри этих разделов — в хронологическом порядке. Перечень литературы позволяет получить представление об исключительно большой издательской деятельности партии в течение трех десятилетий подпольной деятельности в тяжелых условиях цензуры и драконовских законов, направленных против коммунистов.

Тематика изданных книг за три указанных периода меняется в зависимости от задач текущего момента и от условий, в которых протекала деятельность партии. В 1923—1925 гг. преобладают книги о рабочем классе, о профессиональном и молодежном движении; про-

цент научной и научно-популярной литературы невелик. Большое место занимают книги выдающегося болгарского историка и литературоведа Г. Бакалова.

В 1925—1934 гг. в условиях подъема антифашистского движения трудящихся и роста революционной борьбы масс сильно возрастает количество издаваемой марксистско-ленинской литературы («Капитал» К. Маркса, труды Ф. Энгельса и В. И. Ленина, доклады, резолюции, решения Рабочей партии, речи деятелей партии), литературы о строительстве социализма в Советском Союзе. Растет число переводов художественных произведений, главным образом, с русского языка, в частности сочинений М. Горького.

В 1934—1944 гг. в большом количестве издается научная, научно-популярная, общественно-политическая и художественная литература.

Нельзя не отметить большую заслугу П. Цанева в его попытке дать обзор марксистско-ленинской литературы, изданной на болгарском языке за границей, а также перечень подпольных изданий партии, рассказать о деятельности болгарских ученых-марксистов Т. Павлова, Г. Бакалова, Ж. Натана и др.

Автор проделал большую исследовательскую работу по выявлению книг, часть которых уже стала библиографической редкостью, а также рецензий на эти книги, по расшифровке псевдонимов и разысканию данных для полного библиографического описания всех книг.

Насыщенная богатым фактическим и библиографическим материалом, книга П. Цанева является серьезным и очень нужным трудом, который уже был положительно оценен в болгарской печати².

Н. Буссе

² См. «Исторически преглед», София, 1966, № 2, стр. 132—136; «Болгарски журналист», София, 1965, № 10, стр. 20; «Пламън», София, 1965, № 9, стр. 106; «Народна култура», София, 18 XII 1965 и др.

БИБЛИОГРАФИЯ О ЯНВАРСКОМ ВОССТАНИИ 1863 ГОДА В ПОЛЬШЕ

Январское восстание 1863 года — одно из ярчайших событий польской истории.

Неудивительно, что оно является предметом многочисленных исследований как в самой Польше, так и за ее пределами.

Историография восстания насчитывает более, чем столетнюю историю, а число книг и статей о нем по неполным подсчетам приближается в настоящее время, по-видимому, к 10 тысячам.

Библиографирование литературы о восстании в Польше также имеет свою почти вековую историю.

Уже в 1867 г. Агатон Гиллер, один из видных деятелей восстания, начинает издавать в эмиграции свое исследование по истории событий 1861—1864 гг.¹

¹ A. Giller, Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. T. 1—4. Paryż, 1867—1871. T. 1—2. Wstęp. Powstanie i pisma o niem.

Два первых тома этой работы представляют собой критический обзор книг и брошюр о восстании, изданных в Польше и за границей. Форма критико-библиографического обзора была избрана автором не случайно. Она давала возможность обратить внимание на интересные факты и проблемы, приоткрыть тем самым «завесу тумана и фальши», которые покрывают столь недавние события.

Спустя 25 лет известный польский историк и литератор Валерий Пшиборовский в 1-м томе своего труда² помещает «Библиографический список изданий и некогорых рукописей, использованных при написании данного сочинения». Библиография содержит 121 название книг и брошюр на польском, русском, французском и немецком языках, а также перечень легальных и нелегальных журналов периода восстания и список рукописей. Описания Пшиборовский сопровождает краткими замечаниями, содержащими общую характеристику и оценку изданий.

Если работа А. Гиллера с библиографической точки зрения представляет главным образом исторический интерес, то труд В. Пшиборовского до настоящего времени сохранил свою практическую значимость.

Г. Мосьцицкий³ связывает с именем Пшиборовского целый этап в историографии восстания, хотя и отмечает субъективизм Пшиборовского и его неумение пользоваться источниками.

В связи с 50-летием январского восстания появилось значительное количество новых исследований и публикаций, а в 1923 г. была издана известная библиография Я. Гонсёровского⁴, положившая начало следующему периоду в изучении истории восстания.

Библиография, насчитывавшая более 4 тысяч записей, с возможной полнотой учитывала книги, брошюры, листовки, журнальные и газетные статьи на европейских языках, а также литографированные материалы почти за 60 лет. Особое внимание автор уделит источникам. Многие библиографические описания сопровождались аннотациями.

Дополнения к библиографии Я. Гонсёровского, а также материалы за 1923—1937 гг. содержались в упомянутом нами выше обзоре Г. Мосьцицкого.

² Z. L. S. [W. Przyborowski]. Historia dwóch lat. 1861—1862. T. I. Cz. wstępna. 1856—1860. Kraków, 1892.

³ H. M o ś c i c k i. Historiografia powstania styczniowego ostatnich lat piętnastu. 1923—1937. — «Przegląd historyczny», 1937—1938, t. 34, zes. 2, s. 389—407.

⁴ J. G a ś i o r o w s k i. Bibliografia druków dotyczących powstania styczniowego. 1863—1865. Warszawa, 1923.

кого, а также в библиографии В. Мейзельса «Италия и январское восстание»⁵.

В Народной Польше изучением истории январского восстания занимались и занимаются такие видные историки, как Ст. Кеневич, Г. Яблоньский, Ц. Бобиньска и другие.

К 100-летию славных событий 1863—1864 гг. было подготовлено значительное количество работ, в том числе начато совместное польско-советское издание материалов и документов о восстании⁶.

В 1963 г. Отдел рекомендательной библиографии Национальной библиотеки в Варшаве издал небольшую библиографию, подготовленную З. Цвекком⁷, содержащую систематический аннотированный перечень важнейшей научной и художественной литературы о восстании. Для широких кругов читателей, на которых рассчитана эта работа, автором написано также обширное введение в историографию восстания. Библиография насчитывает 250 названий.

Со 100-летним юбилеем восстания связано также издание фундаментальной работы Э. Козловского — научного сотрудника Отдела документации и научной информации Краковского отделения Института истории ПАН⁸.

Эта библиография с большой полнотой отражает всю имеющую научную значимость литературу более чем на 15 языках: польском, русском, белорусском, литовском, английском, немецком, французском и других, всего около 10 тысяч названий книг и статей. В процессе работы над библиографией автором было просмотрено и расписано около 1 300 названий различных периодических изданий. Автор был, безусловно, прав, не включив в свою работу ряд мелких материалов, а также художественную литературу, не современную восстанию.

Широкое понимание автором темы работы является, на наш взгляд, одним из достоинств библиографии. В ней отражена как литература о событиях, предшествовавших восстанию и подготовив-

⁵ W. M e i s e l s. Italia a powstanie styczniowe. Bibliografia. Kraków, 1930.

⁶ См. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». Библиографический указатель литературы на русском языке. Составители: И. А. Калоева, И. А. Николаевский, Н. М. Пашаева. Под ред. И. С. Миллера. М., 1962; «Восстание 1863 г. Материалы и документы». Многоатомная советско-польская публикация. 1961—1965.

⁷ Z. C w i e k. Powstanie styczniowe 1863. Poradnik bibliograficzny. Warszawa, 1963.

⁸ E. K o z ł o w s k i. Bibliografia powstania styczniowego. Wyd. Min-wa obrony narodowej. Warszawa, 1964

ших его, так и о событиях, непосредственно следовавших за восстанием. Правда, автор в ряде случаев чрезмерно расширяет толкование темы. Так, по нашему мнению, не следовало бы совсем включать в работу №№ 523, 468, 569, 3345, 3364, 3413 и некоторые другие, которые никак не связаны с событиями 1863—1864 гг.

Все материалы библиографии распределены по 4 отделам: I. Общий отдел; II. Источники; III. Современные свидетельства; IV. Исследования. Внутри этих отделов, в свою очередь, выделены подотделы и рубрики.

В целом такое расположение вполне приемлемо. Вызывает только возражение содержание третьего отдела. Кажется бы, сюда должны быть включены материалы периода восстания или документы и воспоминания непосредственных участников восстания. Между тем, целые рубрики этого отдела (например, Е, З) охватывают материалы, не современные восстанию. Много аналогичных материалов и в других рубриках. Непонятно, как в этот отдел могли попасть труды В. И. Ленина по польскому вопросу (№№ 6076 и след.).

Следует также отметить не очень удачную систематизацию биографических материалов. Прежде всего они разрознены и представлены в двух отделах: II (стр. 185 и след.) и IV (стр. 481 и след.) Кроме того, расположены они в обоих отделах почему-то в алфавите авторов, а не в алфавите имен, как это обычно принято. Нам кажется, что це-

лесообразнее было бы все эти материалы выделить в единый отдел «Персоналия».

Библиография снабжена двумя вспомогательными указателями: имен и географических названий. К сожалению, отсутствует предметный указатель, а в указателе географических названий такие насыщенные рубрики, как «Варшава», «Литва» и некоторые другие, насчитывающие более 200 номеров, следовало бы, как нам кажется, разбить на подрубрики. Нельзя не отметить значительное количество опечаток в указателе имен (на стр. 569 фамилия Кропоткина стоит не в алфавите; на стр. 556 против фамилии А. Гиллера указан № 241, вместо № 241-а; на стр. 605 против фамилии А. Войтковского ошибочно указан № 9650 и т. д.). Отмеченные недостатки, к сожалению, несколько снижают достоинства библиографии Э. Козловского.

В заключение следует отметить, что автором за сравнительно небольшой срок проделана огромная и, безусловно, полезная работа, подводящая итоги 100-летнему изучению январского восстания в Польше и за ее пределами и, несомненно, открывающая новый этап в историографии восстания.

Библиография Э. Козловского — ценное пособие не только для историков узкой специализации, но и для историков Польши вообще, историков СССР и других стран, а также специалистов по смежным дисциплинам.

Г. П. Почепко

Г. ПЕНЧЕВ. *Нелегальные печатници на партизанта. София, 1965, 510 стр.*

Г. ПЕНЧЕВ. *Нелегальные партийные типографии*

Автор рецензируемой книги Генчо Пенчев сам был создателем нескольких подпольных типографий; он хорошо знает организационную и техническую стороны этого дела. Но, разумеется, только собственного опыта недостаточно для написания книги, в которой нашла отражение работа почти всех нелегальных типографий различного типа, существовавших в Софии и в провинции на протяжении более 20 лет. Поэтому автору пришлось основательно поработать в архивах: им использованы фонды Музея революционного движения Болгарии, Центрального партийного архива, Архива министерства внутренних дел, Центрального государственного исторического архива. Широкое привлечение архивного материала позволило Г. Пенчеву восстановить важные события, раскрыть большое количество подпольных партийных клочков и обнародовать подлинные имена безвестных доселе самоотверженных работников партии. К сожалению, в конце книги отсутствует

указатель имен, и это несколько снижает научную ценность труда.

Книга состоит из пяти глав. Первая глава посвящена началу 20-х годов, когда буржуазия стала предпринимать новые шаги для подавления послевоенного революционного движения болгарских трудящихся. Тогда, в мае 1921 г., Коминтерн рекомендовал болгарской компартии позаботиться о создании нелегальных организаций и подпольной печати на случай победы контрреволюции.

Организацией первых подпольных типографий руководил В. Коларов. В Болгарию было доставлено 15 ручных и ножных машинок типа «американка», различные шрифты.

Фашистский переворот в Болгарии 9 июня 1923 г. показал, насколько своевременными были предупреждения Коминтерна. 12 сентября вся коммунистическая печать была запрещена. А после поражения антифашистского Сентябрьского восстания начались такие гонения на болгарских коммунистов, что было

решено создать подпольную типографию за границей. Впервые из книги Г. Пенчева читатель узнает о том, как создавался подпольный типографский центр в Вене, какую роль сыграл в его создании и работе Г. Димитров. Это тем более важно, что о венском периоде деятельности Г. Димитрова, о связях между болгарскими и немецкими коммунистами мы пока что знаем очень мало. Поэтому весьма интересными представляются сведения о том, что из-за отсутствия наборщиков среди болгарских эмигрантов Г. Димитрову пришлось обратиться за помощью к немецким коммунистам. «...немецкие рабочие, — пишет автор, — не знали ни одного болгарского слова, не знали даже славянской азбуки, но они были сознательными рабочими, добровольно предложившими на помощь своим болгарским братьям. Познакомившись с болгарскими буквами, они начали набирать данные им тексты буква за буквой, не понимая их смысла и значения» (стр. 26). Под руководством Г. Димитрова до февраля 1924 г. в Вене вышло 12 номеров газеты «Работнически вестник». В наборе многих из этих номеров Г. Димитров принимал личное участие.

Г. Пенчев пишет о том, что одновременно и внутри страны подготавливались условия для работы нелегальных типографий. Дело это, еще необходимое для болгарских коммунистов, требовало строгой конспирации. Вот почему каждый согласившийся работать в подпольной типографии должен был принести присягу, причем текст ее почти не отличался от присяги, которую давали члены военной организации БКП. Тем самым подчеркивалась важность и ответственность подпольной типографской работы.

Автор подробно рассказывает о трудностях первого периода деятельности подпольщиков (поиски помещения, работа в сырых подземельях, обеспечение типографским оборудованием и материалами, наконец, распространение печатной продукции) и с удовлетворением констатирует, что с 1924 г. выход газеты «Работнически вестник» в стране стал регулярным. Подпольные типографии начали работать — этому и посвящена вторая глава книги.

Глава третья хронологически охватывает довольно большой отрезок времени — с 1926 по 1934 гг. Автор характеризует его как период борьбы за восстановление партии и нового подъема рабочего движения.

После фашистского погрома 1925 г. восстановление БКП происходило в крайне тяжелых условиях. И совершенно необходима была партийная печать — одно из средств связи коммунистов с массами. Тем большим успехом было создание смелыми комсомольцами типо-

графии на четвертом этаже здания Торгового банка — крупнейшего финансового центра капиталистической Болгарии. Здесь на ротаторе в течение более трех лет регулярно печатались нелегальные комсомольские и партийные материалы. Только по чистой случайности в марте 1930 г. эта отлично законспирированная типография провалилась.

Г. Пенчев рассказывает о различных формах работы коммунистов при организации подпольных типографий, о подборе кадров, борьбе с провокаторами, о деятельности отдельных типографий. Но многие из них были созданы в период господства левосектантского курса в БКП и, конечно, левосектантские методы работы не могли не отразиться на характере издательской деятельности партии, как и на содержании самой печатной продукции. К сожалению, автор обходит молчанием этот важный сюжет.

Глава IV книги называется «Типографская техника партии в период нового курса». Автор рассказывает о новых формах работы болгарских подпольщиков в связи с необходимостью пропагандировать в тысячах экземпляров материалы VII конгресса Коминтерна, VI конгресса КИМ и др. В частности, широко использованы были частные типографские предприятия: коммунисты находили доверенное подставное лицо, которое становилось арендатором частной типографии, или просто договаривались с владельцем, если он с сочувствием относился к коммунистам. В таких типографиях подпольщики, прикрываясь формальной вывеской предприятия, издававшего различную разрешенную литературу, работали целыми бригадами в течение короткого срока. Благодаря их находчивости материалы Коминтерна, КИМ, пленумов ЦК БКП смогли выйти в Болгарии большим тиражом.

Последняя глава посвящена периоду вооруженной борьбы болгарского народа против немецкой оккупации (1941—1944). Условия гестаповского террора привели к тому, что большие типографии почти не создавались и основным средством печати стал ротатор. Городские и районные партийные организации, а также партизанские отряды печатали пропагандистские материалы в основном на пишущих машинках, а часто переписывали их от руки. Наиболее активно в рукописном размножении нелегальных изданий, — пишет автор, — участвовали группы Рабочего молодежного союза. Это было одной из постоянных их задач, требовавшей титанического труда. Но «в самые тяжелые дни фашистской диктатуры издания от руки заполняли города и села» (стр. 428).

Одновременно работала и центральная типография ЦК БКП, созданная еще в 1939 г. Она находилась в самом центре Софии в доме видного столичного адво-

ката, у которого часто собирались министры, депутаты парламента, высшие военные чины. Типография обеспечивала регулярный выход газеты «Работническо дело» и других изданий в течение четырех с половиной лет.

В заключение автор пишет, что за 22 года в Болгарии было создано более 60 подпольных типографий. Большинство из них было просто ротаторными. Но подпольщики имели право называть их типографиями: «в них подпольные типографы печатали все — газеты, брошюры, воззвания и другие материалы в тисках экзemplяров» (стр. 505).

За свою деятельность подпольщики подвергались постоянным преследованиям. Многие сотни печатников, организаторов нелегальных типографий, курьеров были надолго брошены в тюрьмы. Погибли на боевом посту видные организаторы и рабочие типографий — Вл. Зографов, А. Юруков, Н. Богупев, Ст. Симеонов, Станчев и другие. Но и в самые трудные дни подпольные типографии не прекращали своей деятельности.

Р. П. Гришина

Н. ТОДОРОВ. *Филики Этерия и болгарите*. София, 1965, 170 стр.

Н. ТОДОРОВ. «*Филики Этерия*» и болгары

Организованное в 1821 г. тайным греческим обществом «Филики Этерия» восстание увенчалось в конечном итоге освобождением Греции от османского ига. Ныне становится все более очевидным, что немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что замыслы и действия этеристов далеко выходили за рамки собственно Греции. Их планы строились на координации усилий всех балканских народов в борьбе за освобождение. Во всех уголках Балканского полуострова действовали этеристские эмиссары — «апостолы». Но если в историографии получили освещение связи с этеристским движением революционных сил Валахии и Молдавии¹, Сербии² и отчасти Албании³, то Болгария осталась в этом отношении «белым пятном». В значительной степени этот пробел восполнен в работе болгарского историка Н. Тодорова.

В «Филики Этерия» участвовали болгарские купцы и ремесленники. Даже сохранившиеся очень неполные списки членов этого общества содержат свыше 25 имен болгар и уроженцев Болгарии (стр. 46). Готовя общеполитическое восстание, «Филики Этерия» назначила специального «апостола» для Болгарии. Им был грек по происхождению, офицер русской службы Дмитрий Ватикоти⁴.

В военных планах этеристских руководителей предусматривалась организация массового вооруженного восстания в Болгарии. Говоря о них Н. Тодоров приводит интересные факты, свидетельствующие о том, что в Болгарии население уже провело известную подготовку к восстанию. Автор отмечает, что в районах Габрово, Сливен, Елена (Северная Болгария) происходил сбор оружия, пороха, пуль (стр. 60—64). А когда Александр Ипсиланти и Тудор Владимиреску начали революционную борьбу, болгары приняли в ней самое активное участие. Добровольцы-болгары стекались под повстанческие знамена из самой Болгарии, из Молдавии и Валахии, а также болгарских поселений в Бессарабии, многие из жителей которых переправлялись за границу для участия в освободительной борьбе (стр. 72—74). Приведенные болгарским историком данные бесспорно свидетельствуют о большом числе болгар-добровольцев в революционных войсках Тудора Владимиреску и Александра Ипсиланти. Но утверждение автора о том, что «болгары составляли основной контингент войск этеристов в Валахии и Молдавии» (стр. 99) представляется слишком категорическим.

Для получения более точных данных об этническом составе повстанческих армий Ипсиланти и Владимиреску необходимы дополнительные изыскания с

¹ А. О џ е т е а. Tudor Vladimirescu și mișcarea eterista în Țările Românești. 1821—1822. Bukurești, 1945.

² М. Θ. Λ ά σ χ α ρ η ς. Ἐλλήνες καί Σέρβοι κατά τοὺς ἀπελευθερωτικοὺς τῶν ἀγώνων. 1804—1830. Ἀθήνα, 1936.

³ См. V. P a r a k o s t e a. La participation de la scrivain albanais Vechilhardji a la revolution de 1821.— «Balcania», t. VIII, Bucarest, 1945.

⁴ Помимо использованных автором материалов о Д. Ватикоти, см. также

Н. И. К а з а к о в. Борьба декабриста А. П. Юшневского за права и привилегии болгарских переселенцев в Бессарабии в 1816—1817 гг. — «Доклады и сообщения Института истории». М., 1957, № 11; «Устройство западных переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского». Сборник документов. Кишинев, 1957.

привлечением новых источников⁵. В этих армиях наряду с греками, валахами, молдаванами, болгарами было много сербов и албанцев. Все они, активно участвуя в революционном движении, организованном «Филики Этерией», стремились приблизить час своего национального освобождения. Болгары, как показывает Н. Тодоров, не являлись в этом отношении каким-либо исключением. В частности, он отмечает, например, что Александр Николаевич, один из болгарских капитанов в армии Владимиреску, имел официальные функции руководителя болгар и должен был стать их князем после начала восстания в Болгарии (стр. 69—70). О самостоятельной деятельности болгар говорит и посещение Александра Ипсиланти болгарской делегацией, сообщившей ему о подготовке восстания в Болгарии и поставившей вопрос о необходимости незамедлительной переправы этеристских войск через Дунай (стр. 79—80). В целом изложение политических планов и действий болгар в 1821 г. в исследовании Н. Тодорова еще больше выиграло бы, если бы ему предшествовал сжатый очерк социально-экономического и политического развития Болгарии в конце XVIII — начале XIX в.

Автор подробно, с привлечением новейшей греческой литературы, рассматривает социально-экономическое развитие Греции в конце XVIII — начале XIX в., историю греческого национально-освободительного движения. Вполне оправдано то большое внимание, которое он уделяет политическим воззрениям греческого революционера-демократа Ригаса Велестинлиса, идеи которого о братстве и сотрудничестве всех балканских народов послужили основой политической деятельности «Филики Этерии» на Балканах.

В книге достаточно подробно рассматривается также вопрос об отношении прогрессивной русской общественности и царского правительства к восстанию А. Ипсиланти. Автор убедительно показывает необоснованность появившейся в последнее время в литературе точки зрения о том, что подготовка этого восстания происходила якобы с ведома и одобрения русского правительства и самого царя⁶. В подкрепление развивае-

мых Н. Тодоровым доводов нам хотелось бы привести еще один важный аргумент. После Бухарестского мира 1812 г. царское правительство вынуждено было нормализовать отношения с Портой. Политика эта диктовалась как заботами Александра I об укреплении реакционного «Священного союза», так и необходимостью восстановления экономических и военных сил России, истощенных многолетними и изнурительными войнами. Стремясь избежать каких-либо осложнений с Турцией, царское правительство в эти годы не только не поощряло, но и сдерживало освободительные выступления балканских народов против османского владычества. Разумеется «покровительство» христианским народам Балканского полуострова по-прежнему оказывалось, но царская дипломатия строго придерживалась при этом формулы: «покровительство, — но в рамках договоров»⁷. Поэтому восстание А. Ипсиланти вызвало раздражение и осуждение царя не только из-за его революционного характера, но и как акция, сводившая на нет усилия русской дипломатии по нормализации отношений с Портой⁸.

Книга Н. Тодорова снабжена подробным списком литературы, указателем, резюме на русском и французском языках. В приложении к книге даются важнейшие документы, часть из которых публикуется впервые. Богатый фактический материал книги, как правило, почерпнут из наиболее солидных и заслуживающих доверия источников. Имеющиеся фактические неточности носят частный характер. Укажем на некоторые из них. Ригас Велестинлис не обращался конкретно в своем «Военном гимне», как это утверждает автор (стр. 34), ни к Али-паше Янинскому, ни к Мухаммеду-Али Египетскому. В отношении Мухаммеда-Али это было даже

L'Hetairie d'il y a cente cinquante ans. — «Balkan studies», v. 6, Thessaloniki, 1965, p. 263—264.

⁷ К сожалению, русско-турецкие отношения от Бухарестского мира 1812 г. до греческого восстания 1821 г. почти не изучены. Однако и имеющиеся немногие данные позволяют проследить эти основные установки царя в политических сношениях России с Османской империей. См., например: «Записка графа Иоанна Каподистрия о его служебной деятельности» — «Сборник русского исторического общества», т. 3. СПб., 1868, стр. 209—213; Н. Попов. Россия и Сербия. М., 1869, ч. I, стр. 154—168.

⁸ См. ответное письмо Александра I А. Ипсиланти, составленное по его поручению И. Каподистрией. А. Рокесх-Остен. Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkische Reiche, Bd. 3. Wien, 1867, S. 65—67.

⁵ Ценные сведения по вопросу о национальной принадлежности повстанцев в Молдавии и Валахии содержатся, в частности, в списке этеристов, интернированных летом 1821 г. в местечке Оргево (Бессарабия). См. Государственный архив Одесской области, ф. 1, оп. 249, ед. хр. 40, л. 422—587.

⁶ См. А. Оџетеа. L'Insurrection de 1821 dans les Principautés Danubiennes. — «Revue Romaine d'Histoire», t. I, Bucarest, 1962, p. 87—90; А. Оџетеа.

практически невозможно. «Военный гимн» был написан около 1796 г., а Мухаммед-Али стал правителем Египта в 1805 г.

Не совсем точны биографические данные об Александре Ипсиланти (стр. 56). Он потерял руку в сражении при Дрездене, а не при Кульме. Приняв руководство «Филики Этерией», Александр Ипсиланти не подал в отставку, а лишь оформил для себя отпуск⁹. Рассказывая о русском филэллите Н. А. Райко, автор

⁹ «Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826». СПб., 1906, стр. 195—196.

пользуется запиской декабриста Н. И. Лорера (стр. 74), тогда как о Н. А. Райко имеются более точные известия¹⁰.

В целом работа Николая Тодорова является серьезным исследованием. Она вносит определенный вклад в изучение истории Болгарии и греко-болгарских отношений.

Г. Л. Ари

¹⁰ См. Н. А. Райко. Биографический очерк.— «Русский архив», 1868, стр. 298—317.

НОВЫЙ ТРУД БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ¹

Имя Григория Цамблака (ок. 1365—1420) в XIV—XV веках было хорошо известно в Болгарии, Византии, Сербии, Румынии и России. Это был один из наиболее талантливых учеников Евфимия Тырновского. Автор многих литературных произведений, проникнутых духом предвозрождения, полных благородных идеалов и отличающихся целеустремленностью, страстностью и силой духа, Григорий Цамблук, несомненно, одна из самых ярких фигур средневековой славянской литературы.

Эпоха Цамблака — это период начала турецкого завоевания Балкан, период становления национальных централизованных государств Восточной Европы — Русского, Сербского и Молдавского. В эту трудную для славянских народов пору Цамблук призывает объединить усилия христианских государей Востока и Запада против нарастающей мощи турецких завоевателей. В сербской литературе ему принадлежит Житие Стефана Уроша III Дечанского и рассказ о перенесении мощей св. Параскевы из Тырнова в Визнию и Сербию, в русской литературе — Надробное похвальное слово московскому митрополиту Киприану, дяде Григория Цамблака, в румынской — Житие Иоанна Сочавского, в болгарской — Похвальное слово патриарху тырновскому Евфимию и многие другие. Рукописное наследие Цамблака огромно. Списки его сочинений в большом количестве находятся в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Киева, Софии, Рилы, Бухареста, Афона и многих других. Однако до сих пор, несмотря на наличие ряда серьезных работ (архимандрита Леониды, епископа Мельхиседека, П. Сырку, П. П. Соколова, Х. И. Попова, Э. Калужняцкого, А. И. Яцимирского, М. Г. Попруженко,

П. Поповича, В. Сл. Киселкова, Э. Турдеану, В. Велчева, Д. Радоичича, Б. Ст. Ангелова, Д. Трифуновича и др.), рукописное наследие Григория Цамблака далеко не полностью изучено текстологически. Следует приветствовать почин кафедры болгарской литературы и языкознания Высшего педагогического института имени Кирилла и Мефодия в Великом Тырнове в деле собирания и издания сочинений Цамблака. Вышедший недавно в свет труд П. Русева и А. Давидова — важный шаг вперед в этом направлении.

Авторы рецензируемого труда всесторонне знакомят нас с малоизвестным сочинением Цамблака «Мучение Иоанна Нового», бытовавшим в славянской письменности XV—XVII вв. В разделе «Григорий Цамблук в Румынии и в древнерумынской литературе» (стр. 7—86) П. Русев подробно исследует все обстоятельства появления Григория Цамблака в Сучаве, при дворе молдавского господаря Александра Доброго в 1401—1406 гг.; очевидно, в эти годы и было написано начатое еще в Белграде произведение о первом румынском святом в молдавских землях Иоанне Новом. П. Русев убедительно доказывает, что в последующие годы, в частности в середине XV в., Цамблук не жил в Румынии. П. Русев опровергает также мнение ученых, считавших, что Цамблук в 1402—1403 гг. еще жил в Сербии и, следовательно, не мог быть автором «Мучения Иоанна Нового».

Пребывание Цамблака в Румынии и его общественно-политическую деятельность П. Русев связывает с последними завоевания Турцией Второго Болгарского царства и попытками болгарских эмигрантов найти поддержку балканских государств в борьбе с поработителями. В этих условиях особенно значительным было обращение к образу Иоанна, «хранителя Молдавского княжества»: речь шла о независимости и территориальной целостности Молдавского государства.

¹ П. Русев, А. Давидов. Григорий Цамблук в Румынии и в старата румынска литература. Отговорен редактор И. Гълъбов. София, изд. на БАН, 1966, 198 стр.

Отдавая должное литературному мастерству писателя, П. Русев рассказывает о приемах, к которым прибегал Цамблак, пытаясь в рамках шаблонного сюжета раскрыть своеобразный характер своего героя, достойно описать его подвиг и мученическую смерть.

На стр. 90—109 книги воспроизводится текст «Мучения Иоанна Нового» по рукописи 1438 г., хранящейся в Библиотеке Румынской академии наук (Бухарест) под шифром Ms. sl. 164, а также новоболгарский перевод текста «Мучения». При выборе списка авторы рецензируемого издания опирались на текстологический опыт А. И. Яцимирского, который, издав этот же текст еще в 1906 г., писал, что все обнаруженные им многочисленные списки восходят к списку 1438 г., принимаемому за основной². Все же, на наш взгляд, публикаторы напрасно отказались от попытки еще раз заново проделать всю текстологическую работу и разыскивать новые списки этого сочинения в архивохранилищах и библиотеках. Авторский экземпляр «Мучения» не сохранился, и, хотя переписчик сочинения Цамблака монах Гавриил, по-видимому, хорошо передал многие особенности первоначального текста, его список, видимо, не вполне идентичен подлиннику. Поэтому текстологическое изучение всех списков, а также анализ разночтений были бы отнюдь не бесполезны.

Хотя текст рукописи 1438 г. передан с высокой степенью точности, перевод достаточно хорош, а фотокопии на стр. 110—122 ясны, — все это не исключает целесообразности полного крити-

ческого издания «Мучения Иоанна Нового» с учетом всех списков. Принимая во внимание вышеизложенное, хотелось бы выразить будущим публикаторам сочинений Григория Цамблака одно пожелание: не издавать только отдельные списки известных произведений, стараться публиковать критические издания памятников с учетом всех списков для того, чтобы исследователям-текстологам в будущем не делать много излишней, повторной работы.

Удачными в рецензируемой книге выглядят разделы А. Давидова «Правписание самого старшего списка «Мучения Иоанна Нового» и «Речник — индекс», в которых язык и орфография рукописи 1438 г. подвергнуты полному, точному и скрупулезному анализу. Подобные небольшие словари чрезвычайно важны при издании текстов средневековых славянских памятников — они в значительной мере облегчают освоение и использование опубликованных текстов современными исследователями.

С деятельностью Цамблака в Румынии связываются еще и другие произведения: 1) вторая редакция «Похвального слова св. Георгия», которое посвящено теме мужественной защиты своих убеждений; 2) молдавский вариант «Слова на светлый целостояний праздник», беседы «о поете, о милостыни и о нищих», которые посвящены теме защиты христианских догматов от магометанской критики.

Интересно было бы проследить и за всеми обстоятельствами распространения сочинений Цамблака в составе славяно-русских сборников, установить места их переписки, имена писцов и их покровителей, т. е. до конца исследовать всю литературную традицию Цамблака в славянских странах.

В заключение хочется от души поздравить болгарскую науку с полезной книгой, хорошим вкладом в славяноведение.

Ю. К. Бегунов

² А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Незвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. — «Памятники древней письменности», т. CLXIII, СПб., 1906.

ОПЫТ ПЕРВОГО ОБОБЩЕНИЯ

Юзеф Игнацы Крашевский по праву считается виднейшим зачинателем польской реалистической прозы. Его повести и романы с увлечением читались при жизни их создателя и в наши дни продолжают пользоваться успехом у массового читателя.

Оценивая наследство того или иного классика, литературоведы, как правило, имеют о нем более или менее цельное представление, почерпнутое из непосредственного чтения, по крайней мере, большинства его сочинений. С Крашевским дело обстоит иначе. О нем даже специалисты по польской литературе вынуждены судить не столько по первоисточникам, сколько по научно-критическим

отзывам. Причина этого проста: чтобы только прочитать все написанное Крашевским (не говоря уже о необходимости перечитывать тексты, устанавливая их источники и пр.), надо затратить около пяти лет. Неудивительно поэтому, что до недавнего времени не было в сущности ни одной работы об этом романсте, которая опиралась бы на полное знание его творчества. Первая такая работа «Исторические романы Ю. И. Крашевского» появилась лишь в прошлом году¹. Ее автор — профессор Винценты Да-

¹ W. D a n e k. Powieści historyczne J. I. Kraszewskiego. Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. Warszawa, 1966, 286 s.

нек, известный своими новаторскими трудами о Крашевском, о которых уже упоминалось в нашей прессе. Под его руководством в Польше уже много лет ведется работа по переизданию и всестороннему изучению сочинений Крашевского. Стараниям В. Данека польская общественность обязана, в частности, переизданием всех исторических романов писателя, снабженных послесловиями. Наличие таких небольших исследований, при отменном знании текста самих произведений, позволило В. Данеку осуществить опыт первого обобщения, действительно охватывающего всю историческую прозу романиста.

Книга «Исторические романы Ю. И. Крашевского» написана живо и популярно, с расчетом на широкий круг читателей (что особенно важно для учителей, нуждающихся в такого рода квалифицированном пособии). Но ее значение не исчерпывается популяризацией знаний о писателе. Автором рассмотрен ряд очень сложных научно-теоретических вопросов (как, например, о критериях исторического жанра). Благодаря четкому построению книги, лаконичному изложению материала, польский ученый сумел в сравнительно небольшой монографии не только по-новому осветить многие существенные проблемы, но и ознакомить читателей с тематикой и даже с содержанием большинства романов. Достигается это посредством умелой их группировки и такого «кустового» анализа, при котором они рассматриваются то по линии их тематического родства, то в плане их жанрового сходства и т. д. В результате читатель знакомится с наиболее показательными для Крашевского романами и получает возможность судить по ним о целых группах однотипных произведений. При этом автор старается по ходу изложения отмечать те сюжеты, проблемы и образы, которые позднее появятся также в творчестве других художников, — указания, несомненно, рассчитанные на ориентацию тех, кто интересуется проблемой преемственности и литературных связей².

² Заметим, кстати, что рецензируемую книгу существенно дополняет «Вступление» Данека к новейшему изданию романа Крашевского «Зыгмунтовские времена» (J. I. K r a s z e w s k i. *Zygmuntowskie czasy*. Wrocław, 1966. Wstęp napisał Wincenty Danek, s. III—XCVII). Здесь ученый обстоятельно освещает картину развития польской исторической прозы до 1846 г. и сущность дискуссии по проблемам исторического жанра; на этом фоне рассматривает теоретические взгляды Крашевского и его эволюцию как исторического романиста; обобщая, далее, специальные работы по роману «Зыгмунтовские времена», Данек анализирует композицию названного произ-

ведения, его связь с литературными традициями, творческий метод писателя и т. д. Одним словом, это «Вступление», насчитывающее свыше 90 страниц, представляет собой солидное монографическое исследование, заслуживающее специальной рецензии.

Первую главу своего чрезвычайно содержательного, строго аргументированного и оригинального исследования В. Данек посвятил истокам творчества писателя и характеристике его эрудиции, его связи с научным миром и т. д. Особенно интересны наблюдения автора над ключевыми историческими темами, которые выдвигались на передний план в первой половине XIX в. и в исследовательских трудах, и в школьных курсах, и в беллетристике и которые, в силу особых потребностей угнетенной Польши, освещались под углом определенной тенденции. Патриотическая идеализация былого могущества Речи Посполитой и династический принцип периодизации истории, навеянный представлениями о минувшем как о временах правления князей и королей, — вот те характерные черты научной и художественно-исторической литературы, которые, по Данеку, существенно повлияли и на формирование исторической концепции Крашевского и на структуру его романов.

Особого внимания заслуживает классификация произведений Крашевского. К его исторической прозе ученый отнес все те произведения, действие которых предшествует рождению их творца, и из этой массы сочинений о прошлом исключил лишь те, которые по существу являются либо образцами условно-литературного повествования о современной жизни («Сфинкс», «Орбека» и др.), либо комментированными изданиями документов («Жена белского старосты»). Так, Данек впервые определил состав историко-художественных произведений Крашевского и точно указал их количество — 94. В книге приводится их хронологическая таблица (с уточнением некоторых выходных данных). Затем дается их тематическо-хронологическая классификация, где они группируются уже по времени и характеру отраженных событий. Но эта группировка оказалась до того сложной и трудной, что автору пришлось ограничиться лишь условным, проблематичным решением — по нему он ждет больше всего замечаний и встречных предложений. Мне кажется, логичнее было бы разбить по рубрикам («1. Доисторические времена», «2. Ягеллонские времена» и т. д.) все произведения Крашевского (не исключая цикла из 29 романов). Ради большей последовательности деления надо бы, далее, те романы, которые с одинаковым основанием могут быть отнесены к двум и более рубрикам, выделить в особую смешанную группу.

ведения, его связь с литературными традициями, творческий метод писателя и т. д. Одним словом, это «Вступление», насчитывающее свыше 90 страниц, представляет собой солидное монографическое исследование, заслуживающее специальной рецензии.

И, наконец, думается, что польский ученый напрасно отказался от попытки формально-жанровой классификации. Не говоря уже о том, что она дала бы материал для раздумий всем, кого интересует влияние Крашевского на других писателей и вообще проблема развития исторического жанра, только такая классификация избавила бы исследователя от тех нарушений им же принятого основания тематическо-хронологического деления, к которым привела его необходимость как-то разграничить романы, слишком уж разнородные по форме (см. стр. 30). Конечно, принципы такой классификации нам еще не вполне ясны — в этом В. Данек прав. Однако же эта неясность не помешала ему, опираясь на фабульно-композиционные различия исторических романов Крашевского, выделить среди них и достаточно полно описать несколько жанровых разновидностей, как, например, роман-хронику, тип приключенческого романа и мемуарную форму, включающую в себя, в частности, и шляхетскую гавенду. Почему бы по такому же принципу не построить — пусть несовершенную, приближенную — полную классификацию?

Во второй главе речь идет об особенностях изображения польской истории у Крашевского. Лейтмотивом большинства произведений писателя служит, по Данеку, борьба за власть, определяющая фабульное построение романов и нередко выдвигающая в центр повествования известных истории лиц. Причем для Крашевского показательно стремление избегать героизации прошлого и приукрашивания могущества Речи Посполитой (в этом отношении он противостоял отечественной традиции, и это влияло на его историческую концепцию). Свою главную задачу в деле исторического просвещения и патриотического воспитания общества романист видел в разоблачении феодальной анархии, церковной реакции и германской агрессии. Определяя меру познавательной ценности произведений Крашевского, Данек — если не ошибаюсь — впервые осветил также вопрос о том, как понимал писатель ценность человеческой личности в ее отношении к истории. Глубже и полнее, чем делалось это до сих пор, охарактеризовал он и отношение романиста к различным историческим школам. Его наблюдения еще раз подтвердили, что у автора «Старого предания» преобладает стремление к сочетанию крайних точек зрения. Однако, поясняет исследователь, «трудно говорить об эклектическом характере концепции национальной истории в трактовке Крашевского» (стр. 116). Вывод осторожный, и это понятно, если учесть, что Данек опирается почти исключительно на художественные произведения. Между тем художник — даже если он очень привержен к своей доктрине — под давлением кон-

кретного материала сплошь и рядом вынужден корректировать ее, сознательно или непроизвольно отклоняться от нее и т. д. Поэтому извлечь из образного потока огромной серии романов ведущую авторскую мысль и изложить ее в виде определенной концепции — дело не только трудное, но и, пожалуй, безнадежное. Но, с другой стороны, чтобы свободно ориентироваться в идейном лабиринте художника, надо знать его концепцию, так сказать, в ее логически обнаженном, абстрактном виде. Представление о такой концепции могут дать научно-исторические исследования Крашевского. Конечно, эта система взглядов вряд ли окажется вполне адекватной тому, что раскрывается в романах. Но именно это расхождение и существенно: установить его — значит очертить тот круг вопросов, в плоскости которого лежат причины отклонений романиста от принятой доктрины; значит углубиться в анализ творческой психологии и законов мастерства. Впрочем, здесь мы уже забегаем вперед, вторгаясь в область предстоящих исследований, основательную почву для которых подготовила рецензируемая монография. Ее автор описал историческую концепцию Крашевского такой, какой она представляется по романам — тем самым он выполнил наиболее трудоемкую и сложную часть задачи.

Третья глава содержит обзор исторических источников, к которым обращался романист, и характеристику способов их использования. Главное, что, по наблюдениям Данека, отличает метод Крашевского, — это стремление к предельной документальности фабул и картин.

Четвертая глава, где характеризуется форма романов, пожалуй, самая интересная и ценная часть работы, ибо здесь освещена наименее изученная сторона исторической прозы Крашевского. Свообразная целевая установка, упор на аутентичное изображение и соответствующий творческий метод беллетризации источников, определяющий структуру произведений, — все это, по Данеку, дает основание утверждать, что польский писатель создал особый, документальный тип исторического романа, существенно отличающийся от традиционной вальтерскоттовской формы. Внутри этого типа исследователь различает, как уже упоминалось, несколько жанровых разновидностей и в зависимости от их спецификации характеризует повествовательную технику романиста и излюбленные им элементы сюжетостроения (мотив взаимоотношений слуги и господина, мотив путешествий и пр.). Причем последние интерпретируются Данеком как формально-содержательные категории, т. е., с одной стороны, они увязываются с абстрактной, самой общей характеристикой традиционных элементов «бродячего» сюжета, а с другой — с их конкретной функцией в

романах Крашевского, где они служат целям выражения некоторого особого содержания его исторической концепции. Говоря о композиционной функции элементов случайности в романах Крашевского, ученый доказал, что они, как правило, вводятся художником с целью подчеркнуть закономерный характер исторического процесса в целом. Очень ценны в книге те страницы, где рассматриваются принципы типизации, язык и стиль писателя. Эти наблюдения проливают свет не только на заслуги самого Крашевского, но и позволяют существенно уточнить меру достижений других исторических романистов. Справедливо выражает автор сторонникам точки зрения С. Бачиньского, согласно которой в романах Крашевского все времена и типы якобы могут быть отнесены к одной эпохе. Однако, мне кажется, причина этого заблуждения коренится не столько в неполном знании сочинений Крашевского (в конце концов, чтобы удостовериться в истине, достаточно взять хотя бы по одному роману из разных эпох и показать — как это сделал Данек, — что художник не модернизирует картин прошлого), сколько в нечетком разграничении двух вопросов — о верности романиста истории и о стилистической близости его сочинений. Известно, что произведения разных писа-

телей об одном и том же времени в стилистическом отношении различаются намного сильнее и резче, чем произведения одного художника о разных эпохах, — именно здесь, по-моему, заключен основной источник путаницы и чересчур поспешных обобщений.

Пятая глава представляет собой сжатый историографический обзор, в котором главный акцент сделан на восприятии произведений Крашевского.

Книга заканчивается небольшим заключением, где автор рассматривает вопрос об отношении Крашевского к другим историческим романистам. Среди предшественников Крашевского наиболее влиятельных его учителей, по Данеку, надо искать не среди польских, а среди зарубежных классиков исторического романа (стр. 247—248) — вывод любопытный и убедительно аргументированный.

Без преувеличения можно сказать, что новая книга Винценти Данека — это труд, к которому будут обращаться все, или почти все, специалисты по истории польской литературы XIX в. как к единственному на сегодняшний день полноценному обобщению, основанному на достоверном знании всего творчества знаменитого польского писателя.

И. К. Горский

КНИГА ОБ АРМЯНО-БОЛГАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

За последнее десятилетие армянские и болгарские ученые посвятили немало работ изучению межнациональных литературных связей. Однако до сих пор недостаточно освещена история литературных и культурных связей Болгарии с народами Закавказья. Поэтому нельзя не считать отрядным фактом выход в свет монографии К. А. Джингозяна¹, посвященной этому вопросу, в которой содержится большое количество новых и интересных материалов.

В первой главе «Истоки вековой дружбы» (стр. 9—36) автор прослеживает общность исторических судеб армянского и болгарского народов со времен далекого прошлого.

Армяно-болгарские взаимоотношения имеют примерно двухтысячелетнюю историю. Об этом красноречиво свидетельствуют приводимые автором рецензируемой книги сведения армянских историков Мовсеса Хоренаци (V в.), Себеоса (VII в.), Степаноса Таронци (X в.), Аристакеса Ластивертци (XI в.) и др.

Об армянской письменности и литературе знали уже первые болгарские просветители, создатели славянских письмен

братья Кирилл и Мефодий (IX в.). Среди учителей Кирилла были и армянские ученые — видный философ Фотий и известный физик и математик Левон.

Автор упоминает и такой факт о Кирилле: защищая новую славянскую письменность и литературу от нападок приверженцев так называемого догмата «трезвизычя», Кирилл приводит в качестве примера и армян, как народ, имеющий свою письменность и литературу и проводящий богослужение на родном языке.

С давних времен начались переселения армян в Болгарию, а болгар — в исторические пределы Армении.

Сходны судьбы болгарского и армянского народов и в том отношении, что оба они пережили опустошительные нашествия и продолжительное чужеземное владычество.

Автор считает, что результатом многовековых общений двух народов следует объяснить также наличие сходных мотивов в некоторых армянских и болгарских обычаях, в музыке, хореографии, архитектуре, ремеслах и т. п. В основном же внимание исследователя сосредоточено на армяно-болгарских литературных связях XIX в.

В период просветительства и национально-освободительной борьбы армянского и болгарского народов еще больше укрепляется их вековая дружба. Болгар-

¹ К. А. Джингозян. Из истории армяно-болгарских литературных связей (XIX век). Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1966 (на армянском языке).

ское гайдукское и революционное движение, особенно всенародное Апрельское восстание в Болгарии 1876 г., вызвало горячее сочувствие армянского народа. Героическая борьба болгар против турецкого ига явилась ярким примером мужества и стойкости для армянских патриотов. Вскоре она становится источником творческого вдохновения для ряда армянских писателей и публицистов. Эти вопросы рассмотрены автором во второй главе книги.

Заслуживают внимания приводимые автором сведения о константинопольском издателе Т. Дивитджяне (1810—1878), который отпечатал в своей типографии несколько десятков болгарских книг и распространил их в Болгарии. Как указывает армянский издатель и историк Теодик, Дивитджян во время Апрельского восстания выпустил небольшие листовки, призывавшие болгар к активной борьбе.

Армянская передовая печать (журнал «Порц» и газета «Мшак») широко освещала события на Балканах. Патриотические стихи выдающегося армянского поэта Р. Паткяняна («Песня матери...»), «Бесконечные жалобы», «Протест Европе» и другие были написаны под непосредственным впечатлением освободительного движения балканских славян. Р. Паткянян, А. Паронян, Раффи и другие армянские писатели-патриоты выразили горячую поддержку вооруженной борьбе болгарского народа и в своих произведениях пропагандировали ее как единственно правильный путь к освобождению западных армян.

В книге подчеркивается, что освободительное движение балканских славян и в особенности освободительная борьба болгар нашли яркое отражение в произведениях Раффи. Когда были утрачены надежды на освобождение армянского народа, связанные с Берлинским конгрессом, у Раффи еще более укрепились идеи освобождения армян с помощью русских. В этом вопросе он исходил из живого примера болгар. Влияние вооруженной борьбы южных славян особенно сказалось в романе Раффи «Хент», в котором высказывается идея организации освободительного движения по примеру болгарских патриотов.

Особый интерес представляет параллель, проводимая автором книги между Л. Каравеловым и М. Налбандяном. Это — первая попытка найти точки соприкосновения в их деятельности. Десятки лет оба они жили и творили в России, одновременно учились в Московском университете, были тесно связаны с русскими «шестидесятниками», и в частности с «лондонскими пропагандистами» — Герценом, Огаревым и Бакуниным, прибегали к их помощи в организации национально-освободительной борьбы в своих странах. К сожалению, говоря об идейной близости

и общности творческих интересов Налбандяна и Каравелова, автор не упоминает такой факт: свое произведение «Свобода» Налбандян написал под влиянием одноименного стихотворения Огарева, а «Песнь Раковского» Каравелова — вольный перевод «Свободы» Огарева.

Третья глава монографии «Первые восприятия болгарской литературы. Любен Каравелов и армянские студенты Петербурга» (стр. 88—132) посвящена переводам на армянский язык патриотических повестей Л. Каравелова. На основании тщательного исследования очень важного, неизвестного ранее фактического материала автор верно раскрывает общественно-политические стимулы переводов произведений Каравелова, показывает живой интерес к ним армянской общественности и дает правильное объяснение их возникновению и значению.

Любен Каравелов — первый болгарский писатель, который уверенно вошел в духовный мир армянского читателя. Первыми переводчиками Каравелова были обучающиеся в Петербурге армянские студенты, которые наметили перевести и издать целый ряд книг для того, чтобы на примере освободительной борьбы других народов подготовить турецких армян к восстанию. Изучив все книжки, изданные от имени студенческого общества, автор показывает, что большая часть этой литературы относится к истории освободительного движения болгарского народа. Армянские студенты отбирают из изданного на русском языке сборника «Страницы из книги страданий болгарского племени» Каравелова, переводят в 1887 г. на армянский язык и издают отдельными книжками повести: «На чужой могиле без слез плачут», «Неда», «Атаман болгарских разбойников», «Дончо», а в 1896 г. — повесть «Турецкий паша». Эти реалистические повести, проникнутые революционной романтикой, своей разоблачительной силой и освободительными идеями перекликались с патриотическими стремлениями армян-студентов.

Сравнив переводы с оригиналом, автор указывает, что при переводе первой повести студенты попытались «арменизировать» произведение Каравелова: ряд имен болгарских героев и названий городов был заменен армянскими именами и названиями.

Смелые разоблачения Каравеловым болгарских чорбаджи были направлены в адрес армянских эфенди, которые вместе с турецкими угнетателями собирали армянское трудовое крестьянство. И неслучайно, что благодаря этим переводам произведение болгарского писателя «На чужой могиле без слез плачут» было воспринято армянским читателем и пропагандировалось в армянской прессе как повесть, «взятая из жизни несчастных, угнетенных турецких армян». Этот факт, на что справедливо обращает внимание

автор, еще раз свидетельствует об общности в исторических судьбах армян и болгар.

Переводы из Каравелова глубоко взволновали таких видных деятелей армянской культуры, как Р. Патканян, Г. Агаян, Лео, Г. Енгибарян, Ал. Цатурян и др. Литературный обозреватель газеты «Ардзаганк» Е. Енгибарян, выступивший с горячей защитой идейных и художественных достоинств повестей, переведенных из Каравелова, вопрошает в своей статье: «Почему можно переводить произведения Гофмана, Андерсена и других, а не произведения такого яркого писателя, как Любен Каравелов?» («Ардзаганк», 1887, № 45).

В центре внимания армянских студентов оказываются и произведения З. Стоянова. Издававшиеся от имени студенческого общества книжки говорят о том, что армянские студенты были хорошо знакомы с историей болгарского народа и что переводы из болгарской литературы не могли носить случайный характер. И вот в четвертой главе монографии «Романтика освободительной борьбы. Записки Захария Стоянова» (стр. 132—182) автор рассматривает армянские переводы историко-биографических очерков Захария Стоянова, а также его «Записок о болгарских восстаниях». К. А. Джингозян отмечает их влияние на общественно-политическую жизнь армян. Подобно повестям Каравелова, переводы из З. Стоянова, в частности «Хаджи Димитр и Стефан Караджа», «Дьякон», получив путевку в жизнь, проникли в духовный мир армянского читателя. Интересны и важны приводимые автором рецензируемого труда высказывания известного армянского историка и писателя Лео об этих патристических книгах, об их идейном влиянии на армянскую молодежь в 80—90-е годы.

Далее в книге рассматривается литературное переложение на армянский язык крупного произведения З. Стоянова «Записки о болгарских восстаниях». После смерти З. Стоянова известный публицист и издатель марсельской газеты «Армения» М. Португалиан выпускает отдельной книгой армянский перевод работы французского слависта Луи Леже «Болгарский патриот Захарий Стоянов». Внимательно изучив переписку между Луи Леже и М. Португалианом, автор находит, что последний взялся за этот перевод, так как находил много общего между историческими судьбами армянского и болгарского народов и, представляя армянам историю освободительного движения болгар, укреплял их надежды на будущее.

Изучение автором документов петербургского цензурного комитета показало, что в новых политических условиях царская цензура упорно преследовала все то, что явно или тайно возбуждало вопрос о свободе Западной Армении. По этой

же причине вместе с патристическими произведениями Х. Абовяна, М. Налбандяна, Р. Патканяна, Раффи и других видных армянских писателей подвергались гонениям и армянские переводы болгарских писателей. Боязнь петербургского цензурного комитета обуславливалась тем, что «армянская книга, описывающая деятельность тайного болгарского комитета, может быть воспринята как программа при распространении армянской пропаганды в Армении». Приведенные в монографии факты свидетельствуют о том, что переводы из З. Стоянова продолжали проникать различными путями не только в Россию и Закавказье, но и в Турцию.

Изучению армяно-болгарских литературных связей конца XIX и начала XX столетия посвящена последняя, пятая, глава книги «Продолжение литературных традиций. Иван Вазов на армянском языке» (стр. 183—239). Замечательные произведения Ивана Вазова стали известны армянской общественности с 90-х годов прошлого столетия. При рассмотрении армянских переводов повестей Вазова «Белимелец» и «Отверженные» с языка оригинала автор монографии счел необходимым обратиться также и к некоторым вопросам переводческого искусства. Сравнение показало, что не во всех случаях армянским переводчикам Вазова удалось правильно воспроизвести тонкие выражения оригинала и насыщенные национальным колоритом красочные описания.

Армянские переводы И. Вазова выходили в свет в разных уголках мира: в Варне и Баку, Александрополе и Петербурге, в Софии и Александрии, Тифлисе и Бостоне.

Самым значительным событием в армянской переводческой литературе явилось издание в Петербурге романа И. Вазова «Под игом», переведенного в 1903 г. с русского издания Ов. Арабаджяном. Автор приводит следующий красноречивый факт: этот выдающийся роман Вазова в 1903—1906 гг. вышел в четырех армянских изданиях.

Автор правомерно утверждает, что по своему идейному звучанию роман «Под игом» соотносим с произведениями крупного армянского романиста Раффи, в частности с его «Хентом».

Обнаруженный при сравнении русского и армянского переводов с болгарским текстом целый ряд фактов грубого вмешательства царской цензуры и подробности, сообщаемые К. А. Джингозяном о различных отношениях прогрессивного армянского читателя и армянской цензуры к роману «Под игом», представляют несомненный интерес.

Проникновение реалистических произведений Л. Каравелова, З. Стоянова, И. Вазова и других болгарских писателей в армянскую действительность автор счи-

тает историческим закономерным явлением и указывает, что вместе с патриотическими произведениями Х. Абовяна, М. Налбандяна, Р. Патканяна, Раффи, Мурацана они способствовали росту национального самосознания армянского народа.

Затем в книге говорится о дальнейшем развитии армяно-болгарских литературных связей, когда заметным становится проникновение армянской тематики в болгарскую литературу (переводы на болгарский язык повести Раффи «Джалаледдин» и стихотворения Р. Патканяна «Слезы Аракса», известное произведение П. Яворова «Армяне» и др.).

Последовательность, стройность, логичность в изложении материала, богатство новых и чрезвычайно интересных фактов, их тщательная научная интерпретация, правильный методологический подход, четкая постановка проблемы взаимоотношения армянской и болгарской литератур и важные научные результаты позволяют сказать, что монография К. А. Джингозяна представляет собой ценный вклад в сравнительное литературоведение и имеет значение не только для советского, но и для болгарского литературоведения.

Э. А. Григорян

ПЕРВОЕ УКРАИНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ГЕНИАЛЬНОМ ЧЕШСКОМ САТИРИКЕ

Не считая биобиблиографического указания, составленного И. А. Шмельковой, за последние десять лет в Советском Союзе было издано одиннадцать очерков и исследований о жизни и творчестве Ярослава Гашека.

В 1965 г. вышла еще одна — двенадцатая по счету — работа, принадлежащая перу украинского богемиста В. И. Шевчука¹.

В украинском литературоведении до сих пор еще не было попытки исследовать жизненный и творческий путь Я. Гашека. Как правильно отмечается в новой книге, из всех обзоров и статей разных журналов лишь некоторые сохранили свое научное значение — особенно статья В. Державина «Юмор Ярослава Гашека» («Критика», 1929, № 1). Таким образом, работа В. Шевчука является первым на Украине научным исследованием творчества Гашека, исследованием, в котором попутно раскрывается как общественная, так и личная жизнь чешского сатирика.

Все вышедшие за последние годы труды советских исследователей объединяет общее стремление по-новому осветить образ гениального писателя, и особенное внимание уделяется его пребыванию в Советском Союзе. Однако каждый исследователь, естественно, вносит в оценку и характеристику Гашека что-то свое, открывая в его творчестве новые стороны, сдвиги и повороты.

Изобилие трудов о Гашеке свидетельствует о возрастающем интересе к его личности и произведениям. И все же творчество этого выдающегося мастера социальной сатиры еще далеко не в полной мере раскрыто и понято нами.

Главная цель нового исследования, как указывает сам автор, состоит в том, чтобы дать анализ творческого пути Гашека с учетом всех наиболее значительных исследований, вышедших ранее, рас-

крыть общественное значение его сатиры, показать специфику его эстетического воздействия на читателя.

Учитывая лучшие достижения советского «гашековедения» (в своей книге В. Шевчук употребляет слово «гашекология»), автор касается самых актуальных и наиболее спорных вопросов, — отстаивая одни положения, возражая против других. Обильно использует В. Шевчук и чешские источники, оживляя их новой научной аргументацией. При этом он не дублирует, не повторяет их, а весьма удачно популяризирует в ходе полемики и анализа. Если чешские исследователи с исчерпывающей полнотой описали жизнь и творчество гениального сатирика, как бы давая таким путем характеристику его эпохи, то украинский критик старается, воскрешая перед читателем эпоху, объяснить через нее Гашека.

Книга Шевчука состоит из трех частей, вступления и резюме. В первой части рассматривается ранний период творчества писателя (1900—1914) и отмечается, что после революции 1905 года юмор Гашека постепенно перерастает в острую социальную сатиру. Автор определяет отличительные черты юмора писателя.

Решающее значение для дальнейшего развития творчества чешского сатирика имели годы его жизни, проведенные в русском плену, а затем в рядах Красной Армии. Во второй части книги «Через войну и революцию» обстоятельно рассказывается об этом периоде (1915—1920). В связи с пребыванием Гашека на Украине автор уделяет много внимания его отношению к освободительной борьбе украинского народа в годы Октябрьской революции и гражданской войны. Этот вопрос рассматривался и ранее в трудах советских и чешских исследователей, но не с такой полнотой, как это сделал В. Шевчук. Далее, украинский критик подробно проанализировал произведения, написанные в это время Гашеком на русскую и украинскую тематику, и опре-

¹ В. И. Шевчук. Ярослав Гашек. Життя і творчість. Київ, 1965, стр. 235.

делил их значение в общем процессе творческой эволюции писателя.

Значительнее двух первых частей как по объему, так и по широте анализа художественного материала, — третья часть, посвященная разбору «Похождения бравого солдата Швейка». Автор вносит некоторые элементы новизны в интерпретацию образа главного героя — Швейка, которого он считает фигурой жизненной и гротескной; поэтому с его точки зрения излишне искать в романе эволюцию характера Швейка. Его образ не построен по законам психологического жанра: в основном Швейк является носителем определенной тенденции и его реакция на события и явления вызывается характером самих этих событий и явлений, а не особенностями его психики.

К сожалению, автор ничего не сказал о существовавших в действительности прототипах персонажей романа, с которыми Гашек служил вместе в армии или просто был знаком, например: об оберлейтенанте Лукаше, фельдфебеле-счетоводе К. Ванеке или старшем фельдкурате Ибле. Последний еще жив (настоящее его имя Ян Эйбль). Он живет в доме для престарелых священников под Прагой. Сейчас ему 83 года. Он выступает с воспоминаниями о Гашеке.

Надо отметить как одну из положительных сторон исследования В. Шевчука то, что в третьей части своего труда он затрагивает вопрос о влиянии Гашека на других чешских писателей. Так, например, в творчестве К. Чапека заметны заимствованные им у Гашека композиционные и стилевые приемы построения произведений на политические темы.

Отметим и некоторые недочеты книги. Думается, что в этой первой украинской книге о Гашеке непременно нужно было дать и критический анализ отдельных переводов его романа «Похождения бравого солдата Швейка» и в особенности — перевода, сделанного в 1958 г. С. Масляком. Критик заявляет, правда, что, имея в виду авторитет С. Масляка как переводчика, нет оснований сомневаться в смысловой идентичности перевода (стр. 194). Но тем не менее для второго издания этого же самого перевода потребовалось отредактировать его заново, что и было

выполнено известным переводчиком Г. Кочуром, устранившим в новой, исправленной редакции ряд слов, не соответствующих духу украинского языка, как например: «вільноопреділяючийся» вместо правильного «однорічник» и др.

Желательно было бы раскрыть псевдонимы первых львовских переводчиков романа о Швейке — Зорко и Залужного (в действительности Н. Топольницкого и Ю. Шкрумеляка — см. ж. «Жовтень», 1958, № 4, стр. 152).

Мелкие неточности были допущены и самим критиком — при передаче, например, наименований воинских званий австро-венгерской армии на украинском языке. Оберлейтенант Лукаш в книге выступает то как «підпоручник» (стр. 210), то как «поручник» (стр. 197, 201), а должно быть «надпоручник», а лейтенант Дуб — как «підпоручник» (стр. 190, 202) вместо «поручник». Очевидно, по недосмотру заглавие одной и той же юморески Гашека на стр. 74 дается, как «Повість про портрет цисаря Франца-Йосифа I», а на стр. 77 — «Оповідання про портрет цисаря Франца-Йосифа I». Попадаются ошибки и в транскрипции на украинском языке иностранных имен собственных: «Сагнер» вместо «Загнер» и др.

Наконец, позволим себе сказать следующее: мы вполне солидаризируемся с утверждением автора, что современного украинского, как и вообще советского читателя интересует не анекдотический, а подлинный образ писателя, прошедшего через огонь Октябрьской революции и гражданской войны в России. Но В. Шевчук дает чрезвычайно тщательный анализ творчества Гашека, в то время как личность этого живого, темпераментного человека, с его беспокойным, бунтарским характером не выступает перед нами достаточно ярко и выпукло. Причиной этого, должно быть, является некоторая сухость изложения.

Несмотря на указанные недочеты и мелкие ошибки, интересную и хорошо написанную книгу В. Шевчука можно считать серьезным достижением украинского славяноведения и несомненным творческим успехом автора.

И. Н. Лозинский

«*Sorbischer Sprachatlas*». Bd. 1. Feldwirtschaftliche Terminologie bearbeitet von H. Faßke, H. Jentsch und S. Michalk mit einer kurzgefaßten siedlungskundlich-demografischen Einleitung von F. Mětsk. Bautzen, 1965, 245 S.

«*Серболужицкий лингвистический атлас*»

Славянская лингвогеография пополнилась новым изданием: вышел в свет подготовленный в Институте серболужицкого народоведения (ГДР) первый том (из предполагаемых двенадцати) Серболужицкого лингвистического атласа¹. Авторы тома — Г. Фаске, Г. Енч и З. Михалк; ими же осуществлена коллективная редакция тома.

Карты опубликованного тома посвящены лексическим диалектным различиям в тематически ограниченном круге лексики, связанной с сельским хозяйством. В соответствии с этим в рецензируемом томе интерпретируется материал ответов на раздел VII («Landwirtschaft») вопросника², по которому ведется диалектологическое обследование территории распространения серболужицких языков.

Оценивая работу лужицких лингвистов, следует прежде всего подчеркнуть, что для них создание диалектного атласа не только было сопряжено с обычными трудностями, которые ожидают диалектологов на этом пути, но и требовало решения ряда специфических задач. Хотя серболужицкое языкознание уже в начале 30-х годов располагало опытом лингвогеографической интерпретации диалектного материала, в последующие три десятилетия традиции сорабистики вообще и серболужицкой диалектологии в частности, по существу, были прерваны. Была нарушена и преемственность кадров сорабистов. Поэтому серболужицкие лингвисты, начав в конце 50-х годов работу над атласом, многое должны были решать заново. Сложность ситуации усугублялась тем, что к работе над атласом приступили молодые лингвисты, которые в значительной мере именно в ходе этой работы формировались как исследователи.

В то же время нельзя не отметить и благоприятных обстоятельств, сопутствовавших составлению первого тома Серболужицкого атласа. Мы имеем в виду тот опыт, который был накоплен славянской лингвогеографией, в частности в

области интерпретации лексических диалектных различий, к концу 50-х — началу 60-х годов³.

Среди славянских диалектных атласов серболужицкий атлас занимает особое положение: его задача не только отразить диалектное членение серболужицких языков, но и зафиксировать для науки сведения о диалектах, часть из которых вскоре несомненно будет вытеснена немецким языком.

Еще в начале 30-х годов П. Вирт писал, что ввиду интенсивной германизации лужицких сербов создание серболужицкого диалектного атласа является неотложной задачей⁴. Последующие десятилетия подтвердили правоту Вирта: вымерли и тем самым потеряны для науки целые диалектные массивы. Поэтому заслуживает всяческого уважения стремление лужицких лингвистов как можно быстрее ввести в научный оборот данные серболужицкой диалектологии.

Как явствует из соображений, изложенных во Введении (стр. 12, 13), авторы атласа следующим образом группируют лексические диалектные различия: 1) различие, выражающееся в существовании определенного обозначения в одном диалекте при отсутствии его эквивалента в другом; 2) различие, при котором семантически тождественные слова содержат разные корневые морфемы; 3) различие, при котором семантически тождественные слова образованы от одного корня, но различаются аффиксами; 4) различие, при котором тождественные в семантическом и в словообразовательном отношении

³ Среди работ уделяющих специальное внимание интерпретации лексических диалектных различий, следует в первую очередь назвать: «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957; «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Пад рэд. Р. І. Аванесова, К. К. Крапіны, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963; И. О. Дзендзелевский. Лингвистичний атлас українських народних говірів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ужгород, ч. I, 1958; ч. II, 1960; «Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», zesz. 1. Wrocław, 1964; «Вопросы теории лингвистической географии». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962; Л. П. Жуковская. Типы лексических различий в диалектах русского языка. — «Вопросы языкознания», 1957, № 3.

⁴ P. W i r t h. Ibid., Irg. 1, Textband, S. VI.

¹ Названием Sprachatlas (а не Dialektatlas) авторы атласа хотят подчеркнуть преемственность традиций серболужицкой лингвогеографии (стр. 5). Ср. название первого серболужицкого диалектного атласа: P. Wirth. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas. Leipzig, 1933—1936.

² Fragenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas. T. 1, 2. Вопросник подготовлен в Институте серболужицкого народоведения и содержит 23 тематически сгруппированных раздела.

слова различаются грамматической характеристикой; 5) различие, при котором тождественные в семантическом и словообразовательном отношении слова различаются отдельными фонемами⁵.

Семантические различия, как правило, в рецензируемом томе не рассматриваются (исключение — карты 45 и 57). Однако некоторые выводы о семантических различиях можно сделать при сопоставлении разных карт и данных, извлеченных из комментариев к картам (стр. 12).

Перечисленные диалектные различия представлены на картах в разных аспектах. Большая часть карт отражает то, как в разных диалектах обозначается определенное понятие. На этих картах в качестве объекта картографирования обычно выступает целое слово, реже — изолированный аффикс. Две карты (12, 13) показывают распространение данного слова в определенном значении. Карты 7, 29, 32, 45, 51, 57, 83 отражают распространение слова, соотносимого с определенной праславянской реконструкцией; вариантом карт этого типа является карта 37, посвященная распространению семантически тождественных производных от данного праславянского корня.

Всего карт, посвященных отдельным различиям, в томе — 85.

Карты выполнены с помощью линий в сочетании с надписями; геометрические фигуры используются как дополнительные знаки (стр. 13). Используются две разновидности линий: одна для картографирования различий непротивопоставленных и различий, состоящих в употреблении разных корневых морфем в составе семантически тождественных слов; другая — для картографирования различий, состоящих: 1) в использовании разных аффиксов и окончаний в семантически тождественных словах, образованных от одного корня, 2) в неодинаковой грамматической отнесенности тождественных в отношении морфемного состава слов, 3) в неодинаковом фонемном составе тождественных в отношении морфемного состава слов (стр. 13). Таким образом, средствами картографирования выделяются не все принимаемые авторами атласа типы лексических различий: они объединяются в две произвольные группы.

В атласе не дается общего определения хронологии объекта картографирования. Что касается конкретных карт, то они в этом отношении неоднородны. Например, карта 8 отражает различие, связанное с употреблением названий, которые прини-

маются за исконные для серболужицких языков, т. е. все более поздние образования не включаются в диалектное различие. Напротив, карты 20, 28, 30, 39, 43, 47, 63 строго синхронны и не учитывают генезиса отдельных членов диалектного различия.

Каждая из карт сопровождается комментариями, цель которых, по определению авторов, дать по возможности исчерпывающую документацию картографируемого явления (стр. 14). В комментариях дается объяснение картографируемого понятия, приводятся его диалектные обозначения в их фонетических вариантах, предлагается этимология диалектных обозначений (на уровне праславянской реконструкции); комментарии содержат извлечения из серболужицких словарей и некоторых других источников, касающихся слов, так или иначе включенных в картографируемое различие.

В рецензируемый том включены 10 сводных карт, на которые нанесены пучки изоглоссы, выявленных при картографировании отдельных диалектных различий. В зависимости от степени территориальной близости и совпадения конфигурации изоглоссы одного пучка, авторы атласа различают два типа пучков: более концентрированный они называют *Bündel*, более рыхлый — *Staffel*. На каждую из сводных карт нанесен лишь один пучок того или иного вида. При этом в каждом из пучков объединены изоглоссы однотипных различий: это различие или в составе корневых морфем или в словообразовательных элементах. Указание на тип диалектного различия предшествует каждой из сводных карт. Вызывает однако недоумение тот факт, что на сводных картах непротивопоставленные диалектные различия почему-то квалифицируются как различия в корневых морфемах (см. карту 86, изоглоссы 1,2; карту 87, изоглоссы 4,5; карту 89, изоглосса 9).

Выявленные пучки изоглоссы позволяют внести некоторые коррективы в существовавшее представление о диалектных границах на серболужицкой территории (стр. 12).

Кроме собственно лингвистической части в первый том атласа включен очерк известного лужицкого историка Ф. Метшка, освещающий некоторые существенные для лингвогеографического изучения диалектов вопросы заселения и развития области распространения серболужицких языков. Исчерпывающее представление о ходе работы над атласом можно извлечь из вводных частей атласа. Обширный и хорошо составленный справочный аппарат (стр. 17—32) облегчает пользование атласом.

В адрес первого тома Серболужицкого лингвистического атласа могут быть высказаны следующие замечания.

В ряде случаев наблюдается смешение синхронного и диахронического планов

⁵ Согласно типологии лексических диалектных различий, предложенной Р. И. Аванесовым и Л. П. Жуковской (см. «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 147—170), первое из названных различий относится к числу непротивопоставленных, остальные к числу противопоставленных.

при определении типа диалектного различия. Так, представленное на карте 17 (название семян для посева) различие между словами *seme*, *sewo*, *sywo* квалифицировано как различие в суффиксах при тождестве корневой морфемы (стр. 12). Такое суждение может быть приемлемо с диахронической точки зрения. В синхронном же плане *seme* и *sewo*, *sywo* не соотносимы в словообразовательном отношении, так как *seme* в современном языке является непротоиндоевропейским. В синхронном плане *seme* отличается от *sewo*, *sywo* корневой морфемой. На карте 3 различие, связанное с обозначением действия 'метать стог', квалифицировано как непротоиндоевропейское. Однако, как явствует из комментариев, реальное положение в диалектах не удовлетворяет условиям, в которых можно констатировать непротоиндоевропейское различие (т. е. наличие слова в одном диалекте при отсутствии эквивалентного по значению слова — в другом). В говорах территории, снабженной надписью «spezielle Bezeichnung fehlt», употребляются слова *korickočas*, *koricočas*. Авторы атласа не включают эти слова в состав диалектного различия на том основании, что они в сравнении с *koris* представляют собою хронологически более поздние образования. Этот аргумент не может быть принят во внимание при составлении карты синхронного различия, а именно так объявлена тема карты.

При определении состава диалектного различия не всегда учитывается функционирование слова в системе. Например, различие между *klɔs(k)* — *klɔsk* (карта 22) и различие между *mydrac(k)* — *med-rack*, *mdračk* (карта 48) квалифицируются как нелексические. Между тем в соответствующих говорах слова *klɔsk*, *med-rack/modračk* с синхронной точки зрения являются непротоиндоевропейскими, поскольку в системе отсутствуют параллельные слова того же корня без суффиксации⁶, и образуют лексическое противопоставленное различие со словами *klɔs(k)*, *mydrac(k)* других говоров. Кстати, на карте 72 различие *hamɔr* — *hamɔrk* обозначено именно как лексическое.

Некоторое недоверие вызывает интерпретация диалектного различия на карте 59 (название нижней части снопа). Содержание этого различия сведено к противопоставлению *fičizna* — *fišifiče*, два последних слова имеют форму множественного числа. В то же время имеется целая группа довольно компактно расположенных пунктов, в которых не отмечена форма множественного числа этих слов. В комментариях это обстоятельство квалифицировано как случайность, хотя никаких аргументов в пользу подобного утверждения не приведено (во всяком слу-

чае не сказано, было ли дополнительное обследование). Между тем от отношения к факту отсутствия форм множественного числа принципиально зависит интерпретация диалектного различия. Если отсутствие множественного числа не случайно, а закономерно, то это значит, что в одних говорах нижняя часть снопа обозначена *fišifič*, в других — *fišifiče*, т. е. речь уже идет о непротоиндоевропейском диалектном различии, при котором в одних говорах имеется специальное обозначение (*fišifiče*), в других — нет (*fišifič* употребляется не только для названия нижней части снопа, но и в другом значении).

Нельзя согласиться с тем, как понимают авторы атласа лексические различия, выражающиеся в неодинаковом фонемном составе слов, тождественных в семантическом и морфемном отношении⁷. Как явствует из анализа карт, авторы атласа считают возможным констатировать такого рода лексическое различие только в случае количественного различия в составе фонем. В соответствии с этим в атласе только три карты, отражающие лексическое различие такого рода (*počresno-počrestno*, карта 58, *žes* — *žněč*, карта 76, *mdberač* — *mdtberač*, карта 77). В действительности же лексические диалектные различия в фонемном составе слов, тождественных в семантическом и морфемном отношении, следует констатировать и в том случае, когда различие касается не только количественного, но и качественного состава фонем, при условии, что это различие не определяется закономерностями фонемных систем отдельных диалектов и не представляет собою результат регулярных фонетических изменений. Поэтому различия таких слов, как *gruzka* — *gruzka*, *gružla* — *gruzla* (карта 16), *kokor* — *koxor* — *kozer* (карта 20), *spělcɔ* — *stělcɔ* (карта 21), *kɔosk* — *kɔesk* (карта 22), *žyna* — *džyna* (карта 35), *žafica* — *žerca* — *želca* (карта 28), *ryžne* — *fižne* — *gryžne* — *fižne* (карта 64), *pupa* — *popa* (карта 60) и др. следовало бы несомненно интерпретировать как лексические. А между тем на картах атласа эти различия отмечены линией, долженствующей отграничивать фонетические варианты слова, обусловленные разной заменой праславянского звука (стр. 13); кстати, о каких праславянских звуках может идти речь в отношении слов *gryžne*, *pupa*? Таким образом, результаты спорадических звуковых изменений, нередко ограниченные пределами одного слова, оказались поставленными в один ряд с результатами регулярных фонетических изменений, в том числе и имеющих послед-

⁷ Т. е. «лексические диалектные различия, выделяемые на базе материальной оболочки слова при различии в звуковой оболочке» («Вопросы теории лингвистической географии», стр. 160).

⁶ Ср. «Вопросы теории лингвистической географии», стр. 172.

ствия на фонемном уровне. Недопустимость этого очевидна.

Не всегда соблюдено единообразие в интерпретации сходных диалектных различий. На карте 33 различие между словами с суффиксами *-očina* и *-očina* определено как нелексическое, а на карте 38 совершенно аналогичное различие между словами с *-očiščo* и *-očniščo* — как лексическое (по нашему мнению, верно последнее).

В атлас не включены карты названия плуга и веялки (вопросы 8 и 43 программы) на том основании, что эти карты совпадают с аналогичными картами Вирта (стр. 11)⁸. Но, во-первых, это неудобно, потому что пользование атласом оказывается невозможным без обращения к другому исследованию. А во-вторых, карты Вирта и карты рассматриваемого тома не идентичны в методах подачи картографируемого материала: на основании карты 60 Вирта трудно решить, какие именно различия, связанные с обозначением веялки, являются лексическими вообще и к какому типу лексических различий, принятых авторами рецензируемого атласа, должны быть отнесены в частности. В то же время кажется неоправданным включение в атлас карты 1, нелингвистической по своему содержанию.

Для полноты картины хотелось бы видеть индекс выявленных по VII разделу программы слов («Landwirtschaft»), которые не образуют диалектных различий. Таких слов 54 (стр. 11).

Принципиальное возражение вызывает стремление авторов атласа нанести на карту максимум сведений о картографируемом слове, включая результаты регулярных фонетических изменений, представляющих собой конститутивные особенности серболужицких диалектов. Из карты в карту переходят изоглоссы разной замены *o после губных и заднеязычных, *e после отвердевших согласных, *y после губных, *e, *i, *t', g, изоглосса инфинитивного окончания s /č/ c и т. д.⁹ По словам авторов, делается это в целях полноты документации картографируемого явления (стр. 13). По этому поводу можно заметить следующее. Нанесение на карту возможно более полной информации о слове правомерно в том случае, если объектом картографирования является слово как таковое, а не диалектное различие¹⁰. Если же задача карты — информировать об определенном диалектном различии,

⁸ P. Wirth. Ibid., lřg. 2, № 54. Der Pflug, № 60. Die Wurfmaschine.

⁹ Изоглоссы замены *o и *t к тому же хорошо известны из работ Вирта и Штибера. Ср.: P. Wirth. Ibid., lřg. 1, № 7; Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa językow łużyckich. Kraków, 1934, № IV.

¹⁰ Именно так, например, составлены многие карты лемковского атласа. См.: Z. Stieber. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny. Łódź, 1956.

как это имеет место в рецензируемом томе, то на карте не должно быть ничего выходящего за рамки этого различия. Место же дополнительной документации — в комментариях. Образцом в отношении может служить кашубский атлас, а также атлас Закарпатья¹¹. Стремление авторов рецензируемого тома нанести на лексическую карту фонетические и морфологические различия тем более непонятно, что в будущем им предстоит составление карт, специально посвященных таким различиям (стр. 7).

При составлении карт не всегда соблюдается необходимая иерархия знаков. Во Введении геометрическая фигура объявлена как знак дополнительный по отношению к основному знаку лексического различия — линии в сочетании с надписью (стр. 13). Однако на картах встречаем употребление геометрических фигур при обозначении членов лексического различия, не тождественных никакому другому из отраженных на карте: *korben*, *-ńa*, *kořeń*, *-ńe* (карта 2), *gomula*, *kitka* (карта 26), *póset*, *čósat*, *lon* (об этом слове к тому же нет никаких сведений в комментариях (карта 56), *nakoz* (карта 73), *syty*, *sytya* (карта 17). То обстоятельство, что эти члены диалектного различия распространены в одном—двух пунктах, не может быть аргументом в пользу дополнительного знака. Несомненно и в этом случае, поскольку речь идет о лексическом различии, на карте должна быть применена линия. Кстати, на картах 71, 76 линией обведены как раз единичные пункты.

Не всегда соблюдено должное единообразие в подаче однотипного материала на карте. Например, карты 33, 38, 67 посвящены диалектным различиям, состоящим в использовании разных суффиксов при одинаковом корне. Однако на первых двух картах в виде надписи нанесен лишь суффикс, а на последней — все слово, к тому же с учетом результатов регулярных фонетических изменений. При картографировании непротивопоставленных диалектных различий на территории, характеризующейся отсутствием специального обозначения, встречаем надпись «spezielle Bezeichnung fehlt» (3, 4, 15 и др.), «substantiwische Einwortbezeichnung fehlt» (33), описательное название понятия (34) и никакой надписи на карте 13; на территории, характеризующейся отсутствием определенного слова, — надпись «Wort fehlt» на карте 37 и никакой надписи на картах 12, 29, 45, 51, 83. Совершенно очевидно, что такой разнородной затрудняет использование атласом.

В атласе встречаются карты, неоправданно перегруженные знаками. Причина

¹¹ «Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich»; И. О. Дзедзель в сь к и й. Лінгвістичний атлас українських народних говірів в Закарпатській області УРСР.

этого не только в нанесении на карту нелексических различий, но и в неаргументированном использовании дополнительных знаков при обозначении членов лексического различия. Нередко геометрические фигуры, сигнализирующие употребление определенного слова, почему-то ставятся около пунктов, которые территориально расположены так, что вполне могут быть охвачены линией, обозначающей распространение того же слова (на карте 77 — пункты 74, 79, на карте 73 — пункты 44, 133, на карте 26 — пункт 75, на карте 16 — пункты 46, 47, 50, на карте 17 — пункты 20, 22, 31, 40). Иногда наносятся лишние надписи. Так, на карте 49 повсюду отмечена форма род. п. ед. ч. слова *pyř*, хотя никаких различий она не обнаруживает (различия касаются род. п. ед. ч. слова *pyr*).

Наконец, можно отметить случаи некоторой небрежности в выполнении карт. На карте 2 различие в суффиксах обозначено линией, которая во Введении объяв-

лена как сигнализирующая различие корневым морфем; на карте 54 слова *кэрулс* и *кэрулка* на одной части карты ограничены линией, обозначающей различие корневым морфем, на другой — линией, обозначающей различие суффиксов. В комментариях к карте 26 сказано, что в пунктах 8, 24, 31 отмечена только форма мн. ч. картографируемого слова. Но из них только пункт 24 снабжен знаком +, значение которого в легенде раскрыто как «nur Plural belegt». В то же время знак + стоит около пунктов 25, 27, которые в комментариях не упомянуты. В комментариях к карте 28 сказано, что изоглосса проходит южнее пункта 114, а на карте она проведена севернее.

Первый том Серболужицкого лингвистического атласа является значительным событием современного славянского языкознания и заставляет с интересом ждать выхода последующих томов.

Л. Э. Калынь

«*Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur*». Berlin 1965, 219 S.

«*Немецко-чешские отношения в области языка и культуры*»

Этот сборник, изданный под редакцией Б. Гавранека и Р. Фишера, представляет собой интересный научный труд. Он является плодом сотрудничества чешских и немецких ученых. В сборнике опубликовано 21 статья разнообразной проблематики. В большей части статей рассматриваются вопросы лингвистики. Ряд исследований посвящен литературоведению, историографии, истории культуры.

Основная часть статей (12) в той или иной мере касается проблемы языковых контактов — преимущественно чешского и немецкого языков. В числе этих статей следует прежде всего назвать исследование Б. Гавранека «Чешско-немецкие языковые отношения», рассматривающее важные аспекты взаимоотношения, взаимовлияния двух соседних языков. Автор подвергает сомнению возможность существования «чистых» языков и выявляет положительные стороны контакта двух соседних языков. Прослеживая различные фазы контактов чешского и немецкого языков, Б. Гавранек останавливается на влиянии немецкого языка на чешский в области словарного состава, фразеологии. Статья П. Троста «Немецко-чешское двуязычие» посвящена проблеме двуязычия в историческом аспекте; автор рассматривает последствия двуязычия для структуры обоих контактирующих языков. А. Лампрехт в статье «К вопросу о чешско-немецкой языковой конвергенции» рассмотрел факты конвергентного развития в области фонологии на примере чешского и отчасти словацкого языков. Проблемы языковых контактов касаются и

авторы других статей, исследующие материалы топонимики, антропонимики и др.: Я. Белич — «Параллель Stadt — město», В. Шмилауер — «Чехизация немецких топонимов на -au, S. Утешены — «К заимствованию немецкого дифтонга *ei* в чешский язык (на примере топонимов на -stein)», Э. Эйхлер — «Лужицко-чешские отношения в топонимах, подвергшихся онемечиванию», Г. Вальтер — «Ранне- и позднесредневековые славянские собственные имена в области Эльба-Заале», Й. Бенеш — «Фамилии чешского происхождения в немецкой среде», П. Трост — «К прежнему городскому наречию Литомержиц», Э. Шнеевайс — «Чешские заимствования в шенхейтском диалекте», И. Кноблох — «Заимствовали ли славяне название стекла от готов?»

Четыре статьи сборника посвящены анализу языковых особенностей отдельных произведений. В статье «Письменный язык и наречие в „Богемском пахаре“» Э. Скала рассматривает языковые особенности, а также проблему авторства «Богемского пахаря». М. Комарек в работе «Древнечешские молитвы в Путевых заметках Йоганна Бутцбаха», анализируя текст древнечешских молитв, отмечает важность изучения произведения Бутцбаха для истории чешского языка. В статье Я. Повейшпа рассматриваются особенности языка рукописей Й. Добровского, написанных на немецком языке. Опубликованная в сборнике обширная статья Й. Флишера «Перевод Йозефом Юнгманом эпоса Гете „Герман и Доротея“» затрагивает ряд важных проблем. Автор

подробно анализирует переводы с немецкого языка, осуществленные И. Юнгманом, и отмечает большой резонанс их в период чешского Возрождения. Касаясь проблемы перевода вообще, И. Филипец предлагает интересные принципы анализа качества перевода. Немаловажное значение в этих статьях также придается изучению фактов взаимовлияния чешского и немецкого языков.

К области литературоведения можно отнести статьи А. Блапки — «Два вклада в изучение „Богемского пахаря“» и «Эпиграф к „Бабушке“ Б. Немцовой». Истории науки посвящены статьи Р. Фишера «В борьбе за чешский язык. Франц Шпина — немецкий богемист» и Л. Рихтера

«Жизнь и деятельность историка Христиана Адольфа Пешека». Сборник заканчивает статья Э. Винтера «Ориенталистика и славистика», рассматривающая сходство в проблематике обеих научных дисциплин.

По замыслу редколлегии, данный сборник — не последняя совместная публикация чешских и немецких ученых. Делом ближайшего будущего явятся исследования, которые помогут «изучить ту эпоху, когда совместные усилия обоих народов в рабочем движении получили отражение в языке и литературе» (стр. 3).

Г. Нецименко

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1966 г., (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Адрианова В. И. Содружество социалистических стран — торжество ленинских принципов пролетарского интернационализма. Уч. зап. (Саратовский юрид. ин-т), 1966, вып. 3, с. 31—46.

Брежнев Л. И. Речь товарища Л. И. Брежнева (на митинге в Кремлевском дворце съездов в честь партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики в Советском Союзе). «Правда», 1966, 16 октября.

Брежнев Л. И. Речь товарища Л. И. Брежнева (на IX съезде БКП). «Правда», 1966, 16 октября.

Булба Т., Полякова С. Мировая система социализма. Политич. самообраз., 1966, № 10, с. 74—82.

Васильев А. Идеологическая борьба и современные международные отношения. Междунар. жизнь, 1966, № 10, с. 100—109.

Гомулка В. Речь товарища В. Гомулки (на митинге в Кремлевском дворце съездов в связи с пребыванием партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики в Советском Союзе). «Правда», 1966, 16 октября.

Живков Т. Доклад товарища Тодара Живкова (на IX съезде БКП, открывшемся 14 ноября в Софии). «Правда», 1966, 15 ноября.

Иваши и И. Октябрь и международные отношения (материал о социалисти-

ческих странах). Междунар. жизнь, 1966, № 11, с. 71—77.

Косыгин А. Н. Речь товарища А. Н. Косыгина (на митинге польско-советской дружбы на Уралмашзаводе 13 октября 1966 г.). «Правда», 1966, 14 октября.

Лавернь Б. Европейская безопасность и отношения между Востоком и Западом. «Новое время», 1966, № 43, с. 5—6.

Петков Б. Политика мира и международного сотрудничества (Болгария). «Коммунист», 1966, № 15, с. 100—106.

Санаков Ш. Мировая социалистическая система и судьбы человечества. Междунар. жизнь, 1966, № 10, с. 87—99.

Советско-польское заявление в связи с пребыванием партийно-правительственной делегации Польской Народной Республики в Советском Союзе (10—15 октября 1966 г.). «Правда», 1966, 16 октября.

Таленский Н. Неубедительные аргументы (выдвинутые западными странами Европы против создания безъядерной зоны в центре Европы по плану Рапацкого). Междунар. жизнь, 1966, № 11, с. 129—130.

Танин С. Страны социализма в борьбе за европейскую безопасность. «Междунар. жизнь», 1966, № 10, с. 149—151.

Циранкевич Ю. Речь товарища Ю. Циранкевича (на митинге польско-советской дружбы на Уралмашзаводе 13 октября 1966 г.). «Правда», 1966, 14 сентября.

Шадек Ф. Об учениях «Влтава» (сентябрь 1966 г.). «Новое время», 1966, № 39, с. 3—4.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Алексеев А., Ширяев Ю. Актуальные проблемы развития специализации и кооперирования производства между странами — членами СЭВ. *Вопр. экономики*, 1966, № 9, с. 66—75.

Балика Е. С. Співробітництво Польскої Народної Республіки з країнами — членами РЕВ у галузі важкої промисловості. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 111—117.

Богомолов О. Новые направления в сотрудничестве социалистических стран. «Новое время», 1966, № 45, с. 10—13.

Бабурски Г. Ускоренными темпами (о проекте директив по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства НРВ на 1966—1970 гг.) *Экономич. газета*, 1966, № 46, с. 40.

Бобров В. Я. Протемп зростання промислового виробництва європейських країн РЕВ. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 3—11.

Будкін В. С. Развитие машиностроения в условиях международного социалистического поділу праці. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 18—24.

Булаш М. О. Развитие сировинної бази хімічної промисловості Польскої Народної Республіки. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 118—123.

Васянин Ю. Внешняя торговля и экономическая реформа в Югославии. *Внешн. торг.*, 1966, № 9, с. 25—28.

Вежбицкий З. Союз науки и общественности (охрана здоровья и жизни на производстве в Польше). *Охрана труда и соц. страх.*, 1966, № 10, с. 28—29.

Воронков В. Д. Вопросы научной организации труда на международном коллоквиуме в Братиславе (ЧССР). (Смоленицы 19—22 апреля 1966 г.). *Труд и зар. плата*, 1966, № 3, с. 65—68.

Виноградов К. К. Развитие машиностроения стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи в 1965 г. *Вестник машиностр.*, 1966, № 10, с. 79—80.

Герцович Г. Совершенствование планирования и управления народным хозяйством в европейских странах СЭВ. *Вопр. экономики*, 1966, № 9, с. 97—110.

Голубев В. О. Деякі підсумки індустріального розвитку Польщі. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 104—110.

Голубушин Ю. С. Зближення структур суспільного виробництва європейських соціалістичних країн — учасниць РЕВ. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 11—17.

Данилюк Є. З. Деякі питання хімізації народного господарства соціалістичних країн — учасниць РЕВ. «Питан-

ня політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 25—32.

Деков Р. На подъеме (об успехах болгарского народа в социалистическом переустройстве экономики). «Экономика и жизнь», Ташкент, 1966, № 8, с. 80—82.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. М., 1966, № 4, с. 33—51.

Димов А. Хозяйственные объединения в Болгарии. *Экономич. газета*, 1966, № 41, с. 40.

Доценко А. П. Роль Української РСР в економічному співробітництві Радянського Союзу і Болгарії. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 65—70.

Ежов А. Единый план работы статистиков (стран — членов СЭВ). *Экономич. газета*, 1966, № 42, с. 32.

Иовчук С. Сотрудничество стран социализма в области науки и техники. *Международ. жизнь*, 1966, № 11, с. 145—147.

Кавалец В. Основные направления развития статистики в Польской Народной Республике. *Вестник статист.*, 1966, № 9, с. 34—39.

Калафатовиц М. Є., Лобунец О. Г. Развитие аграрных отношений у Соціалістичній Федеративній Республіці Югославії. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 139—145.

Капустин С. Морской транспорт Польши в истекшей пятилетке и его ближайшие задачи. «Морской флот», 1966, № 9, с. 41—42.

Коларов Н. Столетие болгарского железнодорожного транспорта. *Железнодорож. транспорт*, 1966, № 11, с. 83—86.

Кольдер Д. Новая система руководства (в связи с новым пятилетним планом развития экономики ЧССР в 1966—1970 гг.) *Экономич. газета*, 1966, № 46, с. 41.

Костанян С. Л. Хозяйственная реформа в социалистических странах Европы и буржуазные критики. *Вестник МГУ. Экономика*, 1966, № 5, с. 45—55.

Котковский Я. Некоторые тенденции экономического развития современного мира (в том числе соц. стран). *Международ. жизнь*, 1966, № 10, с. 46—54.

Кумаченко Я. Использование экономических законов социализма. *Науч. докл. высш. школы. Экономич. науки*, 1966, № 5, с. 3—10.

Левицкий П. И. Сотрудничество стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи в области газовой промышленности. *Газовая пром.*, 1966, № 10, вкл.

Литовка О. П. Море в народном хозяйстве Польской Народной Республики. *Изв. Всесоюзн. географ. об-ва. Л.*, 1966, т. 98, вып. 5, с. 447—450.

Мехура А. Проблемы внутренней торговли ЧССР (в связи с новой системой руководства народным хозяйством). *Сов. торг.*, 1966, № 11, с. 45—48.

Михайловський В. І. Хімізація народного господарства та науково-технічне співробітництво країн — членів РЕВ. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 33—38.

Молчапов А. Полезный опыт международного сотрудничества. (Творческое сотрудничество Ленинградского финансово-экономического института и Высшего экономического института в Софии). Вопр. экономики, 1966, № 9, с. 156—158.

Недев И. Братская дружба народов СССР и Болгарии. (Сотрудничество с СССР и развитие экономики Болгарии). Внешн. торг., 1966, № 9, с. 19—23.

Никольский А. С. Развитие цветной металлургии Болгарии. БИКИ, 1966, № 123, с. 5.

Нолч М. Проблемы сельского хозяйства Чехословакии. «Новое время», 1966, № 38, с. 10—12.

Оболенский Н. Международные организации стран — членов СЭВ. «Финансы СССР», 1966, № 9, с. 24—27.

Осух А. О механизации на шахтах Польской Народной Республики. «Уголь», 1966, № 10, с. 57—61.

Панкин М. С. Развитие торговых-экономических связей ЧССР со странами Юго-Восточной Азии. БИКИ, 1966, Приложение № 7, с. 1—27.

Перовский Н. Н. О некоторых тенденциях развития машиностроения в странах — членах Совета Экономической Взаимопомощи. Вестник машиностр., 1966, № 10, с. 76—79.

Петрушев А. XXIII съезд КПСС и вопросы экономического сотрудничества. Внешн. торг., 1966, № 3, с. 3—11.

Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в социалистических странах зарубежной Европы. Известия АН СССР. Серия геогр., 1966, № 5, с. 18—29.

Пин А. Будущее городов Польши. «Новое время», 1966, № 46, с. 19—20.

Полачек К. 10 лет плодотворной работы. (Интервью председателя Постоянной комиссии СЭВ по машиностроению министра ЧССР К. Полачека в связи с 10-летием работы комиссии). Экономич. газета, 1966, № 42, с. 40.

Попов К. Рентабельность внешней торговли (в условиях международного социалистического разделения труда). Экономич. газета, 1966, № 42, с. 41.

Потапов Х. Производство масличных культур в странах СЭВ. Экон. сел. х-ва, 1966, № 9, с. 107—110.

Птичкин Н. Сотрудничеству крепнуть. (О сотрудничестве стран — членов СЭВ). Внешн. торг., 1966, № 9, с. 3—7.

Пусенков Н. Н. Внешняя торговля Чехословакии в 1965 г. БИКИ, М., 1966, № 134, с. 2.

Развитие внешнеторговых связей в странах — членах СЭВ. Вестник статист., 1966, № 5, с. 88—95.

Рехе Г. Н. Некоторые вопросы совершенствования организационной структуры экономических служб на промышленных предприятиях ПНР. Труд и зар. плата, 1966, № 3, с. 68—70.

Смикал Ф., Ивасик В. Б. Развитие дорожной сети в Чехословакии. «Автомобильные дороги», 1966, № 10, с. 30.

Смолянова В. Б. Прогрессивні зміни в структурі промисловості Чехословаччини. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 132—138.

Степанова А. П. Зміни в структурі зовнішньої торгівлі Народної Республіки Болгарії. «Питання політичної економії», Київ, 1966, с. 58—64.

Сущинська І. Ю. Важливий фактор перемоги соціалізму в мирному економічному змаганні з капіталізмом. (Сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран). «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 39—45.

Тягуненко Л. Кредитование сельскохозяйственных предприятий в Югославии. Экон. сел. х-ва, 1966, № 10, с. 109—112.

Ходов Л. Международные экономические организации социалистических стран. Вопр. экономики, 1966, № 10, с. 93—99.

Христов Э. Новая система руководства народным хозяйством (в Болгарии). «Коммунист», 1966, № 15, с. 86—95.

Шамлиев Б. Как в Болгарии осуществляется экономическая реформа. «Новое время», 1966, № 46, с. 12—14.

Ширяев Ю. Экономические рычаги международного социалистического разделения труда. Междунар. жизнь, 1966, № 11, с. 12—20.

Шпшкіп П. І. Розвиток важкої промисловості і структурні зміни в народному господарстві Болгарії. «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 21, с. 52—57.

Юрьев Н. Общеввропейское сотрудничество: поиски путей. Междунар. жизнь, 1966, № 11, с. 3—11.

Якушкин Я. Переходные формы распределительных отношений и социалистическое преобразование мелкотоварного производства. (СССР и социалистические страны). Научн. док. высш. школы. Экономич. науки, 1966, № 5, с. 31—39.

Яничик Т. Польские кооператоры в Международном кооперативном альянсе. Советск. потреб. кооп., 1966, № 10, с. 56—57.

3. Партийная жизнь

Велчев Б. Проверено жизнью. (Об экономической политике БКП. В связи с предстоящим IX съездом БКП). «Правда», 1966, 31 октября.

4. Государственное строительство и право

Брагин Ю. День республики. 29 ноября — национальный праздник югославского народа. «Агитатор», 1966, № 21, с. 56—58.

Бутенко А. О закономерностях развития социализма как общественного строя и как мировой системы. Мир. экон. и межд. отн., 1966, № 11, с. 84—91.

Гиренко Ю. Общественно-политическое устройство Югославии. — «Новое время», 1966, № 43, с. 20—21.

Занев К. Индустриализация Болгарии. «Партийная жизнь», Ташкент, 1966, № 9, с. 88—90.

Качан Я. Между Бугом и Одрой. (Впечатления о поездке группы советских журналистов в Польшу в 1966 г.). «Коммунист Белоруссии», Минск, 1966, № 9, с. 70—74.

Коваржик Я. Научная организация труда и задачи трудового права в Чехословакии. Сов. гос. и право, 1966, № 11, с. 90—96.

Кузьменко В. Однопартийность и многопартийность при социализме. «Коммунист Вооруженных сил», 1966, № 19, с. 81—84.

Кукарский И. У чехословацких друзей. (О судебной системе Чехословакии). Сов. юстиция, 1966, № 20, с. 26—27.

Марков М. Социально-классовая структура болгарского общества. «Коммунист» 1966, № 15, с. 95—99.

Марьянов Б. Польша тысячелетняя и молодая. (Взаимоотношения государства и церкви в Польше). «Наука и религия», 1966, № 11, с. 61—68.

Мирский З. Путь, который выбрал народ. (К 22-й годовщине установления народной власти в Болгарии). «Новое время» 1966, № 37, с. 3—4.

Платковский В. Социалистическая Болгария. Заметки журналиста. — «Коммунист» 1966, № 16, с. 103—112.

Прокопенко В. Новый Кодекс законов про працю Чехословацької Соціалістичної Республіки. «Радянське право», Київ, 1966, № 8, с. 77—79.

Симорот З. Порядок установления та припинення трудових відносин за чехословацьким трудовим законодавством. «Радянське право», Київ, 1966, № 8, с. 80—82.

Шабанов М. Р. Национальные комитеты ЧССР — органы государственной власти и управления. Изв. высш. уч. зав. Правоведение. Л., 1966, № 3, с. 32—39. (Конец 50-х — начало 60-х годов XIX в.).

В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 174—185.

Борзунов Б. И., Захаров В. В. Хозяйство и общественные отношения Скрадина по данным его статута. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 82—87.

Бортников А. И. О связях А. Н. Кузьмина — Караваева с польскими революционными организациями. (30-е годы XIX в.). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 161—173.

Брайчевський М. Ю., Дзпра Я. Українські славісти про Климент Охридського. (До 1050—річчя з дня смерті). Укр. істр. журнал, 1966, № 9, с. 139—142.

Горнова Е. Політична діяльність М. Драгоманова у висвітленні польської історіографії. Укр. істор. журнал, № 9, 72—81.

Грачев В. П. К вопросу о жупах и жупанах. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 88—100.

Доронченков А. И. Пути изучения передового опыта советского рабочего класса трудящимися Болгарии 1949—1957 гг. (Обзор неопубликованных материалов). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 221—229.

Євстахевич М., Інглєзот М. Польські версії «Листування запорізьких козаків з турецьким султаном» Укр. істр. журнал, 1966, № 10, с. 132—137.

Захаров В. В. К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 51—70.

Иванов Ю. Ф. А. Н. Ясинский как историк Чехии. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 248—256.

Калениченко П. М. Найякравіша сторінка в тисячорічній історії Польщі. (О многовековой дружбе украинского и русского народов с польским). Укр. істор. журнал, 1966, № 9, с. 3—11.

Карпенко О. Ю. Питання про Східну Галичину на радянсько-польських переговорах у Ризі в 1920 р. «Питання історії народів в СРСР», Харків, 1966, вип. 2, с. 54—63.

Климов И. М., Москаленко А. Е. Памяти Вацлава Гусы (1906—1964). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 292.

Королюк В. Д., Миллер И. С. Тысячелетие Польского государства. (Национальное торжество и историческая наука). Вopr. истории, 1966, № 10, с. 3—15.

Котляр М. Ф. Русь на Дунаї. Укр. істор. журнал, 1966, № 9, с. 12—22.

Кундуба И. Социалистическая Польша — венец тысячелетней борьбы

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Бердников Г. В. К истории польско-итальянских революционных связей.

польского народа. «Коммунист Украины», Киев, 1966, № 10, с. 44—51.

Липатникова Г. И. Ян Гус. (К 550-летию со дня гибели). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 3—24.

Майский И. М. Мюнхенская драма. (Воспоминания советского дипломата о событиях 1938—1939 гг.). «Новое время», 1966, № 42, 43, 44, 45, 46, 47.

Мананчиков Н. П. К вопросу об организации ремесла в Дубровнике XIV—XVI вв. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 25—50.

Мартыненко Л. М., Савяук В. С. Работы по истории зарубежных славянских народов в ученых записках и других изданиях периферийных университетов РСФСР в 1960—1965 гг. (Аннотированная библиография). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 277—285.

Митев И. Діяльність російських дипломатів у Болгарії (1876 р.). Укр. істор. журнал, 1966, № 10, с. 117—120.

Наумов Е. П. К оценке социально-экономических изменений в Сербии, Македонии и Зете во время второй половины XIV в. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 101—109.

Савинець В. А. З історії діяльності Комуністичної партії Західної України в польській буржуазній армії (1929—липень 1938 р.). Вісник Львівського державного університету, 1966, Серія суспільних наук, вип. 2, с. 41—46.

Синюк А. Т. Любор Нидерле. (К 100-летию со дня рождения). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 289—291.

Смирнов А. Ф. Польскому государству — тысяча лет. «Новая и новейшая история», 1966, № 5, с. 22—32.

Супетарский картулярый. Пер. и примеч. С. А. Рыковой. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 296—307.

Табачников Б. Я. Борьба большевистской печати за укрепление русско-польских пролетарских связей (1910—1914). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 186—207.

Топалова Ю. И. Организация коммунистических изданий Болгарии в годы фашистской диктатуры (1923—1929 гг.). Вестник МГУ. Журналистика, 1966, № 4, с. 57—65.

Фалькович С. М. Участие польских историков в праздновании тысячелетия Польши. К 1000-летию Польши. «История СССР», 1966, № 5, с. 146—160.

Фомин Ю. Ю. З історії українсько-сербських зв'язків у 70-х роках XIX ст. В сб. «Питання історії народів СРСР», Харків, 1966, вип. 2, с. 118—122.

Халмашкеева Е. М. Структура феодального землевладения Люблинского воеводства в первой половине XVII

века. Вестник ЛГУ, 1966, № 14, Серия истор., яз. и лит. вып. 3, с. 132—136.

Чудиновских Э. И. Торговые компании Трогира и Котора в конце XIII—XIV вв., по данным нотариальных актов. В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 71—81.

Шнитман А. М. Болгария в идейном наследстве В. И. Ленина. (К выходу в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина). Уч. зап. (ЛГУ), 1966, т. 359, Труды кафедр марксизма-ленинизма и истории Мурманского гос. пед. ин-та, с. 125—164.

Яблоньский Г. История Польши в трудах советских ученых. Вестник АН СССР, 1966, № 10, с. 53—60.

Языкович Э. Ф. Зарубежные антифашисты в рядах белорусских партизан (1941—1944 гг.). «История СССР», 1966, № 5, с. 80—90.

Яну И. К истории органов народно-демократической власти на территории Вардарской Македонии (1941—август 1944 г.). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 208—220.

2. Культура

Баскакова Т. И. Из истории советско-чехословацких культурных отношений. (Очерки Юлиуса Фучика о Советском Союзе). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 230—233.

Бахмутская И. Б., Мейндорф Г. В. Второе Международное совещание представителей социалистических стран по строительству и оборудованию библиотек. Варшава, 19—23 октября 1965 г. Информация о библиотечн. деле и библиографии за рубежом, 1966, вып. 3, с. 6—8.

Бирюков В. Объединенному институту ядерных исследований 10 лет (юбилейная сессия Ученого совета в Дубне 3IV—4VI 1966 г.). «Атомная энергия», 1966, т. 21, вып. 4, с. 313—315.

Богомолов Ю. «Если бы тысяча кларнетов» (чехословацкий фильм-ревью). «Искусство кино», 1966, № 10, с. 87—88.

В. С. Гобелены Тамары Ханс. (О выставке гобеленов варшавской художницы Т. Ханс в Москве в июне 1966 г.). «Декоративное искусство СССР», 1966, № 10, с. 32.

Ведина В. П. Из наблюдений над сучасною (польською) прозою. «Радянське літературознавство», Київ, 1966, № 10, с. 44—45.

Велчев В. Традиции Фонвизина в творчестве Т. Шишкова и Л. Каравелова. Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1966, вып. 5, с. 418—430.

Верников М. М. Деякі питання гносеології Тадеуша Котарбінського. Вісник Львівського державного університету, 1966. Серія суспільних наук, вип. 2, с. 174—178.

Горанов К. Заметки о бытии и условности художественного образа. Научн. докл. вып. школы. Философ. науки, 1966, № 5, с. 65—71.

Громцева С. Крепнут дружеские связи. (О проведении в Чехословакии советскими педагогами курсов для чехословацких учителей русского языка). Нар. образ., 1966, № 9, с. 98—99.

Грошковский Я. Польская наука и польские ученые в годы строительства социализма. Вестник АН СССР, 1966, № 10, с. 46—52.

Гудь М. Франко про сербохорватські пісні. «Всесвіт», Київ, 1966, № 9, с. 18—22.

Даскалова Е. Александр Блок и болгарская литература после Октябрьской революции. Русская лит-ра, Л., 1966, № 3, с. 50—64.

Добрынина Е. Первое прикосновение (О музыкальной жизни сегодняшней Праги). Сов. музыка, 1966, № 10, с. 114—122.

Дравич А. К сердцевине жизни. (О молодой польской литературе). Иностранная лит-ра, 1966, № 9, с. 218—221.

Зеленко Н. «Папорожник и огонь» (югославский фильм). «Искусство кино», 1966, № 10, с. 88—89.

Кприенко И. В. Государственная учетно-регистрационная библиография в Болгарии. Сов. библиография, 1966, № 4, с. 91—98.

Кузьмин А. И. Письма И. В. Ягича Е. В. Петухову. (Публикация писем 1887—1912 гг.). Известия АН СССР. Серия лит-ры и яз., 1966, вып. 5, с. 434—439.

Лебни Б. Д. Подготовка научных кадров в европейских странах социализма. (Основные принципы правового регулирования). Изв. высш. уч. зав. Правоведение, Л., 1966, № 3, с. 129—132.

Литература, документ, факт. (Материалы творческой встречи писателей и критиков, посвященной документальной литературе европейских социалистических стран). Иностранная лит-ра, 1966, № 8, с. 178—207.

Львова Е. Поиски новых путей. (О характерных чертах развития болгарского изобразительного искусства по материалам выставки современного болгарского искусства, показанной в Москве, Риге и Ереване). «Художник», М., 1966, № 11, с. 46—50.

Мпиз Б. Научное программирование в Польше. Экономич. газета, 1966, № 43, с. 42—43.

Окруцкий Я. Словацкие народные произведения. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 11, с. 37—39.

Островский А. Полмиллиона друзей. (О Пятом всепольском конкурсе певцов-любителей в Зеленой Гуре в 1966 г.). Сов. музыка, 1966, № 10, с. 123—127.

Пивоваров М. Братерство двух культур (О культурных связях болгар-

ского и украинского народов). «Всесвіт», Київ, 1966, № 9, с. 132—135.

Путрамент М. Плідна зустріч. (О работе и планах писателя). «Всесвіт», Київ, 1966, № 9, с. 11.

Родойчич Д. У истоков славянской литературы. (К вопросу о датировке «Жития» Константина — Кирилла). В сб. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1966, вып. 2, с. 110—113.

Свободин А. Из Братиславских записок. (Об актере Национального театра в Братиславе С. Фильчике). «Театр», 1966, № 10, с. 154—160.

Стейскал В. Заметки о развитии и проблематике современной детской литературы Чехословакии. «Детская литература», 1966, № 9, с. 60—61.

Тарлев В. Г. Журнал «Народна просвета» об актуальных проблемах болгарской школы. Сов. педагогика, 1966, № 9, с. 150—154.

Теляковская В. Дизайн и искусство ансамбля. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 10, с. 19.

Трофимович К. НДР, издательство «Домовина» (О книгах, выпущенных серболужицким издательством «Домовина» в 1965 г.). «Всесвіт», Київ, 1966, № 9, с. 159—160.

Ханчев В. Тревоги и надежды вокруг поэзии. (Статья болгарского поэта). Иностранная лит-ра, 1966, № 10, с. 211—213.

Цонев И. Уроки Шолохова. (О значении романов Шолохова для болгарской романистики). Лит. Россия, 1966, № 43, с. 16—17.

Цыбенко Е. З. Дискуссия о романе в польской критике 40—50-х годов XIX в. Вестник МГУ, Филология, 1966, № 5, с. 16—31.

Шайкевич Б. А. Ян Неруда и чешская реалистическая живопись 60—70-х годов XIX в. «Иноземная филология», Львів, 1966, вып. 8, с. 116—125.

3. Языкознание

Мареш В. Ф. Проект подготовки словаря церковнославянского языка. Вопр. языкознания, 1966, № 5, с. 86—99.

Михайла Г. О работе над собиранием материала для составления словаря книжнославянского языка румынской редакции. Вопр. языкознания, 1966, № 5, с. 105—109.

Мошинский Л. Отношение словаря церковнославянского языка к словарям отдельных славянских языков. Вопр. языкознания, 1966, № 5, с. 81—85.

Назор А. О словаре хорватско-глаголической редакции общеславянского литературного (церковнославянского) языка. Вопр. языкознания, 1966, № 5, с. 99—105.

Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словаря. II. Вопр. языкознания, 1966, № 5, с. 16—36.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1966, № 3

Д. Тишев. БЗНС и вооруженная борьба болгарского народа против монархо-фашистской диктатуры (1941—1944 гг.); Цв. Кристанов. К вопросу об этногенезе болгарского народа; В. Хадж и н и к о л о в. Из деятельности Георгия Дмитрова по спасению Эрнста Тельмана; Ст. Радев. Отражение Апрельского восстания 1876 г. в венгерской печати; А. Матковски. Сведения о гайдуках в Македонии во второй половине XVII в.; Ст. Петров. Об этапах вооруженной борьбы болгарского народа против фашизма в 1941—1944 гг.; К. Георгиев. К вопросу об опубликовании документальных источников по нашей истории; Т. Тумапгелов. О дате рождения Любена Каравелова.

«Език и литература», 1966, № 4

Д. Лихачев. Этическая система Владимира Мономаха; Ц. Йотов. Место одного класса восклицательных предложений в грамматическом описании русского языка; С. Русакиев. Творческий путь А. И. Куприна; Б. Тентюков. Федор Решетников и его творчество; К. Влахов. О языковом происхождении 'Οδυσσεύς — Варна; Хр. Недялков. Литературный портрет Эмиля Манова; М. Ефимова. К проблематике поэмы Лермонтова «Демон».

«Български език», 1966, № 3

Ст. Георгиев. К изучению ритмосинтаксиса у Пенчо Славейкова; Цв. Македонска. Характеристика языка сатиры П. Р. Славейкова; В. Станков. Стилистические особенности настоящего исторического времени; Р. Русинов. Иноязычная синтаксическая конструкция в болгарском языке; В. Константинова. Семантические функции предлога *до* и приставки *-до* в современном литературном болгарском языке; Н. В. Коссек. Существует ли в болгарском языке оппозиция место/направление?; М. Деянова. О будущем предварительном времени в прошедшем; К. Иванова. Грамматическо-семантический анализ глаголов *съобразявам* и *съобразявам се*; Хр. Василев. Одна болгарско-чакавская параллель.

№ 4

К. Мирчев. О хронологии основных балканизмов в болгарском языке; Вл. Георгиев. Мнимый доиндоевропейский субстрат в балканских языках; Ив. Гылыбов. Болгарские

номина агентис как прилагательные в румынском и албанском; М. Филипова-Байрова. Лексико-семантические наблюдения над греческими заимствованиями в болгарском языке; Цв. Македонска. Турецкие фразеологические заимствования в болгарском языке; А. Спасова. Греческие и турецкие элементы в болгарской морской рыболовной терминологии; Р. Бернгард. Два иронических названия частей тела в балканских языках; К. Мирчев. Об этимологии одного балканского слова; Л. Андрейчин. Греческие глагольные суффиксы в болгарском словообразовании; Р. Русинов. Имена существительные, обозначающие лицо с суффиксом *-аш* в современном болгарском языке; М. Младенов. Одна морфологическо-синтаксическая параллель в болгарском и румынском языках; Б. Симеонов. Особая билингвистическая система счета в детских играх в Софийской области; Ел. Машалова. Происхождение двух названий ягюра в балканских языках; М. Чалыков. Балканское слово *манатарка*; М. Москов. *Бурзан*, *бураня* — названия болгарского кушья; М. Выгленов. Несколько лексических заимствований из балканских языков в наших говорах; К. Костов. Румынское областное *șoșoi* 'зяяц' и македонское *шошореа* с тем же значением; М. Моллова. Болгарский возроденец Пенчо Радов и его «Краткий турецко-болгарский словарь и разговорник»

«Die Welt der Slaven», 1966, № 1—2

Д. Герхардт. Первый немецкий перевод стихотворений Пушкина; И. Хольтхузен. Пупкин и Гресе (Замечания к проблеме самовосприятия поэта); П. Ивич. Периоды в истории структуры сербскохорватского языка; А. Достал. Об обратных тенденциях в развитии языка, особенно в древнечешском; И. Храбак. Об отношении чешской а la mode-Poesie к древним литературным традициям; Р. Коларич. Заметки о лексике словенского говора; С. Стойков. Два фонетических дублета в болгарском (*гнус: гнѹс* и *бѹбрек: бубрек*); К. Горалек. К вопросу о южнославянизмах в среднесловацком языке; В. Штефанич. Глаголическое курсивное письмо; Дж. Радоичич. Имя сербского князя Прибислава (891—892 гг.) в евангелии из Цивидала; Х. Берк. К проблематике так называемой второй метатонии; М. Камай. Параллельное развитие звуков в черногорском и североалбанском говорах; К. Костов. Болг. диал. *алавѹнта*, с.-х. *алѹвѹнта* и итал. (*andare*) *a levante*; Я. Хлоупек. Форма предложения и его отно-

шение к действительности; Ф. М е т ш к. К вопросу о старом лужицком населении округа Финстервальде; Б. К о н е с к и, О. Я ш а р - Н а с т е в а. Один балканизм в языке македонской народной поэзии; Г. Ф о р д. Неуместные носовые гласные в «Enchiridion» Вилентаса; Г. Ш т а м м л е р. Julianus Apostata Redivivas (Дмитрий Мережковский: предшественники и преемники); М. Б р а у н. Техника композиции у Некрасова; Я. О т р е м б с к и й. Еще раз о названии *Русь*.

«Die Welt der Slawen», 1966, № 3

Я. С т а н и с л а в. Словацкий материал к изучению Киевских листков; К. М и р ч е в. К характеристике болгарского словообразования; И. Г а р д н е р. Некоторые наблюдения над вставными слогами в древнерусском церковном песнопении; Х. Р ё л и н г. О Вильгельме Герхарде и Симе Милутиновиче; Н. Р е й т е р. Значение раннерусских вокальных классов склонения для определения окончаний; А. С л у п с к и. Телесные недостатки и их отражение в лексике; Ю. Б о й к о. Н.С. Сковорода в свете украинской истории.

«Zeitschrift für Slawistik», 1966, № 2

Е. Р е й с н е р. Очерк Ивана Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» и его роль в творчестве писателя; П. Г о ф ф м а н. Русские революционные демократы и Радичев; Р. Р и х т е р. Новый Теркин; А. Х и р ш е. Гуманистические принципы современной советской литературы и ее фальсификация в западногерманской критике; Ф. Х и н ц е. Словенская и кашубская редакции «Отче наш»; Т. Б о я д ж и е в. Три архаические слова в болгарских говорах: *ица*, *камо*, *хуге*. Св. Ш т е х, Р. У в и р а. Новые данные о чешских заимствованиях из немецкого или через немецкий язык; К. М ю л л е р. Пограничные заимствования для обозначения животных 'свинья' и 'поросенок'; Э. Э й х л е р, Г. В е б е р. Восточносредне немецкое *Vemme* 'намазанный ломоть хлеба' — славянского происхождения?; К. М. К у е в. К дискуссии о слове «сжъть бо еще живи, иже сжъть видѣли ихъ» в произведении Черноризца Храброго «О письменах»; Ф. Л о р е н т ц. Пруссские местные названия и аппелятивы на территории левобережья нижней Вислы; Я. С к у т и л. Чешские прозаические произведения императора Карла IV; И. З е е х а з е. К вопросу о чешских связях Эмиля Штумпе; Э. В и н т е р. К открытию библиотек в ЧССР; Ф. Х и н ц е. Библиографические заметки по истории кашубской литературы. I. Алоизы Будиш.

«Kwartalnik historyczny», 1966, № 3

Я. Т ы ш к е в и ч. Упадок языка в Польше на польских землях (IX—X вв.); Я. Т а з б и р. Ариане в польской художественной литературе; Ф. П е р с о в с к и й. Millenium Poloniae в развитии региональных интересов; Р и в е р е н д Б р у с е н е. Экономические предпосылки Кубинской революции; А. В ы ч а н с к и й. К вопросу оценки европейской экономики в XIV—XVII вв.; Я. К а н ц е в и ч. Идеологическая и политическая программа ППС-левицы 1907—1914 гг.; Б. Р а д л я к. Деятельность ППС-левицы в Лодзи 1906—1918 гг.; В. Д л у г о б о р с к и й, Е. Т о м а ш е в с к и й. Политические отношения в Верхней Силезии (1921—1939 гг.); С. П л о с к и й. Замечания о Библиографии истории Польши; К. М а л е ч и н с к и й. Избранная библиография истории Польши; Е. М а д у р о в и ч - У р б а н с к а я, В. Б е н ь к о в с к и й, А. П ш и б о с ь, А. Ш к л я р с к а - Л о м а н о в а, Р. Ж е л е в с к и й. Ответ на рецензию; Л. Г р о с ф е л ь д. Ноябрь 1918 г. в Варшаве (Материалы); В. С е р ч и к. Материалы по истории коливинщины в архивных коллекциях Киева; Л. К о р у с е в и ч. Причины гражданской войны в американской историографии.

«Przegląd historyczny», 1966, № 3

К. К у м а н е ц к и й. Процесс Лигария; М. Т ы м о в с к и й. Нигер как водный путь для крупных государств западного Судана до конца XVI в.; А. В ы р о б и ш. Количество в размещении стальных заводов в Малой Польше в XIV—XVII вв.; Д. Ф а й н х а у з. Новые аспекты тайной деятельности Генриха Каменского; А. Г а р л и ц к и й. Реляция Романа Дмовского о Национальной лиге; А. Д з ю б и н с к и й. Польский рыцарь в Марокко в XV столетии; Е. Д о в я т. По поводу «критических замечаний» В. Дзевульского; Р. Р о м а н о. Историки и экономисты о проблемах общественно-экономического роста.

«Pamiętnik literacki», 1966, № 3

Я. К у л ь ч и ц к а - С а л о н и. Сенкевич и Прус; С. С а н д л е р. Индианские приключения Генриха Сенкевича. Тропы «Сахема»; Я. Т ш и н а д л о в с к и й. Заметки о поэтике «Трилогии» — историческая приключенческая повесть; Т. Б у й н и ц к и й. Художественная структура «Трилогии» и польские памятники XVII века; Ю. К и ш а с. «На поле славы» — недоконченная повесть Сенкевича; Б. З а к ж е в с к и й. Сенкевич для маленьких; Ю. К ш и ж а н о в с к и й. Переписка Генриха Сенкевича и Марин

Радзеевской; Э. Керницкий. Письма Генриха Сенкевича к сестре Гелене в 1886—1904 гг.; Г. Бурштунская. Творчество Крашевского как литературный источник исторической повести Сенкевича; Я. Хойко-Бутьер. Две версии «Песни Нерона» в рукописи «Quo vadis». Я. Хойко-Бутьер. Мамертинская тюрьма в «Quo vadis».

«Slavia orientalis», 1966, № 3

С. Филман. Повествователь в «Медном всаднике»; Г. Краснов. Лев Толстой и Константин Аксаков; Я. Салайчик. Восприятие прозы Исаака Бабеля в Польше в период 1945—1965 гг.; Я. Ригер. Из бойковской и лемковской топониматики; А. Груц. Придаточные предложения обстоятельства цели в белорусском языке; Г. Леминг. Польские источники так называемой «краткой» ленинградской редакции белорусской «Александрии»; В. Сливовская. Николай Сазонов; М. Вильк. Поляки о Петре I (1700—1768 гг.).

«Československý časopis historický», 1966, № 5

Я. Кржижек. Т. Г. Масарик и выступление чехословацкого легиона весной 1918 года; М. Тейрман. Титулеску и румынская внешняя политика 1933—1936 гг.; Б. Михел. Саботирование австрийских военных займов чешскими банками в 1914—1916 гг.; Л. Улчак. О методике изучения всемирной истории; Я. Млинарик. Новая стратегия и тактика забастовок и забастовка северочешских текстильщиков в 1929 г.; Ф. Бенеш. Depositeria generale della Sociata; П. Раткош. Предпосылки возникновения Турзоско-Фуггеровского общества в 1495 году; Й. Мацек. Кончина Ладислава Погробка.

«Slovanský přehled», 1966, № 5

З. Сладек. О возмещении убытков чехословакам Россией; В. Крехлер. Первая делегация чехословацких культурных и научных работников в СССР; В. Моулис. Об отношении чехословацкого народа к СССР в начале тридцатых годов; И. Левандовский. Польша, Чехословакия и тенденция к объединению средней Европы в двадцатых годах; Я. Липтак. Международное разделение труда в сельском хозяйстве стран—членов СЭВ; К. Каплан, М. Рейман. Размышления о революции.

«Česka literatura», 1966, № 5—6

М. Грыгар. Развивающееся напряжение литературных и внелитературных явлений; О. Сус. К возникновению семантической типологии в эстетике Отакара Зиха (К преемственности чешского струк-

турализма); Ф. Свейковский. Заметки по поводу литературно-теоретической проблематики гуситской эпохи; Я. Колар. По поводу соотношений видов в чешской литературе 16—17 века; Э. Пражак. Олдржих Веленский и путь чешского гуманизма к всемирному признанию; М. Гержман. По поводу первых немецких попыток эстетической оценки Краледворской рукописи; К. Сгаллова. Количество гласных звуков в рифме эпохи национального Возрождения; П. Блажичек. «Первые стихотворения» Голапа; М. Погорский. К проблеме периодизации послевоенной литературы; Э. Мацек. Чешская версификация в 1945—1966 гг. (Библиография).

«Slovenská literatúra», 1966, № 4

Р. Хмель. Проблемы и задачи исследования словацко-венгерских литературных отношений; Ф. Штраус. К ритмической функции рифмы и эвфонии в поэзии И. Краско; В. Матула. Людвиг Штур и М. Ф. Раевский.

«Slavia», 1966, № 3

Ю. Марван. Из истории стяжения; Я. Бауэр. К развитию основных типов предложений в чешском языке; Н. Н. Розов. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати»; Ю. К. Бегунов. «Слова» пресвитера Козмы Болгарского в составе Пролога; С. Роспанд. Проблематика древнечешских топонимов на -ьль/-ьно; К. Фелешко. Предложный genitivus partitivus с обязательным определителем в сербохорватском языке; Э. Эйхлер. Два восточносреднемецкие названия грибов чешского происхождения; К. Крейчи. Чешские мотивы в народной эпике Яноша Аранья; Д. Хантли. Надо ли считать древнеславянское «Не введи нас во искушение...» латинизмом?; А. Едличка. Словарь славянской лингвистической терминологии; Ф. Вольман. Славяне в Европе; В. Куделка. Изучение истории словенской литературы в последнее двадцатилетие.

«Slovenská reč», 1966, № 6

А. Краль. Проблемы словацкой орфоэпии; Я. Млачек. К характеристике синтаксиса современной словацкой поэзии; Л. Двонч. О склонении греческих и латинских собственных имен в литературном словацком языке; М. Писарчикова. О некоторых вопросах употребления синонимов в однотомном толковом словаре.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, № 4

Н. Клаич. Историческая база хорватского глаголического движения; С.

Гаврилович. Сербы Габсбургской монархии перед венгерским собором 1790 г.; Я. Борейша. Польский вопрос и поляки в Первом Интернационале; Б. Кризман. Подготовка наступления на Салоникском фронте (сентябрь 1918 г.); М. Лекевич. Некоторые аспекты итальянско-ушастских отношений и их влияние на операции МОВ и ПОЮ; Д. Гал. Борьба югославского пролетариата за сокращение рабочего дня; Н. Баич, Р. Хурем. К вопросу об изучении социологических и общественно-психологических явлений как фактора сплочения в период Национально-освободительной революции.

«Izraz», 1966, № 8—9

А. Шарчевич. Утопия, искусство, символы современности; М. Бегич. Мастер новеллы Динко Шимукович; С. Леовац. Критика истории литерату-

ры; В. Крневич. Заметка о писателях из Боснии и Герцеговины; Д. Хорватич. Скульптор Шиме Вулас; Ш. Морон. «Активные» метафоры в «личном мифе» (Миф и его динамика); А. Бенац. Богомилы и искусство на камне; Р. Вучкович. Ценность незавершенного труда (О романе Стапковича «Хозяин Младен»); М. Сухко. О проблеме романтического и символического в поэзии В. Йитса.

«Jezik in slovstvo», 1966, № 6

В. Лубаш. Притяжательная роль суффикса *-ica* в южнославянской топонимике; Ф. Якопин. К типологии словенского и русского глагола; В. Жехак. Морфологическая классификация слов в словенском литературном языке; С. Сухадольник. Словарные пособия.

В МЕЖДУНАРОДНОМ КОМИТЕТЕ СЛАВИСТОВ

С 21 по 24 сентября 1966 г. в Оксфорде состоялось X пленарное заседание Международного комитета славистов. В его работе приняли участие 43 слависта из 19 стран. Согласно ст. 8 и ст. 9 Устава пленарное заседание приняло отставку членов МКС Р. Ягодича (Австрия) и А. Вайяна (Франция) и избрало членами МКС Г. Витрженса (Австрия), Л. Хадровича (Венгрия) и П. Гарда (Франция).

Международный комитет славистов постановил увеличить число заместителей председателя с пяти до семи и ввести звание «почетный член президиума», в связи с чем изменить соответствующим образом статью 15 Устава. Заместителями председателя МКС были избраны И. Бадалич (Югославия), В. В. Виноградов (СССР), В. Георгиев (Болгария), В. Дорошевский (Польша), Р. Оти (Великобритания), Р. Якобсон (США); почетным членом президиума был избран А. Мазон (Франция). Было принято также решение ввести в состав МКС одного представителя израильских славистов (избран М. Альтбауер).

МКС принял заявки историков-славистов социалистических стран на 60 докладов, из которых 16 будут сделаны историками СССР. Было решено включить из представленных национальными комитетами докладов по исторической проблематике 15 докладов (в том числе 7—советских историков), а все остальные, которые были приняты на заседаниях групп — подключить в соответствии с их проблематикой в качестве сообщений.

На этом же заседании были отображены 74 проблемных доклада по литературоведческой тематике, вокруг которых должна развиваться дискуссия. Из 74 докладов 23 принадлежат советским ученым и охватывают следующие проблемы: 1) сравнительное литературоведение, место славянских литератур в мировом литературном процессе — 7 докладов, 2) жанры — 2 доклада; 3) древние литературы — 2 доклада; 4) литературные течения на рубеже XIX—XX вв. — 3 доклада и 5) славянские литературы XX в. — 9 докладов.

Международный комитет славистов принял следующие решения:

1) Основную работу VI Международного съезда славистов (Прага, 1968)

осуществлять прежде всего на пленарных заседаниях секций и посвятить этим заседаниям не меньше четырех дней съезда; выделить время, необходимое для обсуждения работы отдельных комиссий; вступительные и заключительные церемонии съезда сократить до минимума.

2) Из полученных предложений включить в пленарные заседания секций в качестве докладов наиболее важные, представляющие общий интерес, и подключить к ним в качестве заранее подготовленных выступлений предложения, тесно связанные с тематикой докладов. В необходимых случаях образовать небольшое число подсекций (работающих как правило не параллельно с пленарными заседаниями секций) с докладами более специального характера, родственными по проблематике. (Список принятых докладов и выступлений войдет в проект программы съезда; см. п. 7 Решений).

3) Для дискуссии на пленарных заседаниях секций обеспечить по возможности половину времени этих заседаний и дискуссию проводить после тематических групп докладов.

4) Предложения, не включенные в пленарные заседания секций или в подсекции, принять в качестве сообщений, которые будут прочитаны на съезде, или представлены съезду в письменном виде.

5) Авторам докладов предоставить по 10 минут, авторам заранее подготовленных выступлений по 5 минут, председателям отдельных заседаний не свыше 10 минут.

6) Просить членов МКС от отдельных стран и соответствующие национальные комитеты:

а) просмотреть списки своих предложений и сообщить президиуму МКС в Прагу не позднее 31 октября 1966 г., какие из предложений, не включенных в заседания секций или подсекций, желательнее заслушать в качестве выступлений (поскольку они связаны с основной тематикой) или в качестве сообщений на соответствующих заседаниях, выделенных для сообщений, а какие принять в письменном виде с включением их в соответствующий список;

б) сообщить о возможных отдельных недочетах в отборе докладов, проведенном настоящим заседанием.

7) Поручить президиуму МКС в Праге разработку проекта программы VI Международного съезда славистов, который должен быть разослан членам МКС и национальным комитетам до конца 1966 г. с указанием срока присылки в Прагу.

Примечание: Пленарное заседание, обсудив итоги работы своих групп по подготовке программы отдельных секций съезда, рекомендовало президиуму провести классификацию принятых предложений на доклады и выступления в секциях, где это не сделали рабочие группы.

8) Полные тексты докладов и сообщений печатать в отдельных странах и распространять их не позже чем за три месяца до съезда. Своевременную публикацию и распространение текстов докладов и сообщений считать обязательным условием для их включения в окончательную программу съезда.

9) Поручить президиуму издать в Праге до начала съезда резюме докладов, сообщений и заранее подготовленных выступлений. Для резюме установить следующий максимальный размер: для резюме докладов не свыше 30 строк машинописи, для резюме сообщений и выступлений не свыше 20 строк машинописи. К каждому резюме желательно присоединить библиографическое примечание о том, где публикуется полный текст; библиографические сведения, не известные еще ко времени присылки в Прагу резюме, направлять туда дополнительно. Окончательным сроком для получения резюме в Праге установить 1 VII 1967. Своевременную присылку резюме докладов считать обязательным условием для их включения в окончательную программу съезда.

10) На основании обсуждения работы международных комиссий при МКС принять следующие меры:

а) разделить существующую Библиографическую комиссию на две комиссии: Комиссию по лингвистической библиографии и Комиссию по литературоведческой библиографии; председателем Комиссии по лингвистической библиографии утвердить Ф. Славского, председателем Комиссии по литературоведческой библиографии Т. Ворова;

б) создать Комиссию по изданию памятников древнеславянской музыки, ее председателем утвердить Э. Кошмидера и первыми членами А. Достала, Ю. Келдыша, С. Лазарова, О. Струнка, К. Успенского, К. Флороса, И. Фейхта и Л. Мокрого;

в) создать Комиссию по изучению славянского фольклора и ее председателем утвердить К. Горалека;

г) утвердить Ю. Кршижановского председателем Комиссии литературоведческой терминологии;

д) принять к сведению сообщение П. Гарда о транскрипционной комиссии и поручить ему дальнейшую ее организацию;

е) расширить сферу действия Комиссии по фонетике славянских языков и считать ее Комиссией по фонетике и фонологии славянских языков с двумя секциями — фонетической и фонологической; поручить С. Стойкову дальнейшую организацию этой комиссии и созыв ее первого заседания;

ж) не образовывать при МКС особой балканолингвистической комиссии;

з) просить национальные комитеты обсудить вопрос о создании комиссий по изучению славянских литератур, в частности, Комиссии по изучению славянских литератур XX века, предложенной Национальным комитетом ГДР;

и) просить председателей новых комиссий незамедлительно приступить к их организации, созвать их первые заседания, и представить ближайшему заседанию МКС списки первых членов комиссий для утверждения;

к) просить Советский комитет славистов помочь Комиссии по изучению балтославянских отношений созвать первое пленарное заседание комиссии.

11) Организовать в Праге во время VI МСС международную выставку научных славистических публикаций, вышедших после V МСС (София, 1963). Поручить президиуму заняться подготовкой выставки в тесном сотрудничестве с национальными комитетами.

12) Принять к сведению решение заседания Международной ассоциации славянских языков и литератур, состоявшегося в течение X международного съезда Международной федерации современных языков и литератур в Страсбурге и утвержденное Бюро Федерации, о готовности Ассоциации стать комиссией Международного комитета славистов и осуществить аффилиацию МКС в систему организации ЮНЕСКО с тем, что МКС и Ассоциацию будет в Бюро Федерации представлять единый представитель, являющийся одновременно членом МКС и членом Бюро Ассоциации; присоединить Ассоциацию к МКС как его комиссию и предложить в качестве первого единого представителя обеих организаций в Бюро Федерации заместителя председателя МКС и президента Ассоциации проф. Р. Отт; считать необходимым, чтобы в будущем обе организации по взаимной договоренности внесли соответствующие изменения в свои Уставы.

13) VI Международный съезд славистов провести в Праге в начале сентября 1968 г. Возложить на президиум уточнение даты съезда и ее опубликование.

14) Просить членов МКС сообщить президиуму в Праге уточненные сведения о национальных комитетах или орга-

низациях, которые они представляют (название, адрес, состав и т. п.), для составления списка организаций, входящих в систему МКС.

15) Считать задачи пленума по подготовке VI МСС исчерпанными и уполномочить президиум МКС закончить работу по подготовке съезда. В связи с этим провести в начале сентября 1967 г., в Праге заседание президиума МКС. Следующее пленарное заседание МКС провести в Праге в период VI МСС.

16) Считать желательным включение в МКС представителя славистов Австралии и поручить президиуму обра-

титься с этой целью к славистам Австралии.

За оказанное гостеприимство, организационную работу и всестороннюю помощь заседанию Международный комитет славистов выразил искреннюю благодарность Ассоциации британских славистов во главе с проф. Р. Оти, Нью Колледжу в лице проф. С. Коновалова, Оксфордскому университету и всем их сотрудникам, так же как и другим учреждениям Великобритании и США, оказавшим помощь заседанию.

И. А. Хренов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ СССР И ПОЛЬШИ

4—8 октября 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялся советско-польский симпозиум на тему «Революционные связи народов России и Польши в XIX — начале XX века». Цель симпозиума была двойной. Во-первых, она заключалась в том, чтобы коллективными усилиями его участников подвести итоги тому, что уже сделано, уяснить степень изученности и состояния источниковедческой базы по важнейшим узловым вопросам темы, определить общее направление и ближайшие конкретные задачи в ее разработке. Во-вторых, в связи с подготовкой в Институте славяноведения обобщающего труда «Сто лет совместной революционной борьбы (Очерки истории русско-польских революционных связей в XIX — начале XX века)» необходимо было обсудить наименее изученные или спорные вопросы этой проблемы.

На симпозиуме был представлен докладами целый ряд институтов и университетов Польской Народной Республики: Институт истории ПАН (проф. С. Кеневич, В. Сливовская, Я. Жарновский), Институт истории партии при ЦК ПОРП (Я. Канцевич, А. Коханьский, Я. Собчак), Западный Институт в Познани (проф. В. Маркевич, Т. Врублевский, А. Чубинский), Варшавский университет (проф. А. Базылев, Р. Сливовский), Вроцлавский университет (проф. М. Якубец), Познанский университет (Е. Охманский). Польская сторона подготовила к симпозиуму 8 докладов и сообщений; 5 из них были заслушаны на заседаниях, а остальные присланы авторами для приобщения к протоколу.

С советской стороны в симпозиуме участвовали различные научно-исследовательские учреждения и учебные заведения Москвы, Ленинграда и ряда других

городов. Москву, кроме Института славяноведения, организовавшего симпозиум, представляли сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Большой Советской энциклопедии, Фундаментальной библиотеки АН СССР, преподаватели Московского государственного университета; Ленинград — сотрудники Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и Музея А. С. Пушкина; Киев — преподаватели гуманитарных кафедр Полиграфического и Инженерно-строительного институтов, сотрудник Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР; Минск — сотрудники институтов истории, философии и права АН БССР; Вильнюс — Институт истории АН Литовской ССР. На симпозиуме присутствовали также преподаватели Воронежского, Львовского и Петрозаводского университетов, Кировского и Тюменского педагогических институтов. Советская сторона в целом подготовила свыше 20 докладов и выступлений, причем, примерно, половину из них — сотрудники Института славяноведения.

В соответствии с замыслом организаторов на симпозиуме было сделано три проблемных доклада, имевших в значительной мере обзорно-историографический характер: «Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей» (И. С. Миллер), «Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период» (В. А. Дьяков), «Русско-польские связи на пролетарском этапе истории революционного движения — литература, источники, основные задачи исследования» (А. Я. Манусевич). К этим докладам в какой-то мере примыкал историографический доклад польских ученых Т. Врублевского и В. Маркевича об освещении проблем

русско-польского революционного сотрудничества в западногерманской исторической литературе и источниковедческое сообщение Р. А. Ермолаевой о материалах по русско-польским революционным связям в ЦИА Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Остальные доклады и сообщения имели более узкие хронологические рамки и посвящались углубленному рассмотрению отдельных, частных вопросов. По своей тематике они могут быть разделены на следующие группы.

События первой половины XIX в. были затронуты в пяти выступлениях. П. Н. Ольшанский (Москва) сообщил результаты своих исследований о контактах декабристов с польским освободительным движением. С. С. Лада (Ленинград) высказал некоторые интересные соображения об особенностях сотрудничества прогрессивных сил русского и польского общества в додекабристский период. И. М. Нефедов (Львов) посвятил свое выступление польско-украинским связям во время Галицийского восстания 1846 г., Б. С. Пошков (Петрозаводск) — теме «И. Лелевель и передовая Россия 30—50-х годов XIX века». Польская исследовательница В. Сливовская (Варшава) сделала сообщение «Николай Сазонов и его отношение к польскому освободительному движению», насыщенное ценным фактическим материалом.

Группа докладов и сообщений была посвящена первой революционной ситуации в России и восстанию 1863 г. Г. И. Марахов (Киев) и С. М. Трусевич (Львов) говорили о польско-украинских революционных связях тех лет, а З. Я. Тальвирская (Москва) посвятила свое выступление участию литовской и белорусской интеллигенции в польском освободительном движении этого периода. В. Б. Бикулич (Вильнюс) сообщил об обнаруженной им записи известной речи П. Г. Зайчневского перед польскими студентами в 1861 г. С. М. Фалькович (Москва) посвятила свое выступление анализу высказываний о русско-польском революционном сотрудничестве на страницах газеты «Правда», издававшейся Генриком Каменским в эмиграции. В. Е. Фильгус (Тюмень) в своем выступлении осветил вопросы, связанные с пребыванием повстанцев 1863 г. в тобольской ссылке. Доклад Н. П. Митиной и Т. Ф. Федосовой (Москва) был посвящен русско-польским революционным связям в подпольных организациях 1864—1866 гг. В. М. Фоменкова (Киров) рассказала об опыте работы спецсеминара, посвященного польскому освободительному движению 60-х годов, в Кировском пединституте. Большой интерес присутствующих вызвало выступление Ю. И. Штакельберга (Ленинград), касающееся совершенно неисследованной области — символике повстанческих пе-

чатей и наградных знаков эпохи восстания 1863 г.

Следующая группа — это выступления, посвященные 70-м и 80-м годам XIX в. О затронутых здесь проблемах свидетельствуют названия сообщений: «Польские революционные демократы и первые польские социалисты — к вопросу о диалектике революционного процесса 60—80-х годов» (Е. Б. Рашковский, Москва); «Русские революционеры П. М. Лавров и С. М. Степняк-Кравчинский — первые историки польского революционного движения» (Е. К. Жигунов, Москва); «Русское народничество и польское социально-революционное движение 1878—1881 гг.» (Т. Т. Снытко, Москва); «Революционные связи народников Белоруссии с польскими революционерами» (С. М. Самбук, Минск); «Бронислав Шварце и Красный крест „Народной воли“» (О. П. Морозова, Москва).

Большая группа докладов и сообщений освещала проблематику революционных связей на пролетарском этапе истории освободительного движения. А. М. Орехов (Москва) и Е. Охманский не смогли присутствовать на симпозиуме, но представили доклады: первый — «Поляки-участники первых социал-демократических организаций в России», второй — «Деятельность и роль Ф. Держинского в литовском и польском рабочем движении в конце XIX века». Я. Канцевич прочитал весьма любопытный доклад о ППС и революционном движении в России 1893—1903 гг. Выступление Б. Я. Табачникова (Воронеж) было посвящено революционному движению 1910—1914 гг. в вузах той части Польши, которая принадлежала царской России. Я. Собчак сделал сообщение на тему «К вопросу о взаимоотношениях большевиков и польских социал-демократов в период столыпинской реакции». Б. Бутник-Сиверский рассказал о том, как отмечалось на Украине столетие со дня рождения Адама Мицкевича.

Симпозиум завершили выступления, посвященные русско-польскому революционному сотрудничеству во время назревания Великой Октябрьской социалистической революции и в ходе ее. «Польские трудящиеся в революционном движении России накануне Февральской революции» — так озаглавил свой доклад И. И. Белякевич (Львов). Выступление И. С. Яжборовской (Москва) называлось «К вопросу о влиянии Великого Октября на Польшу». Наконец, А. Коханьский посвятил свой доклад некоторым проблемам, связанным с изучением участия поляков в Октябрьской революции.

Доклады и сообщения, прочитанные на симпозиуме, вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли участие С. Кеневич и Л. Базылев (Варшава), И. М. Бе-

лявская (Москва), А. И. Бортников (Воронеж), А. И. Шевелев (Киев) и ряд других польских и советских ученых. Материалы симпозиума, которые предполагается издать, несомненно дадут

обильную пищу для размышлений по многим узловым вопросам рассматриваемой темы и послужат ее дальнейшей разработке.

В. А. Дьяков

ДЕВЯТАЯ СЕССИЯ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

24—28 октября 1966 г. в Таллине состоялась IX сессия межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, начавшего свою работу в этом городе в 1958 г. и ставшего самым представительным форумом историков-аграрников нашей страны.

В работе данной сессии приняли участие ученые из 34 городов. Это были не только историки, но и археологи, этнографы, экономисты и специалисты по агрономии.

Работа этой сессии, как и всех предыдущих, протекала на пленарных заседаниях и в пяти секциях, проблематика которых была распределена по хронологическому принципу: I секция — до середины XVII в., II — вторая половина XVII — первая половина XVIII в., III — вторая половина XVIII — первая половина XIX в., IV — 1861—1917 гг., V — период социализма.

На пленарном заседании участники сессии почтили память Виктора Корнельевича Яцунского, скоропостижно скончавшегося за несколько дней до начала сессии. Видный советский ученый, В. К. Яцунский был одним из наиболее активных организаторов этого научного форума.

На пленарном заседании было заслушано три доклада: доклад Х. Х. Крууса (Таллин) «Краеведческое изучение аграрной истории сельского микрорайона», коллективный доклад 11 авторов (А. З. Барабой, С. Я. Боровой, Г. П. Жидков, Ю. Ю. Кахк и др.). «К вопросу о зависимости интенсивности и форм антифеодальной борьбы крестьянства от основных тенденций развития феодальной экономики и степени эксплуатации крестьян в конце XVIII и в первой половине XIX в. в Российской империи» и доклад Ю. В. Арутюняна (Москва) «Изучение социальной структуры колхозного крестьянства в СССР».

Х. Х. Круус, осветив методологические и методические аспекты краеведческого изучения местной аграрной истории, подчеркнул, что такая работа по исследованию микроструктуры общественно-экономических отношений может способствовать возрастанию роли исторической науки в нашем коммунистическом строительстве.

Авторы коллективного доклада на основании материалов по разным частям Российской империи (Белоруссия, Южная Эстония, Литва, Новороссия, Туль-

ская губ. и др.), заключили, что, если вести наблюдения по достаточно большим территориям или в достаточно широких хронологических рамках, то наблюдается общая тенденция зависимости преобладающих форм и размаха крестьянского движения от интенсивности феодальной эксплуатации крестьянства.

В I секции были заслушаны доклады по средневековой аграрной истории России, а также Польши, Чехии и Далматинской Хорватии. В. А. Якубский (Ленинград) выступил с докладом «Споры вокруг соотношения внутреннего и внешнего рынка в фольварочной Польше и некоторые вопросы моделирования», который представляет несомненный интерес в связи с построением модели польского аграрного строя XVI—XVII вв. В. А. Якубский, анализируя расчеты А. Вычаньского, показал, что после внесения необходимых поправок его схема не может говорить в пользу гипотезы об ориентации фольварка преимущественно на внутренний рынок.

Доклад Л. П. Лаптевой (Москва) «Борьба ходов в Чехии против попыток их закрепощения в XVII в.» был посвящен одному из частных вопросов истории классовой борьбы чешских крестьян, причем это выступление ходов Л. П. Лаптева считает одним из доказательств того, что классовая борьба крестьян в период феодализма не всегда определяется только их тяжелым материальным положением.

М. М. Фрейденберг (Калинин) в докладе «Эволюция земельного держания в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв.» рассмотрел изменения, происходившие в рамках кметских и арендных отношений.

В программу симпозиума был включен доклад Е. М. Халмашкиевой (Ленинград) «Фольварк и деревня по Люблинской люстрации 1565 года», посвященный возможностям создания моделей барщинно-крепостнического поместья и крестьянского хозяйства той поры. В. Ф. Инкин (Львов) поделился своими наблюдениями по истории дворища и сельской общины на волошском праве в Галичине XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии. На заседании I секции были также зачитаны доклады Ю. М. Гроссмана (Львов) «Привилегии землевладельцев и юридическое положение крестьян Русского и Бездского воеводств XVI — первой половины XVII вв.»

и М. Я. Лойберга (Киев) и В. Э. Шляпченко (Новосибирск) «Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европе».

В III секции был заслушан доклад Е. П. Наумова (Москва) «К вопросу о социальной структуре сербской деревни после антифеодального аграрного переворота (30—50-е годы XIX в.)». Автор, определив примерный удельный вес беднейшего и наиболее зажиточного крестьянства, пришел к выводу, что в Сербии тогда середняцкие хозяйства были наиболее многочисленны, а имущественное и социальное расслоение в деревне развивалось еще относительно слабо вследствие общей экономической отсталости Сербии, некоторого ограничения землеугодия сельской буржуазии, а также влияния общины и «задруги» (большой семьи).

Проблемы аграрной истории феодального Польского государства и входивших тогда в его состав белорусских, украинских и литовских областей на заседаниях III секции нашли освещение в докладах И. В. Созина (Москва) «Проблемы рабочих рук в магнатском хозяйстве Польши во 2-й половине XVIII в.», В. А. Маркиной (Киев) «Социальная структура деревни Правобережной Украины в XVIII — начале XIX в.» и Д. Л. Похилевича (Львов, совместно с В. Чугаев) «Лесничества Белоруссии и Литвы в 70—80-х годах XVIII в. (Производство; население)».

Сделанный в V секции доклад Ю. Ю. Кахка (Таллин) «О некоторых общих проблемах сравнительного исторического анализа социалистического переустройства сельского хозяйства в Европе» представлял собой попытку сравнительного анализа процессов преобразования сельского хозяйства в Эстонии и в европейских странах народной демократии. Автор ставил себе задачу обратить внимание на некоторые более общие вопросы, которые в последнее время стали в центре внимания историков стран лагеря социализма: зависимость темпов социалистического преобразования деревни от методов этого преобразования, сдвиги в социальной структуре деревни до массовой коллективизации, активность разных социальных прослоек крестьянства при вступлении в кооперативы. Выступавшие в прениях по этому докладу подчеркнули необходимость конкретного исследования вопроса о роли низших форм кооперативов в подготовке коллективизации.

Аграрной истории европейских стран социализма были посвящены доклады В. В. Марьиной (Москва) «Формы социалистического кооперирования чехословацкой деревни» и Г. П. Мурашко (Москва) «Изменения социальной структуры чехословацкой деревни в период социалистического преобразования сельского хозяйства». В докладе В. В. Марьи-

ной основное внимание было сконцентрировано на своеобразии социалистических форм кооперирования в Чехословакии, обусловленных историческими особенностями развития страны и глубокими демократическими традициями кооперативного движения среди крестьянства в предшествующий период. В. В. Марьиной подчеркнута, что КПЧ, приступая в 1948 г. к решению вопросов социалистической перестройки деревни, творчески разрабатывала тактику подвода основных масс крестьянства к новым формам ведения хозяйства. В докладе дана подробная характеристика различных типов кооперативов, сложившихся в чехословацкой деревне в ходе кооперирования, и поставлен вопрос о темпах перехода от низших форм кооперативов к высшим. В частности, докладчица указала, что ускорение темпов перехода к более высоким типам ЕСХК в 1952 г., когда еще не было достаточно подготовленной материальной базы для такого перехода, привело к спаду и стагнации в кооперативном движении ЧССР в 1953—1955 гг.

Доклад Г. П. Мурашко был посвящен вопросам социальной структуры чехословацкой деревни. Автор, дав характеристику основных групп сельского населения, показала, что чехословацкая деревня накануне кооперирования существенно отличалась по своей социальной структуре от советской доколхозной деревни. Она не была монолитно земледельческой и среди населения деревни наиболее высокую по удельному весу группу составляли коворольники — промышленные рабочие, для которых занятие сельским хозяйством играло второстепенную роль. Отсутствовали или почти отсутствовали в чехословацкой деревне к 1949 г. и такие категории сельского населения как наемные сельскохозяйственные рабочие и беднота.

Анализ темпов вступления отдельных групп крестьян в кооперативы показал, что наиболее активно объединялись середняки, и значительно медленнее — мелкие крестьяне и коворольники. Этот вывод, как показал выступивший в прениях Э. Э. Лааси (Таллин), подкрепляют и материалы о ходе коллективизации в Эстонии. Э. Э. Лааси высказал мнение, что причину этого следует, по-видимому, искать в налоговой политике государства.

О различных путях решения вопроса ликвидация капиталистических элементов в деревне в ходе социалистической перестройки говорил Ю. А. Мошкв (Москва).

Участники симпозиума выразили благодарность Институту истории АН Эстонской ССР за организацию Таллинской сессии. Очередная, X сессия состоится в 1967 г. в Москве, в Институте истории АН СССР.

Э. Тарвел

СОВЕЩАНИЕ ПО ТОПОНИМИКЕ

С 14 по 16 ноября 1966 г. в Институте славяноведения АН СССР проходило объединенное совещание топонимистов, лингвистов и географов, посвященное вопросам изучения местных географических терминов, их места и роли в топонимии¹. В работе совещания, организованного Московским филиалом Географического общества СССР, Институтом русского языка АН СССР, Институтом славяноведения АН СССР и Институтом географии АН СССР, приняли участие более 80 работников учебных и научных заведений РСФСР, Украины, Белоруссии, Латвии, Молдавии, Средней Азии, Казахстана, а также ученые Польши, ГДР и Югославии.

Во вступительном слове проф. А. А. Реформатский (Институт языкознания АН СССР) охарактеризовал современное состояние изучения топонимики в СССР, подчеркнул плодотворность совместной работы языковедов и географов, указал на ряд задач, стоящих перед ними, и в первую очередь на необходимость сбора местных географических терминов и их строгой систематизации. Он поддержал высказанную ранее проф. Э. М. Мурзаевым идею о составлении Академического словаря географических терминов, встречающихся на территории СССР.

С обстоятельным докладом «Местные географические термины и их роль в топонимике» выступил Э. М. Мурзаев (Москва). Он отметил, что географические условия, природная среда, специфика материальной культуры порождают детализацию и специализацию географической терминологии и что их изменения вызывают смысловые сдвиги в географической терминологии. Докладчик подчеркнул, что изменения содержания термина обычны и в одной языковой среде, и в этом случае они интересны не только топонимистам и географам, но в первую очередь — диалектологам. Именно знание узлокальной семантики географических терминов позволит более правильно решать этимологические вопросы, что было и остается важным направлением топонимической науки. Различна роль географической терминологии в образовании гидронимов, оронимов, названий населенных мест. Выяснение первичного значения самых простых географических терминов требует глубокого исследования массового топонимического материала. Э. М. Мурзаев предложил осуществить совместными усилиями лингвистов и географов составление Академического словаря географических терми-

нов, отмеченных на территории Советского Союза, по единой программе.

Ю. А. Карпенко (Черновцы) в докладе «Взаимосвязь географических терминов и топонимов» охарактеризовал то, как путем утраты одного или нескольких признаков топонимы превращаются в нарицательные географические термины, как противоположный процесс увеличения количества признаков, учитываемых названием, приближает географические термины к топонимам и иногда превращает их в топонимы; принципиальное отличие перехода топонимов в географические термины от многочисленных превращений их в разные нарицательные слова негеографической семантики.

Н. В. Подольская (Москва) в докладе «Народные географические термины в терминологической системе» отметила, что физическая география не располагает ни строгой системностью ботаники или зоологии, ни соответствующей системой латинских терминов. Народные термины в географии составляют основной фонд ее номенклатуры. Ни в одной другой науке не встречается столь широкое проникновение народных слов в терминологию. Процесс терминологизации слов в географической номенклатуре происходит как из сферы общелитературной, так и из сферы диалектной. Докладчик поставил вопрос о возможности систематизации и нормализации народных (местных) географических терминов.

В докладе Г. П. Бондарук (Москва) «Местная географическая терминология и диалектология» был рассмотрен вопрос классификации географических терминов в диалекте. Г. П. Бондарук выделила три группы географических терминов: 1) географические термины, общие с литературным языком, 2) термины, встречающиеся как в говорах, так и в литературном языке, но с разными значениями, и 3) местные географические термины (в собственном смысле слова), фиксируемые на ограниченных ареалах. Она отметила, что диалектные географические термины отражают особенности соответствующих диалектов, и остановилась на некоторых восточнославянских географических терминах, имеющих разные (иногда противоположные) значения в различных диалектах. Г. П. Бондарук указала на необходимость специального сбора местной географической терминологии диалектологическими экспедициями по единой программе и на необходимость упорядочения правописания местных географических терминов на картах и других официальных материалах.

Лексико-семантический состав и словообразовательная структура наименований пахотных иенокосных угодий в севернорусских говорах, отражение

¹ Тезисы докладов см. в брошюре «Местные географические термины в топонимии». М., 1966.

этих названий в деловых документах XV—XVII вв. и их использование в топонимии были охарактеризованы в сообщении Ю. С. Азарх (Москва). Вопросу о месте географических терминов в топонимии Белорусской ССР, их классификации и различных видах проявления было посвящено сообщение В. А. Жучкевича (Минск). Г. П. Смолицкая (Москва) на материале памятников русской письменности XII—XVII вв. и картотек областных рязанских словарей проследила обусловленное территориально и хронологически развитие семантики слова *корь* (*корёк*), известного в русском языке как географический термин, активно участвующий в образовании топонимов. В. И. Тагунова (Муром) свое сообщение посвятила анализу некоторых исторических изменений в географической номенклатуре: утраты географическими терминами в ряде случаев однозначности, широкого вовлечения их в систему топонимических наименований, перехода некоторых из них в словообразовательные форманты, изменений в составе географических терминов. Затронутые ею вопросы представляют значительный интерес для историков, географов, картографов и лингвистов.

В докладе «Некоторые проблемы и задачи изучения славянских географических терминов» Н. И. Толстой (Москва) отметил, что система терминов в каждом конкретном диалекте отличается от системы литературного языка прежде всего большей *открытостью и подвижностью*, неравномерной детализацией в разных отделах конкретной терминологической сферы. При идентичных внешних условиях в разных диалектах нередко обнаруживается различная система терминов. Исследование этого явления на материале географической терминологии особенно важно для лингвистов, так как именно в этой сфере влияние внешней среды должно быть гораздо значительнее, чем во многих других сферах. Докладчик подчеркнул важность изучения семантики славянских топонимов, компонентом которых является географический термин; при этом следует обратить внимание на то, что одни и те же лексемы могут означать разные географические реалии. Н. И. Толстой считает, что назрела необходимость создания славянских региональных словарей и атласов географической терминологии наряду с топонимическими атласами, монографий по сравнительному изучению славянских географических терминов. Все это способствовало бы решению важнейшей славистической проблемы — определения прародины славян.

Интересный доклад на тему «Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото'» сделал В. М. Мокнецко (Ленинград). Анализ богатой мест-

ной болотоведческой терминологии позволил докладчику заявить, что основная масса этих терминов — славянская по происхождению, и выделить несколько наиболее общих семантических моделей, по типу которых они образовались и образуются в славянских языках и диалектах.

Сообщение А. В. Суперанской (Москва) было посвящено вопросу терминологичности цветowych названий рек в славянской и тюркской гидронимии. Было высказано предположение о связи названий *Черная* и *Белая* с направлением течения рек (например, в районе Пскова—Новгорода и на Среднем и Южном Урале большинство «черных» рек течет с запада на восток).

М. Ф. Семенова (Рига) на материале местных географических терминов, встречающихся в топонимах Латвии, проследила русско-латышские языковые связи. С сообщениями также выступили Т. А. Марусенко (Каменец-Подольск) — «Некоторые закономерности в географической терминологии Украины», В. Ф. Дамбе (Рига) — «Географическая терминология в гидронимии Латвии», Ю. Г. Вылежнёв (Пермь) — «Местные географические термины в микротопонимии Пермской области», Л. Л. Трубе — «Местные географические термины в топонимии Горьковской области», В. Е. Михайлович (Нови Сад) — «О нецветовой сущности слов *белый* и *черный* в названии ветров». Э. Д. Барышникова (Свердловск) информировала о том, что сбор местных географических терминов ведется топонимистами Уральского университета в связи с составлением Словаря русских народных говоров Урала и с фронтальным сбором уральской и севернорусской топонимии и что составляется Программа по собиранию географических терминов Урала и русского Севера. С большим интересом было прослушано сообщение Г. П. Клепиковой (Москва) о характере синонимии и омонимии в карпатоукраинской терминологии горного ландшафта (по материалам подготовленного в Институте славяноведения АН СССР «Карпатского диалектологического атласа»).

Были заслушаны также доклады Е. М. Поспелова (Москва) «Географическая терминология в анализе субстратной топонимии», А. П. Дульзова (Томск) «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока», прочитанный О. Т. Молчановой, Г. К. Конквашаева (Алма-Ата) «Общие закономерности местной тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана» и сообщения В. Н. Поповой (Чимкент) «Информационная роль тюркских географических терминов в составе топонимов», А. З. Розенфельд (Ленинград) «Термин *куль* и его варианты в названиях озёр», О. Т. Мол-

чановой (Томск) «Отражение диалектных особенностей алтайского языка в орографической терминологии», С. К. Караева (Ташкент) «Некоторые народные географические термины в топонимии зоны контактирования узбеков, таджиков и киргизов», М. Гельдыханова (Ашхабад) «О гидрографических терминах Туркменистана».

С большим вниманием был заслушан доклад проф. С. Роспонда (Вроцлав) «О прародине славян в свете данных ономастики». На основе структурно-словообразовательного анализа северославянской гидронимии С. Роспанд установил два крупных гидронимических ареала: западный (между Вислой и Днепром) и восточный (средняя Припять и Поднепровье), первый из которых характеризуется *первичными* топонимическими структурами и преимущественно твердыми основами, второй — *вторичными*, производными топонимическими структурами с мягкими основами (ср. *Висла* — *Вислица*, *Одра* — *Одрина*). С. Роспанд подробно рассмотрел три класса гидронимов: 1) с суффиксом *-es* (*Плиса*, *Нотесь*), 2) с суффиксом *-енца* (*Дрвенца*, *Равенца*), 3) основы с *y||ev* (*Нерев*, *Моква*). Он подчеркнул методологическую необходимость комплексного структурного (формального) и семантического анализа славянского топонимического и этнонимического материала с установлением ареалов основных типов.

Д-р Г. Борек (Ополе) прочитал интересный доклад о западнославянских топонимах с формантом **-ьп* (*Гнезно*, *Гродно* и под.). Семантический анализ

топонимов, по его мнению, выявляет широкое абстрактное адъективное значение форманта, сочетающегося с аппелятивными основами со значением характеристик местности по признакам ее физиографии, флоры и фауны. Формальный анализ позволяет установить ареалы распространения отдельных формальных типов (топонимов в формах различных грамматических родов и в полных и кратких формах) по всей славянской территории (например, формы среднего рода на *-но* обнаруживают особенное скопление в севернолехитской зоне, а также в районе Новгорода — Пскова). Формальный анализ топонимов с **-ьп* позволяет также реконструировать значительное число утраченных западнославянских аппелятивов и топонимов.

В прениях по докладам проф. С. Роспонда и д-ра Г. Борка выступили проф. С. Б. Бернштейн (Москва), Г. П. Бондарук, Ю. А. Карпенко, Н. В. Подольская, Г. П. Смолицкая, Н. И. Толстой. В обсуждении других докладов и сообщений приняли участие также В. И. Тагунова, В. М. Мокиенко, Г. К. Конкашпаев, О. Р. Назаревский (Москва) и др.

Советание показало все возрастающий интерес к топонимии не только как объекту языкознания, но и смежных наук.

Участники совещания приняли решение об издании материалов совещания и о созыве через 1—1,5 года следующего совещания, посвященного вопросам составления зональных (региональных) словарей местных географических терминов.

Э. Григорян

СЛАВИСТИКА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ) была основана в 1938 г. на базе фондов Исторического музея, библиотеку которого составили книжные коллекции крупных ученых и библиофилов, в том числе таких русских славистов, как А. Ф. Гильфердинг, А. А. Котляревский, В. И. Касаткин, а также книги П. И. Кеннена, О. М. Бодянского и др.

В настоящее время библиотека продолжает пополняться как вновь выходящими книгами, так и изданиями прошлых лет.

Наиболее значительная из библиотек ученых-славистов, сохранившая в фондах ГПИБ свои прежние контуры — библиотека А. А. Котляревского (1837—1881), ученика О. М. Бодянского. С 1868 г. А. А. Котляревский — профессор Дерптского, а затем Киевского университетов. Он был председателем Славянского благотворительного комитета в

период войны 1877—1878 гг.¹ Мечтой Котляревского было создание энциклопедии славяноведения — систематического обобщения всего, что было сделано в этой области. Библиотека его отличается интересным и своеобразным подбором книг по славяноведению, мифологии, этнографии, археологии. Большую часть ее составляют материалы по истории национального возрождения чехов, словаков, галичан, лужицких сербов, а также южных славян. В библиотеке Котляревского собраны монографии, брошюры, сборники, а также журналы и другие периодические издания за многие годы. Материалы подобраны весьма тщательно и

¹ Данные по истории создания библиотеки почерпнуты нами из] рукописи И. Н. Розанова «Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее», написанной в 1937 г. и хранящейся в фонде ГПИБ.

содержат издания на всех славянских и некоторых европейских языках. Большой интерес представляют собранные тематически и переплетенные в 12 томов вырезки, носящие названия «Collectanea slavica». Это — подборка вырезок из русских, немецких, славянских и других журналов, содержащая научные статьи, рецензии, заметки по славистике, опубликованные в различных периодических изданиях XIX в. (до 1869 г.). Каждый том открывается оглавлением; на каждой вырезке рукой Котляревского помечено, из какого журнала она сделана. Перед некоторыми вырезками находится краткое резюме-рецензия с подписью «А. К.» (Котляревский). В библиотеке Котляревского имеются книги, принадлежавшие Кеппену, Бодянскому, Максимовичу. На некоторых книгах из библиотек Кеппена и Максимовича имеются дарственные надписи Коллара, Шафарика и др.

Интересная коллекция книг, принадлежавших О. М. Бодянскому, попала в библиотеку через коллекцию А. П. Шапова, приобретенную Историческим музеем. На книгах Бодянского имеются надписи, сделанные его рукой, гласящие, где, когда и от кого книга приобретена. Большинство книг было собрано Бодянским во время путешествия 1837—1842 гг. по славянским странам.

Большую ценность представляют книги из библиотеки А. Ф. Гильфердинга, некогда приобретенные книжным собирателем князем А. И. Барятинским (1815—1879) и вместе с остальными книгами Барятинского попавшие в фонд Исторического музея. Основную часть библиотеки Гильфердинга составляют книги о Сербии. На многих из них автографы сербских ученых, дарственные надписи Гильфердингу или его подписи. К сожалению, библиотека Гильфердинга растворилась в фондах библиотеки Барятинского. Через собрание Барятинского поступили в Исторический музей и книги по истории польского революционного и национально-освободительного движения, собранные русским революционером-эмигрантом В. И. Касаткиным.

Большой интерес представляет коллекция журнальных статей и газетных вырезок историка М. Д. Хмырова (1830—1872). Коллекция содержит материалы за 1755—1865 гг., касающиеся политики, истории, экономики, литературы, науки отдельных славянских стран, а также тематические подшивки по общим проблемам славяноведения. Все эти материалы переплетены в отдельные тома и в настоящее время хранятся в газетном зале библиотеки. Наиболее важными разделами коллекции являются: «Славяне. Австрийские владения — Чехия и др.» — 4 тома; «Славяне (Сборник)» — материалы, касающиеся общих проблем славяноведения — 12 томов; «Польша» — 16 томов;

«Черногория» — 1 том, п т. д. Есть материалы о славянах также в подборке «Австрия» — 8 томов.

Кроме того, библиотека Исторического музея, а затем и Историческая библиотека постоянно приобретали как текущую литературу, так и литературу за прошлые годы. В настоящее время советская книга по славистике представлена в библиотеке практически с исчерпывающей, а русская книга с почти исчерпывающей полнотой. Кроме того, библиотека располагает полно комплектованными фондами русской периодики, в том числе журналами, постоянно отражавшими славянскую тематику («Вестник Европы», «Киевская старина», «Славянские известия» и др.).

Библиотека располагает значительным собранием источников по истории славянских стран в средние века. Прежде всего следует отметить многотомные публикации, выходявшие с конца XVIII по XIX век². Раздел многотомных публикаций источников по истории средних веков продолжает пополняться как за счет выхода новых серий (например, «Извори за българската история», так и за счет новых томов, продолжающих публикации XIX в.³

Интересны собранные в отделе редкой книги славянские издания XVI—XVII вв. — первое издание Хроники Галека из Либочан, прижизненные издания Коменского, многочисленные польские хроники⁴.

Из материалов по истории нового времени прежде всего следует отметить русские книги, а также многочисленные отписки статей, отражающих интерес русского общества в XIX в. к общим проблемам славяноведения. Наиболее полно комплектован фонд по истории Польши. Большой интерес представляют материалы по истории национально-освободительного и революционного движения в Польше конца XVIII — середины XIX вв. В отделе редкой книги хранится уникальная подборка листовок, воззваний, брошюр, выпущенных в Варшаве с 24 марта по 3 июня 1794 г. Часть из них подписана Костюшкой, часть — комендантом Варшавы Закшевским.

² Например, «Archiv český», «Staré paměti dějin českých», «Volumina legum», «Acta historica res gestas Poloniae illustrantia», «Monumenta Poloniae historica» и др.

³ Последние тома «Codex juris municipalis Regni Bohemiae», «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae» и др.

⁴ A. Cellarius Regni Poloniae Magnique ducatus Litvaniae... novissimo descriptio. Amsterdam, 1612; M. C. r. o. m. e. r. u. s. De origine et rebus gestis polonorum libri XXX. Basileae, 1555, и др.

В библиотеке имеется также обширная коллекция брошюр польской эмиграции, изданных преимущественно в Париже, а также в Англии, позволяющая проследить полемику между реакционным «отелем Лямбер» и демократической эмиграцией, а также между Демократическим обществом и громадой «Грудзѣндз». Значительный интерес представляет редкое собрание изданных в Лондоне документов «Lud polski w emigracji», а также первоиздания произведений Мицкевича, Мохнацкого, Лелевеля, Меровславского и др.

Хорошо представлены в фондах библиотеки материалы по истории восстания 1830 и 1863 гг. Выпущенная в 1962 г. ГПИБ совместно с Фундаментальной библиотекой общественных наук АН СССР и Институтом славяноведения АН СССР библиография литературы по истории восстания 1863 г. составлена почти исключительно по фондам Исторической библиотеки.

Многообразны и фонды библиотеки по истории славянского возрождения. Имеются первые издания работ Добровского и Бернолака, Юнгманна и Шафарика, Караджича и Головацкого, Штура и Коллара, произведения Смоляра, Горника и др. Широко представлена также славянская художественная литература этого периода.

Из литературы по истории славянских стран во второй половине XIX в. в первую очередь следует отметить русские и зарубежные материалы, касающиеся широкого круга вопросов, связанных с войной 1877 г. Значительная литература собрана в библиотеке и по истории освобождения Болгарии.

История рабочего движения в славянских странах представлена преимущественно книгами и публикациями последних лет издания⁵.

Хорошо представлены отклики на русскую революцию 1905 г. в славянских странах⁶.

Влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на славянские страны посвящен ряд фундаментальных публикаций и монографических изданий⁷.

По истории периода между мировыми войнами наиболее полно представлена проблематика создания независимых славянских государств, революционная борьба, рабочее и коммунистическое движение. Имеется богатый материал по истории Мюнхенского сговора и кануна второй мировой войны. Период войны и движение Сопротивления в славянских странах представлены в библиотеке многочисленными публикациями документов, монографиями, мемуарами и материалами прессы⁸. Особо следует отметить хранящиеся в библиотеке публикации по истории второй мировой войны и движения Сопротивления в отдельных районах Польши, Чехословакии, Болгарии. Материалы эти, выходящие, как правило, в местных издательствах, библиотека получает весьма полно, однако используются они специалистами еще весьма недостаточно.

Послевоенный период истории славянских стран отображен в фондах библиотеки наиболее полно. Здесь имеются все важнейшие издания на русском и славянских языках: конституции, народнохозяйственные планы, статьи и речи руководителей партии и правительства, статистические сборники, монографии и брошюры.

Библиотека систематически осуществляет книгообмен с 55 учреждениями всех славянских стран (по данным на начало 1966 г.).

ГПИБ ведет большую справочную работу, организует выставки, публикует обзоры и библиографии. В настоящее время подготовлены обзоры фондов по истории славянского возрождения Чехии, Словакии, Польши, Галличины, заканчивается составление обзоров по истории Болгарии и Югославии, вышла библиография по истории Австрии и австро-славянских отношений. Библиотека принимает участие в составлении большой коллективной библиографии по истории движения Сопротивления в Европе.

Н. М. Пашева

⁵ Таковы трехтомная публикация Д. Коджейкова «Рабочническо движение в България» (София, 1953—1955); «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. Materiały i dokumenty» (т. 1—2. Warszawa, 1962), и монографии по истории рабочего движения, например, труды З. Шолле и др.

⁶ См. Н. М. Пашева. К 60-летию первой русской революции. — «Новая и новейшая история», 1965, № 1.

⁷ «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните

борби в България през 1917—1919». София, 1957; «Ohlas Velké Říjnové socialistické revoluce v Československu». Praha, 1957, и др.

⁸ Из документальных публикаций прежде всего следует упомянуть более чем 60-томную югославскую публикацию «Зборник докуменata и podataka o narodnoslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda». Затем — болгарскую «Говори радиостанцията Христо Ботев», чехословацкую «Cesta ke květnu», материалы о Словацком национальном восстании и др.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

● 27 октября 1966 г. на заседании Объединенного Ученого совета Института языкознания и Института литературы АН БССР в Минске состоялась защита кандидатской диссертации П. И. Сигеды на тему «Системы согласных фонем сербско-хорватских говоров».

Работа П. И. Сигеды — первая попытка сравнительно-типологического описания фонологических систем говоров одного языка. Сербско-хорватский язык представляет в этом отношении особый интерес, так как он отличается значительной диалектной дифференциацией. В диссертации рассмотрено 83 диалектных системы, которые группируются по 33 типам. Ввиду того что существующие описания говоров являются в основном описаниями фонетическими, а не фонологическими, они лишены методологического единства и, следовательно, трудно сопоставимы. Поэтому, основываясь на некоторых теоретических предпосылках, автор постулирует предложения теоретического и процедурного характера, которые призваны помочь ему получить общую и достаточно единообразную картину фонологической дифференциации сербско-хорватских говоров. Главной целью работы является построение простой и удобной стереометрической схемы, символизирующей консонантную модель, и экономное описание консонантных моделей сербско-хорватских говоров посредством этой схемы. П. И. Сигеда предлагает также свою методику решения проблемы слогораздела в сербско-хорватском языке (на основе дистрибуции фонемоидов в начале фонологического слова) на материале одного говора, наиболее полно представленного текстами. Официальными оппонентами выступили д-р филол. наук проф. Р. Г. Пиотровский и д-р филол. наук А. Е. Супрун, которые высоко оценили труд диссертанта. Р. Г. Пиотровский отметил, в частности, что работа П. И. Сигеды является первым опытом фонематического описания разновидностей сербско-хорватского языка. Вместе с тем оппонентами были высказаны и критические замечания. Так, Р. Г. Пиотровский указал на недостатки процедуры фонематической интерпретации фонетических явлений. А. Е. Супрун отметил недостатки в обосновании эффективности принятой в работе объемной схемы для описания фонематических систем, а также отсутствие карт, представляющих территориальное распространение описываемых диалектных систем.

Ученый совет единогласно присудил П. И. Сигеде ученую степень кандидата филологических наук.

В. Л. Веренич

● 4 ноября 1966 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Московского университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук А. Г. Широковой на тему «Многочратные глаголы в чешском языке».

В диссертационной работе А. Г. Широковой многократные глаголы исследуются в синхроническом и диахроническом плане. Категория многократности, выражаемая этими глаголами, исследуется в тесной связи с категориями вида и времени. Автор доказывает, что многократные глаголы в чешском языке не являются грамматической категорией и особым видом. Категория многократности рассматривается как категория переходного характера, многократные глаголы являются средством выражения одного из способов глагольного действия.

В диссертации дается детальная характеристика структурно-морфологических типов многократных глаголов, их семантики и стилистического функционирования. А. Г. Широкова опровергает распространенное мнение о том, что в чешском языке почти от каждого глагола несовершенного вида образуется многократный глагол, и выявляет ряд структурно-морфологических, семантических и стилистических ограничений, препятствующих образованию и употреблению многократных глаголов. Серьезным достижением автора диссертации является также установление основного значения исследуемых глаголов (значения неопределенной кратности), которое реализуется в широкой гамме частных значений, свойственных различным видо-временным формам, и взаимодействует с контекстуально обусловленными значениями многократных глаголов.

Важную роль в исследовании играет сопоставление многократных глаголов с лексико-синтаксическими средствами выражения повторяемости, которое помогает точнее определить роль и место морфологического способа выражения повторяемости в кругу остальных способов передачи этого значения, а также выявить некоторые особенности функционирования видо-временных форм глагола в чешском языке.

Большое значение имеет освещение проблемы возникновения и последующей эволюции многократных глаголов в чешском языке. Происхождение многократных глаголов А. Г. Широкова связывает с изменениями в видо-временной системе

чешского глагола, в частности, с утратой простых прошедших времен. Прослеживая основные этапы развития многократных глаголов (с XIV—XV в. до настоящего времени), она устанавливает время их появления, характеризует развитие семантических групп и структурных типов, функционирование многократных глаголов, определяет кульминационный период в употреблении наиболее полного набора форм этих глаголов (XVI—XVII вв.), показывает значительное сокращение сферы их употребления в современном языке.

Официальными оппонентами по диссертации выступили доктор филологических наук: проф. П. С. Кузнецов, проф. А. М. Иорданский, проф. Р. И. Аванесов. Был зачитан также отзыв отсутство-

вавшего на защите официального оппонента доктора филологических наук проф. Ю. С. Маслова. Все оппоненты дали высокую оценку диссертации А. Г. Широковой, отметив, что это серьезное и актуальное исследование является значительным вкладом не только в богемистику, но и в славянское языковедение вообще.

Были оглашены также отзывы научных учреждений и ученых Советского Союза и Чехословакии (акад. Б. Гавранек, чл.-корр. Я. Белич и др.).

Ученый совет единодушно проголосовал за присвоение А. Г. Широковой ученой степени доктора филологических наук.

Л. Смирнов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

К 1050-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО

В 1966 г. исполнилось 1050 лет со дня смерти Климента Охридского — одного из ближайших учеников, сподвижников и продолжателей просветительской деятельности Кирилла и Мефодия. В этой связи в Охриде 10—12 сентября 1966 г. состоялись торжества, посвященные памяти Климента, в которых приняли участие слависты из многих стран, в том числе из всех славянских, руководящие партийные, государственные и общественные деятели Македонии, видные ученые из всех республик Югославии, профессора и преподаватели Скопльского университета, жители Охрида и его окрестностей.

На одном из заседаний был заслушан доклад известного югославского писателя и слависта, профессора Скопльского университета Блаже Конеского о деятельности Климента Охридского. Особое внимание докладчик уделил общеславянскому значению этой деятельности. На другом заседании выступили представители различных научных учреждений как Югославии, так и других стран. Советские делегаты — действительный член Академии наук БССР, белорусский поэт П. Ф. Глебо и автор этих строк — подчеркнули в своих выступлениях, что деятельность Климента оставила глубокий след в развитии письменности, литературы, культуры всех восточнославянских народов. В архивах и библиотеках нашей страны до сих пор хранятся свыше полтораста различных списков нескольких десятков произведений, обычно связываемых исследователями с именем Климента. Был отмечен и вклад русской науки в изучение его наследия, в первую

очередь таких ученых, как Ундольский — первооткрыватель произведений Климента, Соболевский — их первоиздатель, Туницкий — автор одной из первых наиболее обстоятельных монографий о жизни и деятельности Климента.

Кроме того, был организован массовый митинг у могилы Климента (церковь св. Пантелеймона в Охриде), проведена экскурсия в монастырь св. Наума.

Тщательная двухлетняя подготовка позволила организаторам всех этих мероприятий продемонстрировать значительные успехи югославских ученых в исследовании кирилло-мефодиевского наследия. К этой дате были специально выпущены три издания: сборники статей «Словенская письменность» и «Книга за Климент», а также подготовленный В. А. Мошиным «Палеографски албум на јужнословенско кирилско писмо». Кроме того, в Охриде была открыта выставка памятников словенской письменности, на которой особенно полно была представлена эпиграфика. Нельзя не упомянуть и специально подготовленную ораторию, посвященную Клименту (композитор Властимир Николовски) и исполненную филармонией Македонии и хором радио и телевидения Белграда.

Таким образом, еще раз было обращено внимание широкой общественности на деятельность первосоздателей славянской письменности и литературы, на единство славянских народов, для укрепления которого так много сделал Климент и которое на протяжении последующего тысячелетия выдержало все испытания.

Ю. В. Бромлей

СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПЕРВОЙ СЕССИИ АВНОЮ

4—7 октября 1966 г. в Бихаче (Югославия) происходил симпозиум, посвященный историческому значению Первой сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), состоявшейся в Бихаче 26—27 ноября 1942 г. и сыгравшей важную роль в развитии антифашистской Народно-освободительной войны и Народной революции в Югославии. В симпозиуме приняло участие свыше 100 военных и гражданских историков, деятелей народного просвещения, публицистов и писателей из всех республик Югославии и свыше 20 представителей науки и культуры из 8 зарубежных стран (ГДР, Италии, Польши, СССР, США, Франции, ФРГ и Чехословакии). В 45 докладах и сообщениях подверглись исследованию военная и политическая обстановка в Югославии в 1941—1942 гг., влияние побед Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) на укрепление международного положения югославского Народно-освободительного движения, политическая, военная, экономическая и культурно-просветительная деятельность органов народной власти и др.

Во вступительном слове Политического секретаря ЦК Союза коммунистов Хорватии В. Бакарича — О роли и месте «Бихачской республики» в Народно-освободительной борьбе и революции народов Югославии — было подчеркнуто, что Первая сессия АВНОЮ сыграла важную роль в освободительной борьбе югославских народов и была, несомненно, существенным этапом в развитии революции, значение которого в предшествующей историографии несколько недооценивалось. Предложенная В. Бакаричем периодизация развития Народно-освободительной борьбы и революции в Югославии (1. «Ужицкая республика»; 2. «Бихачская республика»; 3. Вторая сессия АВНОЮ в г. Яйце; 4. Решения, принятые на о-ве Вис; 5. Освобождение Белграда и превращение АВНОЮ во Временную народную скупшину), хотя и вызвала известные возражения (Дж. Станисавлевич), была оценена участниками симпозиума как новый подход к исследованию этапов Народно-освободительной войны и революции в Югославии.

Ряд докладов югославских ученых был посвящен проблематике развития Народно-освободительной войны и революции в Югославии и значению Первой сессии АВНОЮ в дальнейшем расширении боевых операций НОАЮ и углублении революционных процессов (доклады П. Морачи, П. Качавенды, К. Мухарема и др.). Роль Первой сессии АВНОЮ в сплочении всех народов Югославии на платформе антифашистской освободительной борьбы показал в своем

докладе — Национальный вопрос и АВНОЮ — акад. Ф. Чулинович.

Значительная группа докладов как югославских (Н. Божич, Д. Лукач, Э. Вражалич и др.), так и зарубежных участников симпозиума была посвящена международному значению Первой сессии АВНОЮ, откликам на развитие Народно-освободительной войны Югославии в странах антигитлеровской коалиции и в фашистском лагере, освещению роли операций НОАЮ в общих операциях вооруженных сил антигитлеровской коалиции и другим вопросам. В. В. Зеленин (СССР) в сообщении — Отношение советской общественности к Народно-освободительной войне Югославии против фашизма (1941—1942 гг.) — показал широкую всенародную поддержку, оказанную советскими людьми патриотам Югославии с первых дней их освободительной борьбы. О появлении первой объективной информации в западно-европейской и американской буржуазной печати, упорно замалчивавшей успехи Народно-освободительного движения в Югославии и возвеличивавшей предателя Д. Михайловича, рассказал Ст. Прибичевич (США).

Интересные сведения об откликах на Первую сессию АВНОЮ в польском эмигрантском правительстве в Лондоне привел генерал Ст. Окенский (Польша); о влиянии развития Народно-освободительной войны в Югославии на взаимоотношения между чехословацким и югославским эмигрантскими правительствами в Лондоне говорил Я. Опат (Чехословакия). В докладе ряда чехословацких участников симпозиума были затронуты различные аспекты истории движения Сопротивления в Чехословакии. О резонансе, вызванном созданием АВНОЮ в рядах европейского Сопротивления, с одной стороны, и в лагере держав осей, — с другой, любопытные данные привел М. Анри (Франция). Ф. Каталано и М. Пакор (Италия) осветили вопросы итало-югославских отношений в 1942 г. и влияния успехов НОАЮ на политико-моральное состояние итальянских оккупационных войск в Югославии. О большой озабоченности гитлеровцев в связи с развитием борьбы народов Югославии в 1942 г. рассказал Э. Кольбе (ГДР). К. Хнилицка (ФРГ) сообщил об имеющихся в ФРГ материалах, касающихся «Бихачской республики».

Большая группа докладов югославских участников симпозиума (доклады В. Ивановского, В. Глишича, Ф. Бутича, М. Лековича, Э. Лакича, Ф. Тоне, С. Фиденовой и др.) была посвящена различным аспектам развития Народно-освободительного движения и революционных процессов в отдельных национальных землях Югославии. В ряде со-

общений была подробно освещена социально-экономическая и культурно-просветительная деятельность народной власти в период «Бихачской республики» (сообщения М. Огризовича, В. Африча, М. Баньевича, М. Ожегович-Хрибар, М. Заниновича и др.). В докладе М. Бодироги — Поэтизация отдельных образов и событий в герцеговинской партизанской песне — содержатся любопытные данные о бытовавших в Югославии в годы войны песнях о Красной Армии, о большевиках, о советских маршалах и т. д.

Сообщение К. Грубачича (СФРЮ) каса-

лось библиографии трудов и публикаций о Первой сессии АВНОЮ. М. С. Долгий (СССР) рассказал об освещении Народно-освободительной войны Югославии против фашизма в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», изданной в СССР.

Симпозиум, большинство участников которого четверть века назад сражалось против фашизма, прошел в атмосфере, живо напомнившей о трудных, но славных днях минувшей войны.

В. В. Зеленин

НА КОНГРЕССЕ ЮГОСЛАВСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Хозяевами очередного XIII конгресса фольклористов Югославии были ученые Македонии. Местом работы конгресса они выбрали Старый Дойран — небольшой городок на берегу Дойранского озера. На другой стороне озера — уже Греция, а сам Дойран стоит вблизи древних эпических дорог: здесь герои юнацких песен совершали свои подвиги и проезжали по пути в Солунь, Стамбул и в «Арапскую землю». В первую мировую войну Старый Дойран был до основания разрушен бомбардировкой и лишь в последние годы стал возрождаться. И сейчас еще сохранились следы трагедии, случившейся здесь почти пятьдесят лет назад: на пустующих склонах горы видны остатки стен домов, заброшенные дворы, в которых без всякого присмотра растут гранатовые деревья.

Есть особенная прелесть в том, что югославские конгрессы чаще всего проводятся не в больших центрах, а в городках типа наших районных, где традиции старой народной культуры не так стертые, где яснее проглядывают сохранившиеся черты народного быта и искусства. Третий год подряд я приезжаю на эти конгрессы и не перестаю восхищаться гостеприимством, заботливостью и изобретательностью их организаторов и тем, как смело везут они конгресс в такие места, где, кажется вначале, повернуться негде, и как в конце концов всё прекрасно устраивается.

Отличная организация, а главное — научная значительность югославских конгрессов, обсуждающих всякий раз необычайно интересные, остро актуальные и малопроясненные проблемы, год от года повышают их популярность и авторитет как в самой Югославии, так и за рубежом. Отчетный конгресс был в этом смысле весьма показательным. Разумеется, на нем присутствовали очень многие македонские фольклористы, в том числе декан философского факультета в Скопье проф. К. Пенушлиски, старейший македонский фольклорист и участник революционного движения д-р К. Камич-

лов, председатель Союза фольклористов д-р Г. Паликрушева. Широко были представлены научные учреждения и общества Белграда, Загреба, Любляны, Сараева, Приштины, Цетинья. Наряду с ветеранами конгрессов — авторитетнейшим академиком Д. Недельковичем, членом только что созданной Академии наук Боснии и Герцеговины проф. Ц. Рихтманом, д-ром В. Водушеком и другими, я увидел немало новых лиц: здесь были молодые этнологи, этномузыкологи и фольклористы-филологи, студенты, здесь были специалисты по различным отраслям народного творчества, было, наконец, немало работников радио, телевидения, концертных организаций, художественных учреждений, непосредственно связанных с пропагандой и использованием народного творчества в современной культуре.

Если учесть, что на конгресс приехали делегации и отдельные ученые из Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Советского Союза, Чехословакии, ФРГ и что в программе было заявлено свыше двадцати зарубежных докладов, то очередной югославский конгресс можно признать международным. Очень удачно выразил эту мысль д-р Я. Маркл (Прага), обратившийся к хозяевам с такими словами: «Ваш конгресс — это и наш конгресс...».

Проблема, с которой неизменно сталкиваются организаторы югославских конгрессов и которая и на сей раз оказалась трудной, — это обилие докладов. XIII конгрессу было предложено прослушать и обсудить в течение трех дней — 87 докладов. Положение не облегчилось тем, что некоторые докладчики не приехали: вместо них появились новые, не учтенные составителями программы. Пришлось прибегнуть к спасительному средству, — установить жесточайший регламент (10 минут!). Докладчики оказались на редкость дисциплинированными и безжалостно сокращали тексты своих выступлений. Программа была выполнена, но какой ценой! Впрочем, трудно упрек-

нуть в чем-либо организаторов и еще труднее предложить рациональный выход. Самое главное — что абсолютное большинство докладов, привезенных на конгрессе, действительно интересны и актуальны и очень удачно корреспондируют между собой, складываясь в небольшие циклы, каждый из которых с разных сторон и в различных аспектах освещает ту или иную тему.

Кроме ограничения докладчиков во времени было решено также, что три секции конгресса — фольклорно-этнографическая, музыковедческая и хореографическая — проведут свои заседания параллельно. Таким образом, пришлось в последний день выбрать что-то одно. Замечу здесь, между прочим, что, судя по программе и дошедшим устным отзывам, заседания хореографов и музыковедов были чрезвычайно интересны и проходили на очень высоком профессиональном уровне. К сожалению, в составе нашей делегации не было ни тех, ни других.

Одна тема программы безусловно объединила интересы всех участников конгресса — независимо от их специализации, это: «Народное творчество в условиях развития современного общества». Докладов общетеоретического плана почти не было, разговор по данной теме шел вполне конкретный, я бы сказал даже — практический. Он вращался вокруг нескольких принципиальных и злободневных вопросов: как влияют на состояние и развитие фольклора в наше время различные стороны и формы культурной жизни — печать, телевидение, туризм и т. п.? Каковы возможности и пути переработки фольклорных традиций в современной культуре, что может дать и что пока в действительности дает такая переработка? Какова в связи с этим общественная роль фольклористики, что может и что должна она делать, какое место ей предназначено в сложном и достаточно пестром потоке современной культурной жизни?

Вот несколько названий докладов, которые выразительно говорят о направлении, в каком обсуждались эти вопросы: «Профессиональная обработка народной музыки как условие дальнейшего развития народного творчества» (д-р Д. Девич); «Собирание народного творчества — новый путь развития фольклора в Болгарии» (д-р Е. Стоин); «Печать как условие развития народного творчества» (д-р Д. Антониевич); «Элементы народного творчества в современных сувенирах» (И. Лазаревич); «Использование фольклора в эстетическом образовании в ЧССР» (д-р Ф. Бонуп); «Фольклор и его значение для развития туризма в Македонии» (И. Малинков). Основной пафос докладов и дискуссии в связи с ними состоял в том, чтобы показать, какими многообразными путями входит фольклор в современную культуру, как велики и

интересны возможности этого вхождения и как еще недостаточно и некалвалифицированно они используются. Немало говорилось о вульгаризации и опошлении народного творчества, о необходимости пропагандировать бережное и подлинно творческое отношение к фольклору, изучать и критически оценивать опыт работы над фольклором, бороться против халтуры. Характерно, что газета «Лолитика» дала отчет о XIII конгрессе под заголовком: «Фольклористы против кича и шунда» (кич и шунд — современные виды эстрадной обработки народной музыки). Отрицательная роль «кича» — говорилось на конгрессе, — состоит в том, в частности, что в сознании современной молодежи, не знающей подлинного фольклора, он оказывается художественным эквивалентом народного творчества, хотя в действительности чаще всего является лишь формой его вульгаризации.

Обсуждение всех этих вопросов на XIII конгрессе имеет значение, конечно, не только для Югославии. Они чрезвычайно интересны и для нас. В советской культуре есть немало сфер, к которым должны быть обращены исследовательские поиски и общественный интерес наших фольклористов, — от художественной самодельности до туризма. Все дело, однако, в том, чтобы найти в этих сферах фольклористические аспекты и выступить применительно к ним во всеоружии научной методики, специальных знаний и с хорошо продуманными предложениями. Опыт югославских ученых может быть в этом смысле полезным и поучительным.

Другая тема конгресса, вокруг которой сосредоточилось множество докладов, — «Развитие фольклора в Македонии». Все говорит о том, что македонская фольклористика переживает подъем. В этом убеждает не только конгресс, но и посещение в Скопле Института фольклора и Философского факультета, встречи с учеными, знакомство с изданиями. Конгресс просто в концентрированной форме продемонстрировал это, показав также повышающийся интерес к проблемам македонского фольклора в зарубежной славистике. Замечу здесь, что три советских доклада были также посвящены македонским темам: «Аграрно-магическая основа и драматизация в традиционных обрядовых играх Македонии» (Н. Велецкая); «Символика македонской песни „Темное облако появилось“» (В. Гусев); «Песня о Кралевице Марке и былина об Илье Муромце и Соловье Разбойнике» (Б. Путилов). Обсуждались и проблемы истории южнославянского эпоса: назову здесь доклады проф. А. Шмауса (Мюнхен) «Специфические черты македонской эпикки» и проф. Р. Меденицы (Белград) «Взгляд на облик македонской эпикки и ее проблематику». Другие доклады относились к маке-

донской лирике («О реализме македонской народной лирики» — проф. Г. Пойкерт, Иена), к истории фольклористики (доклады д-ра Б. Ристовского о К. Мисиркове, д-ра И. Николитча о М. Величе, Дж. Джорджева — о ранних записях македонских песен на фонограф), к различным жанрам (доклад Е. Башич о детских считалках). Специальный цикл составили доклады о партизанском и революционном фольклоре Македонии (проф. К. Пенушлиски, д-р Г. Тодоровски, Т. Саздов, Л. Манчевски, К. Солунски).

На секционном заседании были заслушаны доклады на тему: «Мифологическое народное творчество в связи с рождением ребенка».

По программе конгресса мы целый вечер смотрели любительские этнографические и фольклорные фильмы, которые показывали ученые Югославии, Чехословакии, Болгарии. И вновь — в который уже раз — нельзя было не пожалеть, что у нас эта сторона фольклорно-этнографической работы развивается слабо, мы явно отстаем и теряем возможность зафиксировать на киноплёнке для науки ценнейшие и уходящие из жизни явления народной культуры.

Последний день конгресса мы провели на колесах: в программе дня был

осмотр исторических мест прилегающего к Дойрану района, в частности — поездка в древний Прилеп на родину Марка Кралевича, знакомство с памятниками народно-освободительной борьбы. Но гвоздем программы было, конечно, присутствие на «Тиквешском гроздобере» — традиционном карнавале по случаю начала массовой уборки винограда. Обряд этот сложился недавно и как таковой представляет особенный интерес: в нем есть и мотивы «сочиненные», народной традиции не свойственные, но в него также органически вошли подлинно фольклорные элементы — древняя пляска-игра «Русалия», коло, народные маски и др. Во всяком случае, праздник удался на славу и весь городок Кавадарци, в котором проходил карнавал, принял в нем участие.

Так под звуки македонской народной музыки на шумных улицах городка, славящегося своим виноделием, завершился XIII конгресс югославских фольклористов, итоги которого несомненно войдут в науку, а участники его будут с теплотой и благодарностью вспоминать напряженные, яркие и полные впечатлений дни, проведенные на македонской земле.

Б. Н. Путилов

АКАДЕМИК МИХАИЛ ДИМИТРОВ

12 X 1881—6 X 1966

Умер академик Болгарской академии наук Михаил Димитров Дафинкичев — выдающийся болгарский историк, много занимавшийся также вопросам философии и психологии.

М. Димитров родился в с. Чупреня близ г. Белоградчик, в бедной крестьянской семье. После окончания школы поступил в Ломское педагогическое училище, где вошел в марксистский кружок. За это он был лишен стипендии, и чтобы окончить училище, М. Димитров вынужден был давать частные уроки. В 1902 г. он работал учителем в с. Брегово Видинского р-на, но вскоре был уволен за атеистические взгляды. Тяга к науке побудила Димитрова переехать в Софию, где он поступил в Университет. Однако в 1905 г. его исключили из университета за участие в антиправительственной студенческой демонстрации. После этого М. Димитров уехал учиться в Загреб. Получив образование, он работал учителем в Ямболе, Севлиеве. М. Димитров участвовал в Балканских и первой мировой войнах. После этого учительствовал в Софии, а затем был командирован на работу в Государственную библиотеку (ныне Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия). В этот период он впервые заинтересовался деятельностью и творчеством Х. Ботева. С 1921 г. Димитров начал работать в Софийском университете в качестве ассистента по психологии. Здесь М. Димитров ведет большую научную работу.

В 1945 г. М. Димитров был избран экстраординарным, а затем ординарным профессором, в следующем году — действительным членом БАН. В 1947—1957 гг. он являлся вице-президентом БАН. С 1945 г. М. Димитров руководил Институтом им. Христо Ботева (позже Ботева — Левского). Помимо научной работы Димитров много сил отдавал общественной деятельности. Член БКП с 1944 г., он был председателем Союза науч-

ных работников, членом Национального комитета мира и др.

Перу М. Димитрова принадлежит около 300 работ. В 1910 г. он опубликовал свой первый труд, посвященный проблемам экспериментальной психологии и философии. В 1915 г. появилась его работа о Х. Ботеве. С этого времени и до последних дней М. Димитров изучал историю болгарского национально-революционного движения. Он не был первым марксистом, писавшем о Х. Ботеве: современником М. Димитрова был Г. Бакалов, предшественником — Д. Благоев. М. Димитров много сделал для развенчания ошибочных взглядов буржуазных авторов на болгарское освободительное движение. Он проделал огромную работу по собиранию новых источников, провел исключительные по значению текстологические исследования многочисленных газетных и журнальных статей, которые позволили ему опубликовать труды капитального значения: трехтомное собрание сочинений Х. Ботева и двухтомное собрание публицистики Л. Каравелова преимущественно из русских изданий 1860—1878 гг. Одновременно с этим он опубликовал первые научные биографии Х. Ботева, Л. Каравелова, ряд меньших по объему, но существенных по значению исследований о В. Левском, С. Стамболове, «Добродетельной дружине», З. Стоянове, как биографе Ботева и др.

Академик М. Димитров в своей научной работе отличался высокой принципиальностью и твердостью убеждений. Мягкий, обаятельный человек, он в то же время был острым полемистом.

Труды М. Димитрова на долгие годы останутся определяющими в разработке истории национально-революционного движения Болгарии, и только опираясь на них возможно теперь исследование тех или иных сторон указанного периода.

С. А. Никитин

В. К. ЯЦУНСКИЙ

Советская историческая наука понесла большую утрату. 13 октября 1966 г. на 77 году жизни скончался видный ученый доктор исторических наук Виктор Корнильевич Яцунский.

Научная деятельность В. К. Яцунского началась еще до Октябрьской революции. После окончания Московского университета (1916 г.), В. К. Яцунский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Его внимание привлекали проблемы социально-экономической истории и исторической географии России. Исследуя эти вопросы, В. К. Яцунский во многом обогатил отечественную историческую науку. Перу В. К. Яцунского принадлежит около 100 научных работ и среди них такие крупные, как «Атлас по истории народного хозяйства России в XVIII—XX вв.» (8 выпусков), «Мануфактура и фабрика в дореволюционной России», «Историческая география. Ее возникновение и развитие в XIV—XVIII вв.». В своих исследованиях В. К. Яцунский глубоко освятил ряд важных проблем развития сельского хозяйства и промышленности в России в XVIII—XIX вв. и методологии и методики исторической науки. Его научная работа сочеталась с многолетней педагогической деятельностью.

В. К. Яцунский живо интересовался и проблемами советского славяноведения. Он был большим знатоком социально-экономической истории зарубежных славянских стран и широко использовал

ее данные в своих исследованиях. Им опубликованы работы, в которых специально рассматриваются отдельные вопросы общественно-экономического развития соседних славянских стран.

Научная деятельность В. К. Яцунского тесно связана с работой Института славяноведения АН СССР. Он был членом Ученого совета Института, активно участвовал в обсуждении научных проблем, консультировал и редактировал отдельные работы, печатал свои исследования в изданиях Института. Немало сделал В. К. Яцунский и для того, чтобы славянская проблематика заняла достойное место на сессиях симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

В. К. Яцунский откликался на работы польских и других зарубежных ученых. Его выступления отличались глубоким анализом рецензируемых изданий и интересными наблюдениями и соображениями. Исследования В. К. Яцунского привлекали внимание и зарубежного читателя. Об этом, в частности, свидетельствует издание ряда его работ в Польше и Чехословакии.

Научно-педагогическая деятельность В. К. Яцунского была высоко оценена Родиной. Он был награжден орденом Ленина и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В. К. Яцунский был крупным ученым, требовательным педагогом, хорошим товарищем и доброй души человеком.

Таким он останется навсегда в памяти всех, кто его знал.

И. И. Костюшко

ПАМЯТИ П. В. ГАЛЕНКО

15 сентября 1966 г. на пятьдесят третьем году жизни скоропостижно скончался доктор экономических наук, профессор Павел Васильевич Галенко.

П. В. Галенко родился в бедной крестьянской семье на Полтавщине. В четырехлетнем возрасте он потерял отца, которого повесили немецкие оккупанты за участие в партизанском движении на Украине. Мальчику пришлось жить в приюте, а с 12-летнего возраста батрачить у местных богатеев. В 1929 г. Галенко поступил в колхоз «Пролетарий».

В 1934 г. Павел Васильевич закончил Полтавский автодорожный техникум и несколько лет работал по специальности; в 1936—1938 гг. служил в войсках НКВД, а в 1939 г. вступил в КПСС. В следующем году он был принят в Высшую партийную школу при ЦК

ВКП(б), которую успешно закончил в 1942 г. В том же году П. В. Галенко экстерном закончил Свердловский педагогический институт и ряд лет находился на партийной работе в Коми АССР, а в 1947—1948 гг. и 1951—1952 гг. в аппарате ЦК ВКП(б).

После окончания Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) П. В. Галенко в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию. С августа 1952 г. по сентябрь 1961 г. Павел Васильевич являлся старшим научным сотрудником Института славяноведения Академии наук СССР.

За это время он подготовил и опубликовал ряд работ, посвященных развитию экономики народно-демократической Польши и борьбе польского народа за социалистическую индустриализацию

страны. Наиболее значительные из них монографии: «Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике» (1955) и «Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике» (1961). В этих работах на основе изучения архивных и других материалов рассматриваются процессы формирования социалистического уклада в экономике Народной Польши. Книжки П. В. Галенко и поныне остаются наиболее обстоятельными трудами

по этим проблемам в советской литературе.

В 1961 г. П. В. Галенко защитил докторскую диссертацию.

В последние годы своей жизни Галенко был профессором Института общественных наук и директором Института международных отношений при МГК КПСС. Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением слушателей и преподавателей.

Ф. Г. Зусев, А. Я. Манусевич

CONTENTS

Henryk Jabłoński (Poland). The influence of the Socialist Revolution in Russia on the character of the Second Polish Republic *V. I. Zlydnev*. The October Revolution and the literary process in Bulgaria. *M. M. Freidenberg*. The trade in the Dalmation town in the XIII—XIV centuries. *T. M. Sudnik, S. M. Tolstaja, V. N. Toporov*. The characteristics of the southern part of the Balto—Slavic linguistic union. *E. V. Cheshko*. The case syntax system of Old Church Slavonic

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

L. Titova. New forms of theatrical life in Czechoslovakia. *L. S. Kishkin*. An old photograph reminded me of... *I. D. Ochak*. The autobiography of Vladimir Čopić, a Yugoslav communist

BIBLIOGRAPHY

Reviews and Review-articles

M. A. Birman. The main trends in the study of the Bulgarian modern and recent history in the Bulgarian historical science (1918—1944). *A. I. Mitryajev, S. I. Sidelnikov*. The first publication on Slavic historiography. *N. Busse*. П. Цанев. Марксистско-ленинската книга през периода на фашистската диктатура. *G. P. Pochevko*. The bibliography on the 1863 January uprising in Poland. *R. P. Grishina*. Г. Пенчев. Нелегалните печатници на партията. *G. L. Arsh*. Н. Тодоров. Филики Етерия и българите. *J. K. Begunov*. New work by Bulgarian Scientists. *I. K. Gorsky*. The first attempt in generalization. *E. A. Grigoryan*. A book about Armeno-Bulgarian literary contacts. *I. N. Lozinsky*. The first Ukrainian study about the great Czech satirist. *L. E. Kalnyn*. «Sorbischer Sprachatlas». *G. Neshchimenko*. «Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur»

Bibliographical publications

The main articles and materials on the present state, history, culture and language of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1966 (continued). The contents of foreign periodicals

SCIENTIFIC LIFE

I. A. Khrenov. At the International Committee of Slavists. *V. A. Dyakov*. The International Symposium on the history of the revolutionary contacts between the peoples of the USSR and Poland. *E. Tarvel*. The Ninth session of the symposium on the East European agrarian history. *E. Grigoryan*. A conference on toponimics. *N. M. Pashaeva*. Slavistics in the funds of the State Public Historical Library. *V. L. Vere-nich, L. N. Smirnov*. The defence of the dissertation theses

Scientific life abroad

Ju. V. Bromley. The 1050-th anniversary of the death of St. Clement of Okhrida. *V. V. Zelenin*. The Symposium on the first session of AVNOJ. *B. N. Putilov*. At the congress of the Yugoslav folklorists. *S. A. Nikitin*. The Academician Mikhail Dimitrov *I. I. Kostiushko*, V. K. Jatsunsky, *F. G. Zuev, A. Ja. Manusevich*. In memoriam P. V. Galenko 120

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. РОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, В. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ
Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 15/ХІІ—1966 г. Т-01096 Подписано к печати 20/ІІ—1967 г. Тираж 1200 экз.
Зак. 1707 Формат бумаги 70×103¹/₁₆ Печ. л. 11,2 Бум. л. 4. Уч.-изд. листов 14,2

Цена 1 руб.
Индекс 70891